

ISSN 0321-5075 (Print)
ISSN 2782-2389 (Online)

АЗИЯ сегодня и АФРИКА

ASIA & AFRICA today

2024 № 2

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2024 № 2

Ежемесячный научный журнал
Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. – «Современный Восток»)
Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтеринва (Нигерия), В.Я. Белокрыцкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт
всеобщей истории РАН, Москва, Россия), А.В. Денисов (Москва, Россия),
Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия), С.С. Кунанбаева (Казахстан), Москва, Россия),
В.А. Мельянец (Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия),
Д.В. Мосяков, (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия), Ф.С. Муфамеди (ЮАР),
М. Наср аль-Гибали (Египет), У. Рено (США), С.В. Прожогина (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), О.И. Тетерин (Москва, Россия), Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения
РАН, Москва, Россия), В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
Л.Ю. Тенякова, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2024 № 2

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title “Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Kazakhstan), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), W. Reno (Northwestern University, USA), T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow),
V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia), O.I. Teterin (Moscow, Russia),
H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; L.Yu. Tenyakova, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

Муратшина К.Г. Индия идет в Южно-Китайское море	5
Николаев Н.А. Арктический вектор в полярной политике Китая	15
Туряница Д.А. Южная Африка – 2024: политические партии в преддверии выборов	23
Тихоцкая И.С. От экотаунов к супергородам: низкоуглеродные города в Японии	32
Прокофьев В.А. Глобальные тенденции развития чистой энергетики	41
Александрова Е.Н. (Краснодар). Влияние цифровых технологий на развитие индустрии роскоши в Китае	49

Трибуна соискателя

Абдулай Махамат А. (Чад). Франция и Россия в обеспечении безопасности в Центральной Африке и борьбе с терроризмом	56
--	-----------

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Грибанова В.В., Хохолькова Н.Е. Актуальные проблемы исследования колониализма, неоколониализма и деколонизации	64
Калиниченко Л.Н., Морозенская Е.В. Роль сферы услуг в социально-экономическом развитии Африки	68

КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

Норузи М. (Иран). Социальная проблематика в романе М.Мошфека Каземи «Страшный Тегеран»	72
---	-----------

РЕЦЕНЗИИ

Астафьева Е.М. Прекрасная Индонезия: история и культура в литературных портретах	79
---	-----------

© Российская академия наук, 2024
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2024

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал включен в список ВАК. Входит в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science и EBSCO Publishing.

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1
Тел.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Интернет: **www.asaf-today.ru**

CONTENTS

POLITICS, ECONOMICS

Muratshina K.G. India Heading for South China Sea	5
Nikolaev N.A. The Arctic Vector of China's Polar Policy	15
Turianitsa D.A. South Africa – 2024: Political Parties' Activities ahead of Elections	23
Tikhotskaya I.S. From Ecotowns to Supercities: Low-Carbon Cities in Japan	32
Prokofyev V.A. Global Tendencies of Clean Energy Development	41
Alexandrova E.N. (Krasnodar). The Impact of Digital Technologies on the Development of the Luxury Industry in China	49

POST-GRADUATE COLUMN

Abdoulaye Mahamat A. (Chad). France and Russia in Ensuring Security in Central Africa and the Fight against Terrorism	56
--	-----------

SCIENTIFIC LIFE

Gribanova V.V., Khokholkova N.E. The Current Issues in the Research of Colonialism, Neocolonialism, and Decolonization	64
Kalinichenko L.N., Morozenskaya E.V. The Role of the Service Sector in Africa's Socio-Economic Development	68

CULTURE, LITERATURE, ART

Norouzi M. (Iran). Social Issues in M.Moshfeq Kazemi's Novel "The Terrible Tehran"	72
---	-----------

BOOK REVIEW

Astafieva E.M. Beautiful Indonesia: History and Culture in Literary Portraits	79
--	-----------

© Russian Academy of Sciences, 2024
© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2024

The authors opinions may not coincide with position of the Editorial.

Included in Russian Science Citation Index on WoS platform, and EBSCO Publishing.

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

DOI: 10.31857/S032150750030070-9

Индия идет в Южно-Китайское море

© Муратшина К.Г.^a, 2024

^a Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7952-6299; k.muratshina@ivran.ru

Резюме. В статье анализируется, как в конфликте вокруг Южно-Китайского моря (ЮКМ), который уже давно вышел за пределы взаимоотношений претендентов на спорные территории и привлекает всё новых внерегиональных участников, представлены позиции такого значимого в глобальном масштабе актора, как Индия.

Показаны ключевые черты индийской политики: оказание поддержки оппонентам Китая путем наращивания военно-технического сотрудничества с ними; придание своему военному присутствию в ЮКМ практически постоянного характера; более открытая и категоричная риторика публичных заявлений; поддержание взаимодействия с внерегиональными игроками как потенциального инструмента против Китая.

Делается вывод о серьезном и долгосрочном характере индийских интересов в ЮКМ: Индия выступает не в фарватере США и *Quad*, но как самостоятельная сила, стратегически продумывает свою позицию и решает в регионе ЮКМ собственные задачи – как экономические, так и связанные с обеспечением своей безопасности.

Ключевые слова: Индия, Китай, АСЕАН, Южно-Китайское море, Юго-Восточная Азия

Для цитирования: Муратшина К.Г. Индия идет в Южно-Китайское море. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 2. С. 5–14. DOI: 10.31857/S032150750030070-9

India Heading for South China Sea

© Ksenia G. Muratshina^a, 2024

^a Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7952-6299; k.muratshina@ivran.ru

Abstract. This paper analyses the participation of the Republic of India, as a significant global power, in the South China Sea conflict. So far, the internationalisation of the latter continues, having reached far beyond the framework of the relationships solely between the contenders.

The author traces India's policy on the issue of the South China Sea throughout Narendra Modi's premiership (from 2014 to current stage) and reminds of India's earlier activities in this direction as well. The key features of Indian participation in the conflict are displayed: indirect support to China's opponents in Southeast Asia by means of increasing defence cooperation with them; upgrading the Navy presence in the South China Sea to the level of being nearly permanent; more open and straightforward rhetoric of the official statements; and developing partnerships with the USA and Quad as a potential tool for China's containment.

India's interests in the South China Sea are defined as serious and long-term, taking into account the fact that India does not follow the USA or Quad, but behaves as an independent player, with its own strategy and justifications, based on fundamental economic and security objectives.

Keywords: India, China, ASEAN, South China Sea, Southeast Asia

For citation: Muratshina K.G. India Heading for South China Sea. *Asia and Africa today*. 2024. № 2. Pp. 5–14. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030070-9

ВВЕДЕНИЕ

Территориальный спор в Южно-Китайском море (ЮКМ), в который вовлечены Китай, Вьетнам, Малайзия, Филиппины, Бруней и Тайвань, не одно десятилетие остается «горячей точкой» и одним из глеющих конфликтов современного мира. Помимо непосредственных участников, в него прямо или

косвенно вовлекаются внерегиональные игроки – они оказывают поддержку претендентам на территории, вмешиваются в спор на международной арене, а в конечном счете так или иначе пытаются реализовать собственные планы.

Интересно проследить, как проявил себя в этой ситуации такой крупный и значимый актор Тихоокеанской Азии, как Индия, которая все громче заявляет о себе на мировой арене как о глобальной державе, имеющей свой взгляд на ключевые международные процессы. Отправной точкой в данном анализе будет 2014 г. – год прихода к власти премьер-министра Н.Моди, продолжающего руководить страной по сей день.

ИНДИЯ И СТРАНЫ ЮВА

Двусторонние отношения Индии с государствами ЮВА при Н.Моди заметно активизировались. Вот как развивалось партнерство в сфере безопасности с теми, кто вовлечен в спор с Китаем в ЮКМ.

В 2015 г. Индия подписала с Вьетнамом меморандумы о развитии военно-технического сотрудничества (ВТС) и о взаимодействии между службами береговой охраны¹. В течение последующих лет СРВ получала многомиллионные долларовые кредиты на военные нужды и закупала сторожевые катера². Кроме того, индийская сторона проводит подготовку вьетнамских военнослужащих³. В 2016 г. была достигнута договоренность о строительстве во Вьетнаме индийской станции слежения за спутниками и сбора данных⁴. В 2018 г. стороны подписали соответствующее соглашение. Запланировано интегрировать объект в единую сеть с аналогичными индийскими станциями в Индонезии, Брунее, на Маврикии и на Андаманских и Никобарских островах⁵.

В 2022 г. появилась информация об активации станции [1]. Информации о проекте в публичном пространстве мало, что указывает на его двойное назначение. Ясно и направление усилий Индии – задачи развития взаимодействия в области космоса, укрепления своих позиций как космической державы, способной не только конкурировать с Китаем, но и следить за его действиями с помощью новых средств наблюдения.

В 2022 г. Индия и Вьетнам подписали новый документ по ВТС – «Меморандум о взаимной логистической поддержке». Он позволяет военным кораблям и авиации сторон запрашиваться топливом и получать иную поддержку на базах друг у друга. Тогда же оборонные ведомства сообщили о подписании заявления об «общем видении партнерства до 2030 г.». Согласно опубликованным комментариям, оно направлено на «значительное расширение объема и масштаба оборонного сотрудничества»⁶. Регулярно индийские корабли заходят во вьетнамские порты и проводятся совместные учения. Они стали проходить гораздо чаще – по несколько раз в год⁷. Наконец, Вьетнам считается одним из перспективных покупателей продукции индийского ВПК. Помимо успешного опыта с продажей катеров, начались переговоры об экспорте других вооружений⁸.

С Малайзией в 2015 г. было подписано совместное заявление об «укреплении стратегического партнерства», которое в том числе содержало обязательства «усилить сотрудничество в сфере обороны посредством регулярного диалога на различных уровнях», продолжить проведение совместных учений, обмениваться опытом эксплуатации и обслуживания истребителей Су-30 и развивать связи в областях «сопутствующих исследований, военно-промышленного комплекса и военной подготовки»⁹. В 2022 г. стороны достигли договоренности о создании совместного производства беспилотников¹⁰. Индия активно предлагает Малайзии возможности своего ВПК¹¹, особенно свои новейшие истребители¹². Нако-

¹ Indiastrategic.in. 25.05.2015.

² Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 08.06.2022.

³ См., напр.: Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 16.03.2017.

⁴ Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 24.02.2016.

⁵ Deccan Herald. 25.01.2018.

⁶ The Tribune. 08.06.2022.

⁷ См., напр.: Hanoi Times. 10.03.2022; Hanoi Times. 26.06.2022; Indiatimes.in. 02.12.2022; Press Information Bureau. 31.07.2022.

⁸ См., напр.: Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 09.01.2017.

⁹ Ministry of External Affairs of India. 23.11.2015.

¹⁰ Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 27.06.2022.

¹¹ Ministry of Defence of India. Press Releases. August 2021.

¹² См., напр.: Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 05.08.2022.

нец, на протяжении всего рассматриваемого периода продолжались совместные военные учения сторон и обмен военными делегациями¹³.

С Филиппинами Индия подписала меморандум о ВТС и логистике в 2017 г. [2]. Тогда же начались переговоры о возможности экспорта ракетных комплексов «Брамос». Контракт на их поставку был подписан в начале 2022 г. Помимо продажи собственно установок, Индия обучит филиппинских военных работе с ними¹⁴. Кроме того, островному государству был выделен кредит на \$100 млн на военные нужды [3]. На перспективу Индия предлагает для филиппинских военных обучение по кибербезопасности¹⁵. Также регулярно проводятся совместные учения, визиты кораблей и обмен военными делегациями¹⁶.

С Брунеем меморандум о ВТС был заключен в 2016 г. Стороны договорились на постоянной основе проводить визиты представителей вооруженных сил, обмениваться информацией и опытом, наладить взаимодействие предприятий ВПК [4]. В 2018 г. партнеры подписали меморандум о продолжении работы построенной в султанате в 1999 г. индийской станции слежения за спутниками и сбора данных¹⁷. За последние годы состоялось несколько визитов индийских кораблей, обмены делегациями военных ведомств и совместные учения¹⁸.

Относительно всех четырех участников спора с Китаем в ЮКМ можно отметить, что ВТС Индии с ними активизировалось, в т.ч. стали чаще проводиться учения (хотя, к слову, до количества китайских маневров в ЮКМ [5, с. 82] им пока далеко) и «дружественные визиты» индийских ВМС. Более того, теперь визиты проводятся сериями, превращаясь в длительные экспедиции. Каждый такой поход широко освещается в информационном пространстве, охватывает все государства по маршруту и может включать помимо учений с партнерами из ЮВА маневры с Японией, США или Австралией. Цель таких мероприятий индийское Министерство обороны обозначает, как «демонстрацию оперативных возможностей», «мирное присутствие, проявление солидарности с дружественными странами в стремлении к обеспечению порядка на море»¹⁹.

Таким образом, Индия показывает свой геополитический «замах» на лидерство не только на пространстве региона Индийского океана, но и в соседних акваториях.

МНОГОСТОРОННИЙ УРОВЕНЬ

Если говорить о вопросе ЮКМ на уровне диалога Индия – АСЕАН, то здесь он тоже присутствует, причем, в отличие от двусторонних связей, в многостороннем формате его выдвижение на первый план случилось только при Н.Моди. Как отметил индийский премьер в 2014 г. в своем выступлении на саммите с АСЕАН, «ради мира и стабильности в ЮКМ все должны соблюдать международное право»²⁰.

В дальнейшем тема следования международному праву и принципу свободы судоходства в ЮКМ либо в целом в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) постоянно звучала в тезисах индийской стороны не только на саммитах глав государств, но и на министерских конференциях, а также на Совещании министров обороны АСЕАН со странами-партнерами и на Восточноазиатских саммитах²¹. С 2016 г. тезисы такого характера ежегодно включаются в заявления по итогам саммитов Индия – АСЕАН²² и в 5-летние планы сотрудничества сторон²³, что можно считать отчетливым посылом Китаю и остальному миру, демонстрирующим серьезность намерений индийской стороны в отношении с её партнерами из ЮВА и приверженность своим принципам политики в регионе.

¹³ См., напр.: <https://indiannavy.nic.in/content/visit-indian-warships-port-kelang-malaysia> (accessed 20.01.2023); Sputniknews.com. 11.04.2017; <https://hcikl.gov.in/Defence#panel-4> (accessed 17.01.2023)

¹⁴ Business Standard News. 09.04.2022.

¹⁵ Timesnownews.com. 12.10.2022.

¹⁶ См., напр.: Ministry of External Affairs of India. 09.02.2016; Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 24.08.2021; Indiaties.in. 07.06.2022.

¹⁷ Aninews.in. 12.09.2018.

¹⁸ См., напр.: <https://indiannavy.nic.in/content/ins-satpura-overseas-deployment-brunei> (accessed 20.01.2023); Borneo Bulletin. 10.08.2021.

¹⁹ См., напр.: *Hanoi Times*. 06.08.2021.

²⁰ Ministry of External Affairs of India. 12.11.2014.

²¹ См., напр.: Ministry of External Affairs of India. 06.08.2015; 08.09.2016; Indiaties.in. 12.11.2020; <https://mod.gov.in/sites/default/files/RMADMM.pdf> (accessed 11.01.2023)

²² См., напр.: Indian Mission to ASEAN. 08.09.2016; ASEAN Official Website. 25.01.2018; 13.11.2022.

²³ См., напр.: <https://aistic.gov.in/ASEAN/aistdfAppendix> (accessed 14.01.2023)

Кроме того, Индия традиционно принимает участие в многосторонних учениях АСЕАН со странами-партнерами²⁴, т.е. использует и эту возможность для контактов с вооруженными силами стран ЮВА и посещения соответствующих акваторий.

ОЦЕНКИ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА

Экспертное сообщество Индии не только поддерживает и продвигает позицию руководства страны, но и явно хотело бы более активных действий. Китай в индийских оценках ситуации в ЮКМ выступает главным возмутителем спокойствия. Вьетнаму, Малайзии, Филиппинам и Брунею индийские специалисты заметно сочувствуют, Тайвань вообще не считают значимой стороной конфликта, более того, его называют в числе объектов экспансии Китая [6].

В китайской политике в отношении ЮКМ и стран ЮВА индийские эксперты отмечают использование стратагем [7], главными из которых являются прямой обман (КНР предъявила претензии на большую часть акватории моря в тот момент, когда её отношения с ЮВА были «лучшими в современной истории» [8], а затем, успокаивая АСЕАН заявлениями, что «ни одно государство не может требовать всё море», начала создавать искусственные острова [9]) и попытки внести в АСЕАН раскол [10].

Как следствие, линию АСЕАН в ЮКМ индийцы считают недостаточно жесткой по отношению к Китаю [11].

Достается отрицательных оценок и США: они, в представлении индийских экспертов, «играют мускулами» [12], но долгое время «только выступали с заявлениями», «ничего существенного не делая, чтобы оказать давление на Китай» [13]. Невнятное поведение Штатов в отношении выполнения обязательств перед союзниками называется причиной, вынудившей Индию более активно подойти к проблеме ЮКМ и «продемонстрировать всему миру весомый и долгосрочный характер своей политики в Тихоокеанской Азии» [14]. Отсюда и пессимистичный прогноз относительно роли США: «После установления полного доминирования над ЮКМ следующей целью Пекина будет Индийский океан. Для нас то, что происходит в ЮКМ, – самое яркое предупреждение. Помощь США и *Quad* сейчас нужно принимать, но при этом необходимо четко понять, что в случае конфликта военную помощь нам никто не окажет, и мы можем защитить себя только сами» [15].

Это трезвая оценка перспектив связей с США и еще одно объяснение интенсификации действий Индии. Кстати, помимо внимания к США, в Индии почти под микроскопом рассматривают позицию России по ЮКМ, чтобы удостовериться, что она действительно нейтральна [16].

Относительно перспектив индийской политики высказывается мнение, что Индия должна занимать «принципиальную позицию по ЮКМ» не только потому, что «Юго-Восточная Азия много значит для индийских интересов», но и потому, что в этом конфликте присутствует серьезная международно-правовая коллизия [17], а Индия заинтересована в стабильности в ИТР [18].

Подъем Китая, отмечает еще один автор, «разбалансирует» региональную архитектуру Азии, и только Индия может сохранить её многополярной. В ЮКМ «Индия доставляет Китаю проблемы своим присутствием», тогда как Китай «не дает Индии покоя своими проходами подводных лодок в районе Шри-Ланки» [19].

Не отрицаются и экономические аспекты индийского интереса – важность ЮКМ заключается в его богатом ресурсном потенциале и географическом положении; контроль над ним обеспечивает «стратегическое преимущество» [20]. Еще до Н.Моди индийцев очень задевало, что Китай пытался указывать Индии на неприемлемость её сотрудничества с Вьетнамом в нефтедобыче в ЮКМ [21]. Теперь риторика становится более воинственной. Встречается такое обоснование: у Индии сейчас «новый подход к конструированию своей стратегической географии, и ЮВА включена в её ареал» [22]. «Это не китайское море, – заявляет еще один эксперт, посол Индии в КНР в 2016–2017 гг. – Индийцы плавали там веками.

У Дели свои задачи в ИТР в плане безопасности, мира и торговли, поэтому играть надо вдолгую... Как сложится ситуация в ЮКМ – будет критически важно для нашей безопасности». И как вывод: «Южно-Китайское море нас касается. У нас исторические права на то, чтобы свободно там плавать, обусловленные практикой и традициями» [23]. Таким образом, экспертное сообщество Индии нарисо-

²⁴ См., напр.: Ministry of Defence of India. 12.05.2019.

вало довольно стройную картину, объясняющую её присутствие в ЮКМ, и для себя обосновало необходимость пусть не прямого вмешательства, но активного участия в делах соседнего региона на правах «ответственной великой державы», которая не может оставаться в стороне от тлеющего конфликта.

КУРС ИНДИИ: НЕЗАВИСИМОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Нарендра Моди в статье «АСЕАН и Индия: общие ценности, общая судьба», которая вышла во всех ведущих СМИ ЮВА в 2018 г., отмечает: «Отношения Индии с АСЕАН свободны от какого-либо соперничества и претензий. У нас общее видение будущего, основанное на приверженности инклюзивности и интеграции, вере в суверенное равенство всех государств, независимо от их величины, и поддержке свободных и открытых торговых маршрутов» [24]. Здесь замечен выпад в сторону Китая. Индийский премьер, по сути, позиционирует партнерство как прямую альтернативу китайскому влиянию. В значительной мере это связывается с принципиальной разницей во взглядах Индии и Китая на ЮКМ, закрепляется мысль, что проблем в отношениях, подобных имеющимся с Китаем, у стран ЮВА с Индией нет, поскольку она поддерживает идею свободы судоходства.

Нужно отметить, что в ЮВА этот призыв слышали. Премьер-министр председательствовавшего тогда в АСЕАН Сингапура Ли Сянь Лун заявил, что Индия, как и США, действительно «имеет интересы по поддержанию свободы судоходства и полетов не только в пределах ЮКМ, но и в других точках мира», в связи с чем эти две державы «принимают меры для защиты своих интересов»²⁵, чем недвусмысленно дал понять, что присутствие внерегиональных акторов в ЮКМ – нормальное явление, если они – за свободу судоходства.

Конечно, о единодушии в вопросе ЮКМ и сотрудничестве в сфере безопасности с Индией громко говорят либо в тех странах, которые вовлечены в конфликт с Китаем, либо в относительно нейтральных государствах, по крайней мере, не слишком зависимых от него экономически²⁶. Но в то же время Индия в своей политике, в своем имидже одновременно «набирает очки» и другими факторами, а именно большими объемами гуманитарной помощи²⁷ и опытом инфраструктурных проектов [25], создающими конкуренцию и противовес в отношении китайского влияния. Поэтому в целом её привлекательность как партнера высока и оппозиции со стороны государств ЮВА не встречает.

Чего не скажешь о Китае: он реагирует на отношения Индии с АСЕАН и её политику в вопросе ЮКМ очень напряженно, поскольку чувствует, что его ближайшую сферу влияния напрямую задевают. Так, КНР осуждает учения Индии и Вьетнама в ЮКМ²⁸; тщательно изучает индийскую политику и развитие экономического сотрудничества Нью-Дели с партнерами из ЮВА²⁹; проводит «демонстрацию флага» вблизи индийских берегов³⁰ и пытается представить курс Индии только как поддержку США³¹.

Последнее принципиально не соответствует действительности: во-первых, потому что между Индией и США нет союза и соответствующих обязательств, а во-вторых, потому что продвижение отношений со странами ЮВА и защита принципа свободы судоходства в ЮКМ – интересы для Индии отнюдь не навязанные извне, придуманные кем-то другим, а собственные, очень давние, коренные, постоянные.

История показывает, что её связи со странами ЮВА после обретения ими независимости укрепились на протяжении уже более чем полувека. По мере того, как сама Индия набирала политический, экономический и военный вес в мире, в качестве значимого элемента отношений закрепилось ВТС. В полной мере это произошло в первом десятилетии XXI в.: регулярно (хотя и не столь часто, как при Н.Моди) проводились совместные учения, встречи делегаций военных ведомств, визиты индийских кораблей, поддерживалось сотрудничество военных учебных заведений. Наиболее тесное взаимодействие установилось с Вьетнамом, Сингапуром, Малайзией, Индонезией и Таиландом (см. подробнее: [26, pp. 176–186, 271–274]). Кстати, учения проходили как в индийских водах, так и в ЮКМ.

²⁵ Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 16.03.2018.

²⁶ См., напр.: Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 26.01.2018; The Nation. 29.10.2021.

²⁷ См., напр.: Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 27.01.2021.

²⁸ Deccan Herald. 27.12.2020.

²⁹ South China Morning Post. 08.09.2019.

³⁰ Business Standard News. 13.08.2022.

³¹ Global Times. 31.08.2020.

Свидетельства того времени указывают, что Индия обращала внимание на активность Китая в этом регионе и задумывалась, как, с одной стороны, не допустить угрозы морским путям в международных водах, по которым ведется торговля с ЮВА и проходит маршрут в Тихий океан, а с другой – обезопасить себя, ведь через ЮКМ для её вероятного противника – Китая – идет кратчайший путь в Индийский океан.

Министр обороны Индии в 1998–2004 гг. Д.Фернандес предлагал Вьетнаму ни много ни мало – помощь в патрулировании моря. Это не было реализовано, но среди индийских политиков и военных появилось много сторонников идеи «устойчивого присутствия» в ЮКМ, а наряду с ними – и противники такого варианта, не желавшие ввязываться в чужие споры. Дело дошло до конфликта между МИД Индии и командующим ВМС адмиралом Д.К.Джоши, заявившим о возможности отправки в ЮКМ флота «для защиты экономических интересов Индии», как только Китай провозгласил юрисдикцию провинции Хайнань над территориями [26, pp. 30, 140–141, 311].

Обстановка диктовала условия, все более способствовавшие вовлечению Индии в противостояние. В 2011 г. китайский военный корабль проследил за индийским в международных водах и по радио требовал объяснить его присутствие. Тогда же Китай оказывал на Индию давление, чтобы она отказалась от проекта с Вьетнамом по добыче нефти в ЮКМ. Индия отреагировала жестко и асимметрично: через два месяца после инцидента с кораблем нефтяная сделка была подписана [26, p. 307].

Впоследствии китайские корабли не раз приближались к построенным платформам³². Длительное время китайские политики утверждали, что КНР никогда не будет создавать военных баз в Индийском океане, но в 2016 г. стало известно, что Китай создает такую базу в Джибути. Свою работу она начала в 2017 г.³³

Как вполне ощутимая угроза в Индии рассматривается и формирование Китаем крупнейшей базы подводных лодок на Хайнане [27], ведь Китай остается её вероятным противником, между ними не закончен пограничный спор, стороны постоянно находятся в состоянии готовности к конфликту и проверяют друг друга на прочность.

В нынешних условиях Индия даже создала прецедент использования ЮКМ как болевой точки Китая. В 2020 г., после начала кровопролитных столкновений между ними на границе в долине реки Галван, индийский корабль внезапно прибыл в ЮКМ, наладил связь с американской группой ВМФ, проводившей там учения, и поддерживал с ней контакт. Одновременно корабли Индии заняли позиции в районе Андаманских и Никобарских островов. Отряд сопровождался истребителями³⁴.

Это была прямая демонстрация силы, и, что важно, она была устроена внезапно. Хотя кардинальных сдвигов в индийско-китайском пограничном урегулировании не происходит долгие годы, представление о способности Индии принимать решения и делать серьезные шаги Китай, несомненно, мог получить. И это весьма жизненная ситуация, потому что двум огромным державам, естественно, тесно на одном континенте, они соперничают, выявляют слабые места друг друга и будут и далее делить сферы влияния.

Н.Моди заслуженно называют динамичным, напористым, решительным лидером, таким, который может «блокировать превращение Азии в китаецентричную» [28]. Свою внешнеполитическую активность он облекает в конкретные инициативы, которые выдвигает как манифест для всего огромного пространства, определяемого Индией как Индо-Тихоокеанский регион. В 2014 г. индийский премьер объявил, что проводившаяся с 1990-х гг. политика «Смотреть на Восток» меняется на другую – «Действовать на Востоке»³⁵. Отношения с АСЕАН он называет «сердцем» этого курса³⁶. Они – важная составляющая таких концепций, как «Век Азии»³⁷ и «Индо-Тихоокеанская инициатива» [29, с. 76–77]. Затрагивает их и политика «Безопасность и развитие для всего региона»³⁸. Наконец, Индия вовлекает АСЕАН в планы «Голубой экономики», основанные на «морском сотрудничестве»³⁹.

³² Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 07.06.2022.

³³ Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 01.08.2017.

³⁴ Deccan Chronicle. 31.08.2020.

³⁵ Nikkei. 15.12.2014.

³⁶ Prime Minister of India Official Website. 03.11.2019.

³⁷ <https://www.mod.gov.in/sites/default/files/RMADMM.pdf> (accessed 04.12.2022)

³⁸ Indiaties.in. 12.11.2020.

³⁹ https://www.indmissionasean.gov.in/press_india?id=bD1Bd (accessed 11.01.2023)

Все эти инициативы представляют собой комплекс задач партнерства, явно конкурирующий с китайской инициативой «Пояс и путь». Индия предлагает своим партнерам вполне конкретные цели: безопасность, устойчивое развитие, защиту окружающей среды, научно-техническое сотрудничество, транспортную взаимосвязанность, рост торговли, борьбу с чрезвычайными ситуациями⁴⁰. Она работает в целях своего лидерства в Азии. При этом, по выражению министра обороны Р.Сингха, «Индия может взять на себя ведущую роль в поддержании мира и безопасности в ИТР и готова к сотрудничеству в этих целях со всеми дружественными государствами»⁴¹. То есть одновременно с реализацией других задач Индия еще и формирует имидж «ответственной великой державы».

Самой заметной индийской внешнеполитической акцией, связанной с ЮКМ, стало проведение Совета Безопасности ООН в августе 2021 г. Тогда Индия на месяц заняла место председателя СБ. Министр иностранных дел С.Джайшанкар сразу же объявил, что его страна будет «защитником международного права»⁴².

Вскоре новый председатель собрал Совбез на заседание по теме «Укрепление морской безопасности: необходимость международного сотрудничества»⁴³. Вел его сам Н.Моди, что подчеркивало уровень и значимость обсуждения. В своем выступлении он назвал моря и океаны «общим наследием», напомнил в честь 5-летнего юбилея Гаагского арбитража по ЮКМ 2016 г., отклонившего китайские притязания, что Индия в свое время выполнила аналогичное решение по морскому спору с Бангладеш, и выдвинул 5 принципов взаимодействия на морских пространствах – «убрать барьеры для морских торговых путей», «разрешать морские споры только мирным путем и в соответствии с международным правом», «вместе противостоять природным катастрофам и угрозам, исходящим от негосударственных акторов», «охранять окружающую среду и морские ресурсы», «ответственно развивать морскую взаимосвязанность»⁴⁴.

Это был манифест не только для Азии, но и для всего мира, Индия демонстрировала, что готова выступать как глобальная держава.

Наиболее напряженным моментом заседания стало столкновение китайской и американской позиций по ЮКМ. Конфликтующие стороны показали себя во всей красе. Госсекретарь Э.Блинкен не столько обвинял Китай в «нарушениях международного морского права», сколько раздавал указания всему человечеству, что следует делать, а что может повлечь «серьезные последствия». Китайский зампред Дай Бин упрямо отрицал все обвинения и называл Совет Безопасности ООН «неподходящим местом» для обсуждения подобных вопросов. Выступления разошлись на цитаты, а Индия как будто парила над схваткой, продвигая свой имидж в глазах стран ЮВА и всего Глобального Юга. Если вспомнить, что в это время её корабли бороздили просторы того самого моря в очередном походе, то становится понятно, что она заявила о своих взглядах действительно громко.

Что касается значения в индийской политике в ЮКМ США и отношений с ними, то, несмотря на заметную активизацию взаимодействия при Н.Моди [30–31], определяющим фактором для Индии они не являются, напротив, скорее она использует их, держа как козырь в рукаве, как один из инструментов давления на Китай, но не сблизается с Вашингтоном полностью и не становится проводником американской воли. Тема ЮКМ и свободы судоходства обсуждается на индийско-американских переговорах, включается в совместные заявления⁴⁵, но Индия сохраняет дистанцию от своего партнера.

Когда в СМИ появилась информация о возможности совместного патрулирования Индией и США ЮКМ, индийское Минобороны срочно опровергло её и заявило, что «политика Индии состоит в том, чтобы принимать участие в любой международной военной операции только под голубым флагом ООН»⁴⁶.

Участие в блоке *Quad* с США, Австралией и Японией для Индии тоже менее принципиально само по себе, чем перспективная возможность использования его как инструмента своей политики. Тем более, что, будучи запущенным еще в 2007 г., он так и не стал формальным союзом, оставаясь лишь диалоговой структурой. Индия не только рассматривает его лишь как одно из возможных средств своего

⁴⁰ Ministry of External Affairs of India. 09.05.2022.

⁴¹ Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 04.02.2021.

⁴² The Hindu. 01.08.2021.

⁴³ Hindustan Times. 11.08.2021.

⁴⁴ Prime Minister of India Official Website. 09.08.2021.

⁴⁵ См., напр.: Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 30.08.2016; Ministry of External Affairs of India. 02.12.2021.

⁴⁶ Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 11.02.2016.

собственного курса, не влияющее на её право поступать так, как она считает нужным [32], но и спокойно декларирует, что не считает мнение трех остальных участников *Quad* позицией *Quad* в целом⁴⁷. Это означает, что она не видит себя обязанной увязывать с *Quad* свою позицию в международных делах. И может себе это позволить, опираясь на свою военную и экономическую мощь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно отметить следующее.

Присутствие Индии в ЮКМ сформировалось исторически, а с активизацией внешней политики при Н.Моди и выбором курса «Действовать на Востоке» стало более заметным, постоянным и громким информационно. Она самостоятельный актер, который не выполняет чьих-либо поручений и союзнических обязательств. Её политика опирается на собственные интересы – давние, коренные и постоянные. Нью-Дели выбирает, как вести себя с партнерами, в какой мере кого поддерживать, старается не оказываться в фарватере политики Вашингтона и выдвигает свои инициативы, привлекательные для стран ЮВА. Всё это означает, что на нынешнем историческом этапе Индию придется рассматривать как еще одну значимую силу в конфликте в ЮКМ и принимать в расчет при оценке обстановки.

Главное, чем Индия обосновывает свое присутствие в ЮКМ, – требования свободы судоходства в международных водах и интересы обеспечения своей безопасности. Для достижения своих целей индийская сторона использует несколько основных инструментов. Это долгосрочное, стратегическое двустороннее сотрудничество в сфере безопасности с государствами ЮВА, диалоговое партнерство с АСЕАН, высказывание своей позиции на международной арене и контакты с внерегиональными акторами, наиболее глубоко вовлеченными в региональное взаимодействие (США и *Quad*).

По каждому из этих направлений она решает свои задачи, в т.ч. вполне узкие и прикладные: размещение объектов двойного назначения, постоянное присутствие флота, обеспечение заказами предприятий ВПК. В конечном счете, Индия пытается продемонстрировать себя лидером Азиатско-Тихоокеанского региона, который не останется в стороне, если какая-либо конфликтная ситуация заденет её интересы, тем более если при этом есть возможность в чем-то обойти своего основного соперника – Китай, и составить конкуренцию его влиянию.

Может ли вовлеченность Индии в конфликт в ЮКМ повлиять на её пограничный спор с Китаем?

Теоретически да – в плане тактики: стороны накапливают опыт недвусмысленных намеков в морских сферах интересов (Индия – в ЮКМ, Китай – в Индийском океане) и поняли, что этим можно пользоваться. Скорее всего, ситуация в ЮКМ и в целом конкуренция Индии с КНР продолжится, поскольку две державы будут бороться за лидерство в Азии в каждой точке пространства, каждом международном процессе и влиянии в каждой отдельно взятой стране региона.

В этих условиях России важно понимать поведение каждой из сторон в ЮКМ и продолжать нейтральную линию в соответствии со своими интересами. То же самое можно сказать и в отношении сохраняющейся конфликтности между Индией и Китаем в целом. Обе страны для нас – стратегические партнеры, но когда России требуется открытая и весомая поддержка на международной арене, всё же пока не оказывают её в достаточной мере, не имея юридически союзнических обязательств.

Поэтому и нам нужно, следуя принципу симметрии, продолжать свою нейтральную линию в вопросе и ЮКМ, и восприятия индийско-китайских отношений, не занимая в случае обострения ничью сторону и не делая какую-либо конечную единственную ставку ни на одного из акторов. Только это позволит избежать ненужного вовлечения в эти конфликты и сохранить выгодные позиции для продолжения развития отношений с различными государствами Тихоокеанской Азии в своих интересах.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Patil S. The importance of India's defence partnership with Vietnam. 28.06.2022. <https://www.orfonline.org/expert-speak/the-importance-of-indias-defence-partnership-with-vietnam/> (accessed 07.06.2023)
2. Parameswaran P. What's next for India-Philippines defense cooperation? 20.11.2017. <https://thedi diplomat.com/2017/11/whats-next-for-india-philippines-defense-cooperation/> (accessed 20.01.2023)

⁴⁷ Ministry of External Affairs of India. 28.04.2022.

3. Saha P. How India's BrahMos deal is not just about Philippines but gives a stronger message to the region. 12.02.2022. <https://orfonline.org/research/how-indias-brahmos-deal-is-not-just-about-philippines/> (accessed 19.10.2022)
4. Bhattacharjee D. India and Brunei: a brief overview. 18.06.2018. https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=2418&lid=1821 (accessed 17.01.2023)
5. Южно-Китайское море: современные вызовы и угрозы. Отв. ред. и сост. Е.М.Астафьева. М.: ИВ РАН, 2020. 390 с.
Astafieva E.M. (Ed.). 2020. South China Sea: current challenges and threats. Moscow: IOS RAS. 390 p. (In Russ.)
6. Sharma B., Sinha U.K. Understanding China–Russia cooperation in the Arctic. 10.01.2023. <https://idsa.in/issuebrief/understanding-china-russia-cooperation-bsharma-uksinha-100123> (accessed 19.01.2023)
7. Chinoy S.R. Inaugural address on deciphering China – the maritime context. 26.11.2020. <https://www.idsa.in/keyspeeches/inaugural-address-by-sr-chinoy-icsb-c3s-pii> (accessed 19.01.2023)
8. Anand S. China's maritime intent in South China Sea vis-à-vis ASEAN. 23.06.2009. https://www.idsa.in/idsastrategiccomments/ChinasMaritimeIntentinSouthChinaSeaVisaVisASEAN_SANand_230609 (accessed 19.01.2023)
9. Singh A.K. China's creeping maritime assertiveness. 03.01.2017. https://www.idsa.in/issuebrief/china-creeping-maritime-assertiveness_aksingh_030117 (accessed 19.01.2023)
10. Dwivedi G. China's quest for world dominance & its impact on India and the region. 01.11.2021. <https://indiafoundation.in/articles-and-commentaries/chinas-quest-for-world-dominance-its-impact-on-india-and-the-region/> (accessed 13.01.2023)
11. Bhatia R. Assessing the 35th ASEAN summit – analysis. 29.11.2019. <https://www.eurasiareview.com/29112019-assessing-the-35th-asean-summit-analysis/> (accessed 13.01.2023)
12. Das R.N. Chinese and American muscle-flexing in South China Sea: implications for India. 19.08.2010. https://www.idsa.in/idsacomment/ChineseandAmericanMuscleflexinginSouthChinaSeaImplicationsforIndia_rndas_190810 (accessed 19.01.2023)
13. Mishra R. China's land reclamation in the South China Sea: implications for the region. 16.06.2015. https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=656&lid=598 (accessed 17.01.2023)
14. Pukhrem S. From Look East to Act East: enhancing India–ASEAN integration. 13.08.2017. <https://indiafoundation.in/articles-and-commentaries/from-look-east-to-act-east-enhancing-india-asean-integration/> (accessed 14.01.2023)
15. Bajpai B.A. China crossing all limits in South China Sea. 25.01.2021. <https://www.indiandefensenews.in/2021/01/china-crossing-all-limits-in-south.html> (accessed 13.01.2023)
16. Kapoor N. Russia's conduct in the South China Sea. 18.06.2021. <https://www.orfonline.org/research/russias-conduct-in-the-south-china-sea/> (accessed 14.01.2023)
17. Singh A. Why India's South China Sea stand matters. 19.08.2016. https://www.idsa.in/idsacomment/why-india-south-china-sea-stand-matters_asingh_190816 (accessed 19.01.2023)
18. Pant H.V. The strategic signal of an Indian presence in the South China Sea. 02.09.2021. <https://www.orfonline.org/research/strategic-signal-indian-presence-south-china-sea/> (accessed 14.01.2023)
19. Panda J. India's 'multipolar Asia' and China. 27.08.2019. <https://www.eastasiaforum.org/2019/08/27/indias-multipolar-asia-and-china/> (accessed 17.12.2022)
20. Singh A.K. Suryakant Prakash Nikam asked: What is the relevance of Spykman's rimland model in the context of the ongoing South China Sea conflict? 18.11.2016. <https://www.idsa.in/askanexpert/spykman-rimland-south-china-sea-conflict> (accessed 19.01.2023)
21. Kalha R.S. India and the South China Sea. 29.09.2011. <https://thediplomat.com/2011/09/india-and-the-south-china-sea/> (accessed 15.01.2023)
22. Aggarwal S. India's China policy: dynamics of 'change' and 'continuity'. 13.05.2019. <https://indiafoundation.in/articles-and-commentaries/indias-china-policy-dynamics-of-change-and-continuity/> (accessed 14.01.2023)
23. Gokhale V. How the South China Sea situation plays out will be critical for India's security. 16.06.2020. <https://indianexpress.com/article/opinion/columns/south-china-sea-dispute-asean-countries-relations-vijay-gokhale-6460680/> (accessed 13.01.2023)
24. Modi N. ASEAN–India: shared values, common destiny. 26.01.2018. <https://vietnamnews.vn/opinion/421836/asean-india-shared-values-common-destiny.html> (accessed 14.01.2023)
25. The India–Myanmar–Thailand trilateral highway and its possible eastward extension to Lao PDR, Cambodia and Vietnam: challenges and opportunities. ERIA Research Project Report. 2020. № 02a. 278 p.
26. India–ASEAN defence relations. Ed. by A.K.Das. Singapore: S.Rajaratnam School of International Studies, 2013. 332 p.
27. Singh M. China consolidates claim in South China Sea. 17.04.2013. https://www.idsa.in/idsacomment/China-consolidatesclaiminSouthChinaSea_msingh_170413 (accessed 19.01.2023)
28. Chellaney B. India's Shinzo Abe. 16.05.2014. <https://project-syndicate.org/commentary/brama-chellaney-assesses-the-likely-impact-of-narendra-modi-s-victory-on-his-country-s-economic-and-foreign-policies> (accessed 30.11.2020)

29. Куприянов А.В. Инициативы SAGAR (Security and Growth for All in the Region) и IPOI (Indo-Pacific Oceans Initiative): формирование сферы безопасности Индии через региональное развитие. *Сравнительная политика*. 2021. № 4, с. 68–81. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10041
Kupriyanov A.V. 2021. SAGAR (Security and Growth for All in the Region) and IPOI (Indo-Pacific Oceans Initiative): shaping India's security through regional development. *Comparative Politics*. № 4. Pp. 68–81. (In Russ.). DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10041
30. Юрлов Ф.Н. Индия. Внешняя политика правительства Н.Моди. Основные направления и проблемы. *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 11. С. 25–30.
Yurlov F.N. 2015. India. Foreign policy of N.Modi's government. *Asia and Africa Today*. № 11, pp. 25–30. (In Russ.)
31. Усов В.А. От «Энтерпрайза» до «Нимица»: эволюция индийско-американских отношений и новые вызовы. *Проблемы национальной стратегии*. 2021. № 3, с. 123–143. DOI: 10.52311/2079-3359_2021_3_123
Usov V.A. 2021. From “Enterprise” to “Nimitz”: the evolution of U.S.-India relations and new challenges to them. *National Strategy Issues*. № 3. Pp. 123–143. (In Russ.). DOI: 10.52311/2079-3359_2021_3_123
32. Пахомов Е. Четверка QUAD – азиатское НАТО? Взгляд из Индии. 28.09.2021. <https://tass.ru/opinions/12522035> (accessed 16.01.2023)
Pakhomov E. 2021. Will Quad be Asian NATO? Views from India. (In Russ.). <https://tass.ru/opinions/12522035> (accessed 16.01.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Муратшина Ксения Геннадьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Ksenia G. Muratshina, PhD (History), Senior Researcher, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 29.01.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 03.01.2024

Принята к публикации
(Accepted) 23.01.2023

DOI: 10.31857/S032150750030072-1

Арктический вектор в полярной политике Китая

© Николаев Н.А.^a, 2024

^a ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8624-7829; nikolaev.science1993@gmail.com

Резюме. В статье рассматривается государственное регулирование китайской деятельности в Арктике как часть общей полярной политики Китая, а не отдельно осуществляемой арктической политики Пекина, как многие привыкли считать.

Это обусловлено рядом обстоятельств, возникших в период формирования основ китайской научной деятельности в полярных регионах. К наиболее важным следует отнести то, что она регулируется одной нормативной базой и одними теми же ведомствами, а также рассматривается как одна из частей двусоставной основы международно-политического самопозиционирования Китая на базе идеи «сильной полярной державы».

С начала 2010-х гг. деятельность Китая в полярных регионах начинает рассматриваться как часть китайских планов военно-морского строительства до 2050-х гг. и политического курса Пекина в «четырёх новых стратегических рубежах». В рамках того же планового периода до 2040–2050-х гг. Китай стремится быть готовым начать деятельность также в центральной части Северного Ледовитого океана в случае её освобождения ото льдов.

Ключевые слова: полярная политика Китая, политика Китая в Арктике, самопозиционирование Китая, «сильная полярная держава», «четыре новых стратегических рубежа», военно-морское строительство

Для цитирования: Николаев Н.А. Арктический вектор в полярной политике Китая. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 2. С. 15–22. DOI: 10.31857/S032150750030072-1

The Arctic Vector of China's Polar Policy

© Nikolai A. Nikolaev^a, 2024

^a IMEMO, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-8624-7829; nikolaev.science1993@gmail.com

Abstract. The article discusses the state regulation of Chinese activities in the Arctic carried out as a part of China's Overall Polar Policy, and not as a separately implemented Arctic Policy of Beijing, as many people are accustomed to believe.

This is due to a number of circumstances that arose during the formation of the foundations of Chinese scientific activity in the polar regions. The most important ones include the fact that it is regulated by the same regulatory framework and the same agencies, as well as being considered as one of the two-part basis of China's international political self-positioning based on the idea of “a strong polar power”.

Since the early 2010s, China's scientific activities in the polar regions have begun to be seen as part of China's plans for naval construction through the 2050s and Beijing's political course in the “four strategic new frontiers”. As part of the same planning period through the 2040s–2050s, China aims to be ready to begin activities in the central Arctic Ocean, if it is free of ice.

Keywords: China's Polar Policy, China's Arctic Policy, China's self-positioning, “a strong polar power”, “strategic new frontiers”, naval construction

For citation: Nikolaev N.A. The Arctic Vector of China's Polar Policy. *Asia and Africa today*. 2024. № 2. Pp. 15–22. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030072-1

ВВЕДЕНИЕ

В международном дискурсе Арктика уже давно де-факто рассматривается как отдельное приоритетное направление внешней политики Китая. В официальных кругах и в китайской экспертной среде научные исследования в Арктике считаются частью общей политики Китая в полярных регионах. Это обусловлено следующими обстоятельствами:

– Научная деятельность в Арктике и Антарктике проводится или синхронизирована с исследованиями одних и тех же ученых из институтов, подведомственных и курируемых едиными госорганами КНР – это Государственное океанологическое управление (ГОУ КНР) и Китайский институт полярных исследований (КИПИ). В первой половине 2010-х гг. на основе своих научных достижений за предыдущие годы Китай предпринимает попытку выдвинуть идею китайского самопозиционирования как «сильной полярной державы» (*цзиди цяньго*) в Арктике и Антарктике.

– Политический курс Китая в Арктике и Антарктике, прежде всего его научный вектор, продолжает рассматриваться как целая часть китайской политики в «четырёх новых стратегических рубежах», включающих в себя, помимо собственно полярных регионов, космос, Интернет, районы морского дна.

– Наличие общей нормативной базы, регулирующей в том числе относительно самостоятельный экономический вектор в Арктике.

С публикацией в январе 2018 г. Белой книги Государственного совета КНР «Политика Китая в Арктике» становится очевидным, что начался процесс выделения арктического вектора общей полярной политики Пекина в отдельный политический курс в Арктике¹. Драйвером этого выделения в отдельную арктическую политику выступает заинтересованность Пекина в расширении экономического присутствия в Арктике. При этом важным стимулом для Пекина стала убежденность, что к 2040–2050-м гг. центральная часть Северного Ледовитого океана освободится ото льдов, открыв для Китая возможность вести в этих «будущих международных водах» самостоятельную экономическую деятельность – освоение и добычу природных и биологических ресурсов, а также навигацию по т.н. трансарктическому маршруту.

САМОПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ КИТАЯ НА ОСНОВЕ ИДЕИ «СИЛЬНОЙ ПОЛЯРНОЙ ДЕРЖАВЫ»

У истоков формирования идеи «сильной полярной державы» стояли представители т.н. китайского полярного сообщества, принимавшие активное участие в расширении присутствия Китая в Арктике, в первую очередь в годы работы министра земельных и природных ресурсов КНР Сюй Шаоши (2007–2013), по совместительству представителя верхушки «комсомольцев» и одного из ближайших соратников премьера Государственного совета КНР Вэнь Цзябао (2003–2013). К ним следует также отнести заместителя директора КИПИ Ян Хуэйгэна (2001–2008).

Развитие арктического научного сотрудничества, по словам западных экспертов, привело к тому, что знания, результаты исследований и научные данные становятся своеобразной «валютой» Арктики, которую неарктические государства путем признания своих заслуг и успехов стремились конвертировать в политическое влияние на арктические дела [1]. В свою очередь, Пекин предпринимает попытку конвертировать свои научные достижения в ресурс выстраивания единой «полярной» идентичности Китая, которая бы подчеркивала статус и роль страны в Антарктике и Арктике, а также подкрепляла бы значение вносимого Китаем вклада в их научное освоение.

На фоне успехов реализации арктического вектора научной деятельности Китая в 1990 – первой половине 2000-х гг. начинается экспертный дискурс вокруг вопроса углубления вовлеченности и повышения статуса страны в полярных регионах. С середины 2000-х гг. дискурс развивается в сторону формулирования подходов к определению новой внешнеполитической идентичности КНР, подчеркивающей его достижения и вклад в научное освоение Арктики и Антарктики.

В декабре 2005 г. впервые с инициативой перехода самопозиционирования Китая от «крупной к сильной полярной научно-исследовательской державе» выступил Ян Хуэйгэн². Она была поддержана в экспертных кругах и получает развитие в рамках официального дискурса. Так, в апреле 2011 г., подводя итоги участия Пекина в 4-м Международном полярном годе, в своей речи министр земельных и природных ресурсов КНР Сюй Шаоши заявил, что научные достижения страны по освоению Арктики и

¹ 《中国的北极政策 (2018) 白皮书》 (全文) (Белая книга «Политика Китая в Арктике»). <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/37884/Document/1618193/1618193.htm> (accessed 07.02.2020)

² Exclusive interview with Yang Huigeng, Deputy Director of Polar Research Institute of China (PRIC), on China's circumnavigation of the globe. *Dalian Evening News*. 2005. (In Chin.). <https://news.sina.com.cn/s/2005-12-05/00437617786s.shtml> (accessed 27.08.2020)

Антарктики позволяют Китаю стать на путь превращения из «крупной в сильную полярную научно-исследовательскую державу»³.

На новом этапе дискурса с начала 2012 г. предпринимаются попытки обобщить и концептуализировать рассуждения в китайских экспертных кругах в идею «сильной полярной научно-исследовательской державы» на основе озвученной Сюй Шаоши формулировки. В январе 2012 г. директор ГОУ КНР Ли Цыгуй (2011–2014) выдвигает т.н. «шесть связей» (*лююгэ цзехэ*) – опор формирования Китая как «сильной полярной научно-исследовательской державы», под которыми понимаются:

- 1) профессиональные представления ГОУ КНР с общими общественными для налаживания взаимодействия на всех уровнях;
- 2) общие интересы государства с научными исследованиями в полярных регионах для того, чтобы был положительный комплексный эффект от достижений;
- 3) планы краткосрочных и долгосрочных исследований в целях достижения высоких результатов;
- 4) разработка программ и развитие компьютерной техники;
- 5) исследования в области охраны окружающей среды и освоения природных ресурсов;
- 6) практическая значимость с результатами исследований для обеспечения эффективности повышения уровня жизни и производительности⁴.

Начавшееся обновление внешнеполитической стратегии Китая после смены руководства страны в марте 2013 г., а также одобрение заявки КНР на получение статуса наблюдателя Африканского Союза в мае того же года способствовали замене формулировки «сильная полярная научно-исследовательская держава» на «сильная полярная держава» (*цзиди цянъго*). Это приводит к отходу от опоры в самопозиционировании Китая в Арктике на научные достижения в сторону подчеркивания международно-политического статуса Китая в духе идей Си Цзиньпина.

Новая формулировка быстро входит в оборот официального и экспертного дискурсов, а в сентябре 2013 г. на открытии Всекитайского симпозиума по полярным наукам ряд высокопоставленных лиц КНР назвали идею «строительства сильной полярной державы» одной из составляющих элементов морской стратегии Китая⁵.

В ноябре 2014 г. директор ГОУ КНР Лю Цыгуй в своих разъяснениях тезисов речи Си Цзиньпина на церемонии встречи с экипажем ледокола «Сюэлун» в австралийском Хобарте отметил, что продвижение идеи «строительства сильной полярной державы» будет осуществляться в 2015–2030 гг. и с опорой на усиление нового арктического направления призвано внести вклад в превращение Китая в «сильную морскую державу новой эпохи»⁶.

Однако такая интерпретация этой речи Си Цзиньпина вызвала опасения у западных экспертов, особенно её часть о связи научно-исследовательской деятельности Пекина в полярных регионах с реализацией морской стратегии КНР, а также планов военно-морского строительства до 2050 г. [2, р. 5; 8].

Появление новой формулировки идеи – «сильная полярная держава» – подчеркивает планируемое Пекином расширение сфер деятельности в полярных регионах, в т.ч. возможную экономическую активность, а также пока менее реальную – военно-морскую. Подтверждением допускаемой экономической активности в рамках реализации идеи «строительства сильной полярной державы» выступают положения 13-го пятилетнего плана КНР, утвержденного в марте 2016 г. В частности, в документе сформулирован ряд задач китайской политики в полярных регионах [3].

Во-первых, в рамках намечающегося расширения пространства «голубой» экономики в целях укрепления охраны окружающей среды и морских ресурсов планируется усиление разведки и освоения ресурсов в морских пространствах, углубление научных исследований и изысканий в полярных водах.

Во-вторых, в рамках совершенствования системы международного экономического управления – активизация участия в разработке международных правил в регулировании деятельности в полярных регионах и на морском дне.

³ State Oceanic Administration: China's action plan for the 4th International Polar Year has been successfully implemented 2011. (In Chin.). http://www.gov.cn/jrzq/2011-04/08/content_1840104.htm (accessed 27.08.2020)

⁴ http://www.gov.cn/gzdt/2012-01/09/content_2040075.htm (accessed 07.02.2020)

⁵ Opening of the 2013 All-China Polar Science Symposium. 2013. (In Chin.). <http://www.pric.gov.cn/detail/News.aspx?id=1440d741-0486-4ab1-a6db-60e717df893e> (accessed 07.02.2020)

⁶ http://www.gov.cn/xinwen/2014-11/19/content_2780849.htm (accessed 07.02.2020)

Китайские эксперты охарактеризовали содержание «полярного блока» 12-й и 13-й пятилеток как основу первого этапа «строительства сильной полярной державы», в рамках которого планируется повысить транспортно-технические возможности, оптимизировать систему управления, обеспечить материально-техническую базу передовым оборудованием, техникой для исследований и экспедиций [4].

В мае 2017 г. принимается Декларация XXXIX Консультативного совещания по Договору об Антарктике при активной поддержке Австралии.

В документе к 25-й годовщине Мадридского протокола⁷ страны-участницы подтвердили «неоспоримую и безоговорочную» приверженность его положениям, в т.ч. ст. 7, запрещающей разработку минеральных ресурсов в Антарктике и её акватории до 2048 г.⁸

Это фактически делало маловероятной ожидаемую реализацию перспектив развития австралийско-китайского сотрудничества в антарктическом направлении на фоне встраивания Австралии в создаваемое Соединенными Штатами Индо-Тихоокеанское пространство (ИТП) по сдерживанию Китая. Отсутствие упоминания идеи «строительства сильной полярной державы» в Белой книге ГОУ КНР «Антарктическая деятельность Китая» 2017 г., на наш взгляд, свидетельствует о следующих изменениях в политике Пекина в полярных регионах:

Во-первых, временный отход от реализации идеи «сильной полярной державы», видимо, из-за международного ажиотажа, вызванного её связью с реализацией морской стратегии КНР в полярных регионах и «строительством сильной морской державы».

Во-вторых, откладывание Китаем попыток принять участие в совместном с Австралией и Новой Зеландией освоении минеральных ресурсов, ограничившись лишь научно-исследовательской деятельностью в Антарктике и её акватории. К тому же, по утверждению китайских дипломатов, действующий запрет по Мадридскому протоколу на разработку антарктических минеральных ресурсов дает Пекину необходимое время для подготовки к участию в их освоении [5]. Однако, как отмечают ведущие отечественные специалисты по международному морскому праву, пересмотр положений ст. 7 Мадридского договора даже после 2048 г. представляется маловероятным с учетом различий интересов и потенциалов заинтересованных развитых и развивающихся государств, и, следовательно, выше вероятность её сохранения [6, с. 93–94].

В-третьих, произошел сдвиг экономических интересов Китая в сторону Арктики. Подтверждением этому выступает публикация Госсоветом КНР в январе 2018 г. отдельной арктической Белой книги (а не в целом полярной), в которой были изложены основные контуры экономической деятельности в Арктике, а также официально выдвинуты модели арктической идентичности Китая – «околоарктическое государство», «важное заинтересованное государство-участник» и др. Отсутствие в документе упоминаний идеи «сильной полярной державы» демонстрирует временный отход от неё в пользу встраивания отдельных моделей арктической идентичности Китая.

Другим документом, лишним раз подтверждающим этот сдвиг, выступает 14-й пятилетний план КНР с перспективными целями до 2035 г., где в рамках планируемого углубления участия в глобальном морском управлении предусматривается вовлечение Китая в практическое сотрудничество в Арктике и продвижение идеи «строительства Ледового Шелкового пути»⁹.

В-четвертых, включение полярных широт и районов морского дна в т.н. «новые стратегические рубежи» (*чжаньлюэ синьцзяньюй*), где у Китая долгосрочные интересы. Реализация идеи «сильной полярной державы» является задачей долгосрочной перспективы (2015–2030/35), а «сильной полярной научно-исследовательской державы» (1989–2019) – промежуточной в среднесрочной перспективе, которая уже выполнена. Это в октябре 2019 г. на торжественном открытии Всекитайского симпозиума по полярной науке подтвердил директор ПИИК Ян Хуэйгэн, констатируя, что благодаря усилиям ученых в последние 30 лет Китай вошел в число «крупных полярных научно-исследовательских держав» [7].

Резюмируя эволюцию идеи «сильной полярной державы», отметим следующее:

⁷ The Protocol on Environmental Protection to the Antarctic Treaty. 1991. (In Russ.). <https://base.garant.ru/2541180/> (accessed 07.02.2020)

⁸ XXXIX Antarctic Treaty Consultative Meeting Santiago Declaration on the 25th Anniversary of the signing of the Protocol on Environmental Protection to the Antarctic Treaty. Secretariat of the Antarctic Treaty. Santiago – Chile. 2016. https://documents.ats.aq/ATCM39/ad/ATCM39_ad003_e.pdf (accessed 03.05.2022)

⁹ <https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/ghwb/202103/P02021032353879779059.pdf> (accessed 03.05.2022)

1) идея «сильной полярной научно-исследовательской державы» является результатом внутрикитайского официального дискурса и подходом самопозиционирования Китая, выдвинутым представителями «комсомольцев» – высокопоставленными лицами КНР, координировавшими полярную политику Пекина с середины 2000-х гг. по начало 2010-х гг.;

2) идея «сильной полярной державы» – важная составная часть реализуемой Китаем морской стратегии и планов военно-морского строительства до 2050 г.

О ПОЛИТИКЕ КИТАЯ В «ЧЕТЫРЕХ НОВЫХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ РУБЕЖАХ»

Тематика «новых стратегических рубежей» актуализируется в начале 2010-х гг. в контексте усиления конкуренции между странами за лидерство в Интернете, космосе, полярных регионах, районах морского дна и др. Толчок к актуализации вопроса китайского лидерства в этих сферах дал руководитель Центра оборонных и политических исследований Академии военных наук Китая Чэнь Чжоу. В декабре 2011 г. он отметил, что конкуренция за лидерство на «новых стратегических рубежах» перерастает в т.н. «мягкую борьбу» (*жуань чжаньчжэн*), которая географически расширяется до периферийных к Китаю стран Азии и Африки¹⁰.

В 2013–2015 гг. в китайских экспертных кругах сложился консенсус, что Китаю необходимо обеспечить защиту своих приоритетных интересов на 4-х «новых стратегических рубежах» – в Интернете, космосе, полярных регионах и районах морского дна. Так, в феврале 2012 г. заместитель руководителя ГОУ КНР Чэнь Лян выступил с заявлениями о необходимости укрепления связи реализуемой Пекином морской стратегии с интересами Китая на «новых стратегических рубежах»¹¹, а в июле 2015 г. принимается Закон о национальной безопасности КНР, в котором Пекин обозначил, что будет защищать свои интересы на этих рубежах¹².

В 2015 г. концептуальная основа китайского представления о рубежах закрепились в понимании тесной взаимосвязи обеспечения национальной безопасности и активного участия Пекина в реформировании системы глобального управления¹³, а с 2016 г. – с целями «строительства сильной морской державы и сильной полярной державы»¹⁴.

К октябрю 2016 г. сформировалась консолидированная позиция о «четырех новых стратегических рубежах» (*сыда чжаньлюэ синьцзяньюй*) как сферах глобального управления¹⁵, а к 2017 г. Си Цзиньпин открыто выдвигает пути реализации своей политики в рубежах.

В дискуссиях сложился консенсус вокруг позиции о месте Арктики в рубежах, выдвинутой профессором Юридического факультета Океанского университета Китая Лю Хуэйчжун. Она отнесла Арктику к разделу о морской стратегии Китая в «новых стратегических рубежах». По её мнению, это обусловлено тем, что Пекин, прежде всего, планирует проводить самостоятельную политику в районах морского дна центральной части Северного Ледовитого океана в условиях «Арктики безо льда». В этой связи последние следует рассматривать как один стратегический рубеж в рамках арктического региона, объединяющего в себе полярные широты и районы морского дна [8].

В перспективе Лю Хуэйчжун видит эту версию как основу более широкого глобального сотрудничества, связывающего Мировой океан [8]. Как отмечают пекинские эксперты Цю Циньчао и Ван Хаймэй, рост геополитической значимости Арктики создает «новый рубеж» всеобщего сотрудничества в Мировом океане, а не зону конфронтации (см. [9]).

¹⁰ Increasing global competition for the resources of the “Strategic New Frontiers” shows that it is turning into a “soft struggle”. *China Economy’s Weibo page*. 2011. (In Chin.). <https://finance.sina.com.cn/roll/20111228/092911082109.shtml> (accessed 07.02.2020)

¹¹ State Oceanic Administration of the PRC: Make greater efforts to ensure the implementation of maritime strategy and protect interests in the “Strategic New Frontiers”. *Xinhua News*. 2014. (In Chin.). <https://www.163.com/news/article/9M1ACKL100014JB5.html> (accessed 07.02.2020)

¹² The National Security Law of the People’s Republic of China. Website of the State Council of the PRC. 2015. (In Chin.). http://www.gov.cn/xinwen/2015-07/01/content_2888316.htm (accessed 07.02.2020)

¹³ Strategic New Frontiers and National Security. Expert Forum Aims at Building a Space Network. 2015. (In Chin.). http://www.cac.gov.cn/2015-12/04/c_1117354623.htm (accessed 07.02.2020)

¹⁴ Annual Polar Science Forum: What problems are planned to be studied under the “Strategic New Frontiers” policy. *People’s Daily Online*. 2016. (In Chin.). <http://scitech.people.com.cn/n1/2016/1027/c1007-28813212.html> (accessed 07.02.2020)

¹⁵ Internet space and global governance of “Strategic New Frontiers”. China Internet Information Center. 2016. (In Chin.). http://views.ce.cn/view/ent/201610/11/t20161011_16622882.shtml (accessed 07.02.2020)

Таким образом, «четыре новых стратегических рубежа» – это обозначенные Пекином приоритеты и национальные интересы в сфере обеспечения безопасности и глобального лидерства в Интернете, космосе, районах морского дна и полярных регионах.

В то время как Арктика в рамках «четырех новых стратегических рубежей» позиционируется Пекином как сфера глобального управления, связывающая в своих региональных рамках остальные три – районы морского дна, космос и Интернет. Это можно показать на примере реализации проекта китайской спутниковой навигационной системы «Бэйдоу».

Включение Арктики в рубежи и растущая китайская активность демонстрирует то, что в расстановке приоритетов Пекина она рассматривается в качестве первостепенных.

Коммерческий интерес Китая к арктическим пространствам обусловлен постепенным ростом потребностей китайской экономики. Попытки вовлечения Китая в формирующуюся региональную систему экономического регулирования в Арктике являются частью китайской политики и усилий по реформированию глобального экономического управления. Подтверждением этого выступает включение полярных широт в приоритетные «новые стратегические рубежи» международной политики Китая.

НОРМАТИВНАЯ БАЗА АРКТИЧЕСКОГО ВЕКТОРА ПОЛЯРНОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

С середины 2010-х гг. в Китае идет формирование нормативной базы арктического (научного) вектора полярной политики. Нормативными документами, определяющими характер арктического вектора общей китайской политики в полярных регионах, выступают Закон о национальной безопасности КНР, пятилетние планы, доклад Государственного комитета по делам развития и реформ КНР (ГКРР КНР) и ГОУ КНР «Размышления о строительстве морского сотрудничества в рамках инициативы “Пояса и пути”»:

1) В рамках п. 32 ст. 2 Закона о национальной безопасности КНР предусмотрены следующие меры¹⁶:
– продолжение «мирного» изучения и освоения районов международного морского дна и полярных широт за пределами Китая путем укрепления безопасности доступа к ним, проведения научных исследований, а также наращивания потенциала для их освоения;

– обеспечение защиты деятельности Китая в районах международного морского дна и полярных широт, в т.ч. имущества и других интересов.

2) В рамках 13-го пятилетнего плана (2016–2020) поставлены следующие задачи¹⁷:
– усиление разведки и освоение ресурсов в морских пространствах, углубление научных исследований и изысканий в полярных водах в рамках намечающегося расширения пространства «голубой» экономики в целях укрепления охраны окружающей среды и морских ресурсов;

– активизация участия в разработке международных правил в регулировании деятельности в полярных регионах и районах морского дна.

При этом, согласно оценкам экспертов, содержание «полярного блока» 13-й пятилетки было охарактеризовано как основа первого этапа «строительства сильной полярной державы», в рамках которого планируется повысить транспортно-техническую мобильность, оптимизировать систему управления, обеспечить материально-техническую базу передовым оборудованием и техникой для проведения исследований и экспедиций [10].

3) В 14-м пятилетнем плане (2021–2025) с перспективными целями до 2035 г. наблюдается следующее распределение задач в его «полярном блоке»¹⁸ [11]:

– вовлечение Китая в практическое сотрудничество в Арктике и продвижение идеи «строительства Ледового Шелкового пути» в рамках углубления участия в глобальном морском управлении;

¹⁶ “The National Security Law of the People’s Republic of China”. Website of the State Council of the PRC. 2015. (In Chin.). http://www.gov.cn/xinwen/2015-07/01/content_2888316.htm (accessed 07.02.2020)

¹⁷ Basic Provisions of the 13th Five-Year Plan for the Social and Economic Development of the People’s Republic of China. Website of the State Council of the PRC. 2016. (In Chin.). <https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/ghwb/202103/P020210323538797779059.pdf> (accessed 03.05.2022)

¹⁸ Basic Provisions of the 14th Five-Year Plan for the Social and Economic Development of the People’s Republic of China with Vision 2035. Website of the National Development and Reform Commission. 2021. P. 81. (In Chin.). <https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/ghwb/202103/P020210323538797779059.pdf> (accessed 03.05.2022)

– продолжение реализации научной повестки путем создания площадки по многомерному мониторингу полярных регионов, а также строительства тяжелых ледоколов.

Важно заметить, что в 14-й пятилетке зафиксирован сдвиг в сторону превалирования экономической повестки в Арктике.

Учитывая то, что строительство ледокола «Сюэлун-2», по западным и китайским оценкам, уже воспринимается как шаг к строительству первого атомного авианосца или платформы для активизации военно-морской деятельности Китая в полярных регионах, а также, вероятно, и в докладе ГКРР КНР и Государственного океанологического управления (ГОУ КНР) «Размышления о строительстве морского сотрудничества в рамках инициативы “Пояса и пути”» (2017) определены основные контуры реализации идеи создания голубого экономического коридора, связывающего Китай с Европой через Северный Ледовитый океан.

Таким образом, видно, что нормативно-правовая база арктического вектора полярной политики более развита в сравнении с той правовой основой, которая формируется под отдельную арктическую политику. Формально отправной точкой можно считать публикацию в январе 2018 г. Белой книги Государственного совета КНР «Политика Китая в Арктике».

Особенностью нормативно-правовой базы арктического вектора Пекина в рамках общей полярной политики выступает акцент на усиление законодательного обеспечения защиты интересов страны в полярных регионах, а также её имплементации через официальные документы Государственного совета КНР, ГКРР КНР и ГОУ КНР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя вышеизложенное важно отметить, что Арктика по-прежнему продолжает оставаться частью общей полярной политики, включающей:

– отдельное международно-политическое самопозиционирование Китая в полярных регионах – «сильная полярная держава», коррелирующее с реализуемой Пекином морской стратегией и военно-морским строительством;

– развитую нормативную базу в сравнении с формируемой правовой основой отдельной арктической политики с четким указанием связи с государственной политикой безопасности и планами социально-экономического развития Китая;

– арктический сегмент «четырёх стратегических рубежей», включающий сферы полярных широт и районов морского дна.

В последние годы наблюдается углубление российско-китайского научного сотрудничества в Арктике, потенциал которого, как отмечают отечественные исследователи, продолжает возрастать [12].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Steinberg Philip E., Bruun Johanne M., Medby Ingrid A. 2014. Covering Kiruna: a natural experiment in Arctic awareness, *Polar Geography*, 37:4, 273–297, DOI: 10.1080/1088937X.2014.978409
2. Brady A. 2017. The Rise of a New Polar Power. In *China as a Polar Great Power*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI:10.1017/9781316832004.002
3. Sørensen Camilla T.N. 2018. China as an Arctic Great Power. Potential Implications for Greenland and the Danish Realm. Policy Brief. Royal Danish Defence College. <https://www.fak.dk/globalassets/fak/dokumenter/publikationer/china-as-an-arctic-great-power---2018-.pdf> (accessed 07.02.2020)
4. Ma Li. The 12th Five-Year Plan will enable China to become a 'major polar research power'. *The Beijing News*. 2011. (In Chin.). <https://www.bjnews.com.cn/detail/155143897514659.html> (accessed 07.02.2020)
5. Wo Yilin. 2009. The Problem of Mineral Resources Development in the Context of the Evolution of the Antarctic Treaty System. *Journal of Ocean University of China (Social Science Issue)*. (05). (In Chin.). <https://gb.global.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?filename=ZGHZ200905004&dbcode=CJFQ&dbname=CJFD2009&v=> (accessed 03.05.2022)
6. Гудев П.А. Проблемы Системы Договора об Антарктике (политико-правовые аспекты). *Общественные науки и современность*. 2021. № 6. С. 91–103. DOI: 10.31857/S086904990017873-2
Gudev P. 2021. Problems of the Antarctic Treaty System (Political and Legal Aspects). *Social Sciences and Contemporary World*, № 6, pp. 91–103. (In Russ.). DOI: 10.31857/S086904990017873-2

7. Zhang Jiansun, Liu Shipin. Yang Huigeng: After 30 years, China has become one of the 'major polar research powers'. Website of Ministry of Ecology and Environment of PRC. 2019. (In Chin.). https://www.mnr.gov.cn/dt/ywbb/201910/t20191010_2470230.html (accessed 03.05.2022)
8. Liu Huizhong. 2018. Reflections on the Legal Regulation of the Maritime Strategy of the "Strategic New Frontiers". *Journal of Pacific Security and Maritime Studies*. Iss. 4. (In Chin.). <https://aoc.ouc.edu.cn/2020/0430/c9821a285759/pagem.htm> (accessed 15.02.2021)
9. Qiu Qingchao, Wang Haimei. 2021. Chinese Arctic Studies in the 21st Century: Progress and Challenges – Interview with Assistant and Research Fellow Xu Qingchao. *Journal of International Policy Studies* (Bimonthly Edition). Iss. 4. (In Chin.). <https://www.jis.pku.edu.cn/docs/2021-08/20210831164833748161.pdf> (accessed 08.12.2021)
10. Liu Shengping, Zhang Jiansong. 2016. State Oceanic Administration of the PRC: Implementation of the 13th Five-Year Plan is the initial stage in the establishment of a strong world-class polar power. *People's Daily Online*. (In Chin.). <http://politics.people.com.cn/n1/2016/1028/c1001-28815488.html> (accessed 07.02.2020)
11. Lanteigne Marc. 2019. The changing shape of Arctic security. *NATO Review*. <https://nato.int/docu/review/articles/2019/06/28/the-changing-shape-of-arctic-security/index.html> (accessed 09.08.2020)
12. Петровский В.Е., Филиппова Л.В. Россия и Китай в Арктике. Институт Дальнего Востока РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. С. 88–101.
Petrovsky V., Filippova L. 2022. Russia and China in the Arctic. Moscow. Pp. 88–101.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Николаев Николай Анатольевич, м.н.с. Сектора экономики и политики Китая Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия.

Nikolai A. Nikolaev, Junior Researcher, Sector of Economy and Politics of China, Center for Asia Pacific Studies, IMEMO, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 05.11.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 26.12.2023

Принята к публикации
(Accepted) 23.01.2024

DOI: 10.31857/S032150750030073-2

Южная Африка – 2024: политические партии в преддверии выборов

© Туряница Д.А.^а, 2024

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-1019-7823; darya.turyanitsa@gmail.com

Резюме. В статье рассматривается деятельность основных политических партий в ЮАР – Африканского национального конгресса, Демократического альянса и «Борцов за экономическую свободу» – накануне выборов в середине 2024 г. Для оценки ситуации приводятся данные аналитических центров и фондов, а также освещаются некоторые вопросы, передающие сложность внутренней обстановки в преддверии события. Речь в первую очередь идет о появлении «Многопартийной хартии» и других политических объединений. Несмотря на существующие проблемы, АНК продолжает оставаться единственной партией, имеющей «моральный багаж» влияния на избирателей из всех групп населения. В предвыборной гонке «новые» и «старые» политические силы выстраивают свои стратегии для получения максимального количества голосов среди «цветных» и других сообществ ЮАР. В работе подробно затронуто появление новых политических организаций, деятельность которых направлена на привлечения электората из «цветного» сообщества, в первую очередь в провинции Западный Кейп.

Ключевые слова: ЮАР, Африканский национальный конгресс, Демократический альянс, Многопартийная хартия, Западный Кейп, ГУД, выборы-2024, цветные

Для цитирования: Туряница Д.А. Южная Африка – 2024: политические партии в преддверии выборов. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 2. С. 23–31. DOI: 10.31857/S032150750030073-2

South Africa – 2024: Political Parties' Activities Ahead of Elections

© Daria A. Turianitsa^а, 2024

^а Institute for African Studies, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-1019-7823; darya.turyanitsa@gmail.com

Abstract. The article briefly examines the performance of the main South African political parties such as the African National Congress, the Democratic Alliance and the Economic Freedom Fighters on the eve of the general elections in 2024. To assess the situation, the data from think-tanks and NGO is also used. This paper highlights some issues that convey the complexity of the internal environment in the run-up to the event, such as the emergence of the Multi-Party Charter and other political players. Despite the challenges, the African National Congress continues to be the only party with “moral baggage” for voters from all population groups.

In the emerging electoral race, it is interesting to observe how the “new” and “old” political forces strategize to maximize their votes from different communities in South Africa, especially among the “Coloured” community. This piece describes the emergence of new political organizations that are aimed at mobilising voters from the “Coloured” community, first and foremost in the Western Cape Province.

Keywords: South Africa, African National Congress, Democratic Alliance, Multi-Party Charter, Western Cape, GOOD, elections 2024, Coloureds

For citation: Turianitsa D.A. South Africa – 2024: Political Parties' Activities Ahead of Elections. *Asia and Africa today*. 2024. № 2. Pp. 23–31. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030073-2

ВВЕДЕНИЕ

После устранения режима апартеида в ЮАР до сих пор в силу разных причин продолжает сохраняться *de facto* деление на «расовые категории»: «черные африканцы», «цветные»¹, «индийцы» и «белые».

¹ Здесь термин «цветные» указан в кавычках, тем самым мы подчеркиваем сконструированный характер этого названия. Далее в статье – без кавычек, что не принижает или преуменьшает значения данного сообщества (*прим. авт.*).

Цветные в ЮАР – это уникальное сообщество людей, которое нельзя отнести ни к белым, ни к черным. Мнения членов сообщества относительно названия «цветные» и по сию пору вызывают противоречивую реакцию в стране. Многие считают этот термин глубоким пережитком системы сегрегации и колониализма и не желают примириться с ним. Однако другая часть гордится своим происхождением и выступает за его сохранение. Среди цветных есть те, кто относит себя культурно к цветным, а политически со времени зарождения движения «черного самосознания»² – к черным южноафриканцам [1].

Важно подчеркнуть, что промежуточное положение между белыми и черными напрямую влияет на их разные политические предпочтения. Многие южноафриканские политические партии, используя представителей цветных, пытаются усилить свое влияние, привлекая «небелых» избирателей для расширения своей электоральной базы. В то же время есть и те, кто более 10 лет тому назад жестко критиковал и критикует политическую терминологию разделения на «цветные», «индийские» и другие голоса, обращаясь к идеям Объединенного демократического фронта (ОДФ, *United Democratic Front – UDF*)³, который отрицал такую сегрегацию. Единение в ОДФ происходило посредством общих убеждений и философии «нерасовости» – это помогало «вырваться за рамки навязанных политикой апартеида идентичностей» [2]. Действительно, такие термины как «цветные голоса», «цветной электорат» не имеют широкого распространения, хотя негласно употребляются по сей день.

* * *

В Южной Африке в 2024 г. (скорее всего в мае) будут проходить выборы – в 9-й раз после смены прошлого режима. Основные партии, борющиеся за голоса избирателей, – Африканский национальный конгресс (АНК), Демократический альянс (ДА), «Борцы за экономическую свободу» (*Economic Freedom Fighters*, ЭФФ). Не остаются в стороне и новые участники политического процесса.

Чтобы понять, как, возможно, сложатся выборы-2024, необходимо внимательно посмотреть на события последних нескольких лет в политической жизни ЮАР.

ВЫБОРЫ 2021 ГОДА И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

Муниципальные выборы ЮАР 2021 г. происходили в условиях проблем, вызванных долгими ковидными ограничениями. Значительное число людей осталось без работы и средств к существованию. Все возникшие сложности, а также боязнь заразиться коронавирусом *COVID-19*, повлияли на то, что явка избирателей на выборах в 2021 г. оказалась рекордно низкой за 27 лет. По данным Независимой избирательной комиссии, она составила чуть более 45%. Таким образом, только 12 млн из 26,2 млн зарегистрированных избирателей пришли голосовать на выборах⁴.

Результаты муниципальных выборов 2021 г. выявили важную для основной оппозиционной партии, Демократического альянса, особенность – уменьшение её сторонников из числа цветных избирателей, традиционно поддерживавших её на протяжении многих избирательных циклов в провинции Западный Кейп (столица – Кейптаун). Ранее, на всеобщих выборах 2019 г., в этой провинции ДА получил 52,4% по сравнению с 57,2% на выборах 2014 г.⁵, в 2021 г. – 54,2% (в 2016 г. – 63,3%)⁶.

Что касается АНК, он потерял контроль над этой провинцией еще в 2006 г. К неочевидным проблемам Демократического альянса добавляется и тот факт, что большинство руководящих должностей в партии занимают белые. Существующая реальность не делает эту партию особо привлекательной среди других групп населения, несмотря на лозунги об отсутствии расизма и либеральных ценностях.

В течение последних нескольких лет, особенно после резкого ухода из партии её лидера Ммуси Маймане в октябре 2019 г. и назначения Джона Стинхёйзена (белого) на пост главы ДА, отток черных южноафриканцев, а также цветных из партии усилился. Среди них такие фигуры, как Херман Машаба,

² Движение «черного самосознания» серьезно повлияло на многих южноафриканцев, в т.ч. цветных (*прим. авт.*).

³ Нерасовая коалиция, состоявшая из общественных организаций, студенческих групп, профсоюзов в 1983–1991 гг. (*прим. ред.*).

⁴ <https://www.sabcnews.com/sabcnews/iec-confirms-12-million-voters-in-2021-lge/> (accessed 23.12.2023)

⁵ <https://results.elections.org.za/dashboards/npe/app/dashboard.html#> (accessed 25.12.2023)

⁶ Independent Electoral Commission. Municipal elections results. <https://results.elections.org.za/dashboards/lge/> (accessed 24.12.2023)

мэр Йоханнесбурга от ДА (2016–2019 гг.), и основатель партии *ActionSA* («Действие ЮАР») и многие другие. В далеком прошлом партию покинули Патриция де Лилль и Линдиве Мазибуко [3].

Еще одна новая тенденция, проявившаяся после муниципальных выборов 2021 г., заключается в том, что, помимо уменьшения количества избирателей на выборах, другая часть всё больше отдаляется от основных политических игроков в лице АНК, ДА и ЭФФ. Судя по всему, это происходит из-за невыполненных политических обещаний и нерешенных вопросов, связанных с работой муниципалитетов. К примеру, основные сложности в провинции Западный Кейп, где при населении 3 млн человек более 50% составляют цветные, относятся к сфере общественной безопасности (особенно в неформальных поселениях – тауншипгах) и ассоциируются главным образом с обеспечением населения социальным жильем и разрешением энергетического кризиса в целом по стране. В 2023 г. (впервые с 2019 г.) происходили почти ежедневные веерные отключения электричества⁷. По официальным данным, в 2023 г. в стране были зафиксированы рекордные по времени отключения электричества – 6800 часов (283 дня) [4].

АФРИКАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНГРЕСС

Следует признать, что фактически подготовка к новым выборам-2024 началась для многих политических партий еще в 2023 г. Активную роль в этом вопросе играет молодежь страны, которая говорит, что влияет на их политические интересы сейчас. Это подтверждают и данные интервью, в которых молодые люди отмечают «высокий уровень безработицы, злоупотребление запрещенными веществами, отключение электричества и непредоставления государственных услуг – проблемы, которые требуют решения в 2024 г.»⁸.

Для преодоления высокого уровня безработицы еще 16 июня 2023 г. АНК ввел программу по обеспечению занятости среди молодежи провинции Хаутенг, названную *Nasi iSpani* (на яз. коса – «здесь – работа»). Программа вызвала неоднозначную реакцию среди оппозиционных партий. Они заявили, что это попытка получить голоса среди многочисленного молодого населения ЮАР, многие из которых будут голосовать в первый раз на выборах 2024 г.⁹

Важный вопрос, который, возможно, назревает в партии – это активное привлечение разных групп населения к участию в предстоящих выборах.

В 2022 г. заместителем генерального секретаря АНК (фактически и.о. генсека партии после отставки Элиаса «Эйса» Махашуле) была Джесси Дуарте¹⁰, единственная цветная в составе высших руководителей партии. Во время подготовки к Национальному съезду АНК, в декабре 2022 г., в 200-именном списке¹¹ было несколько цветных (Тина Джомат-Петтерссон, Альвин Ботес, Бернис Свартс, Чеслейн Мос-терт и др.). По итогу же на высшие должности в АНК были избраны только этнические черные африканцы [5].

Изначально только Тина Джомат-Петтерссон¹², занявшая 13-е место в списке из 80 (1726 голосов), вошла в исполком партии. В то же время после обнародования списков Национального исполнительного комитета (НИК), АНК был вынужден пересмотреть свое решение, т.к. в НИК из 80 человек было только двое нечерных и обе женщины – одна цветная, а другая белая, что абсолютно не отражало демографию страны [6]. После консультаций в исполком были кооптированы два цветных политика, в т.ч. Алвин Ботес, замминистра иностранных дел ЮАР, и Фавзия Пиер, бывший заместитель муниципалитета г. еТеквини (Дурбан).

⁷ Точнее, отключения 6-го уровня, т.е. отсутствие электроэнергии 2 раза в день в течение 4 часов в течение 4 дней (*прим. авт.*).

⁸ См.: <https://iol.co.za/news/politics/first-time-voters-concerned-about-jobs-service-delivery-ahead-of-2024-elections-4d34ecd0-9ae2-4259-a193-0769931b3ddb> (accessed 27.11.2023)

⁹ Кроме того, ранее АНК в партнерстве с другими организациями, к примеру, такими как сервис по доставке еды *UberEats*, принимали практические меры для решения проблем безработицы (и связанной с ней преступности) среди молодежи страны (*прим. авт.*).

¹⁰ Скончалась в июле 2022 г. (*прим. авт.*).

¹¹ ANC top 200 candidates for the NEC. *PoliticsWeb*. 02.12.2022. <https://www.politicsweb.co.za/documents/anc-top-200-candidates-for-the-nec> (accessed 02.12.2023)

¹² В связи с предполагаемыми обвинениями в коррупции Джомат-Петтерссон покончила собой в июле 2023 г. (*прим. авт.*).

Говоря о других важных событиях, АНК впервые за последние 6 лет, в конце июня 2023 г. избрал Национальный исполком провинции Западный Кейп в составе 5 человек. Такая мера имела большое «оздоровительное» воздействие на развитие партии, и усилила влияния на потенциальный электорат с учетом того, что на протяжении последних 10–15 лет большинство цветных избирателей голосуют против АНК.

По итогам голосования в исполком Западного Кейпа вошли участники нового движения внутри АНК – «Деревня за перемены» (*Rurals for Change*), представляющего интересы сельских жителей этой провинции¹³. Из 5 членов – трое цветные: Невилл Делпорт, Шарон Дэвис и Дерек Аппел. Главой исполкома стал африканец Вуиса Тихалисису, избранный «с места» во время съезда партии. Ветеран антиапартеидного движения и глава оппозиции от АНК в местном парламенте, Камерон Дагмор (белый), не смог возглавить отделение [7]. Параллельно с этим АНК реанимировал работу других важных политических органов, таких как Лига ветеранов АНК, Женская лига АНК и Молодежная лиги АНК.

«МНОГОПАРТИЙНАЯ ХАРТИЯ» И ДА

Демократический альянс тоже времени даром не терял. Важным фактом подготовки к выборам-2024 стало переизбрание на новый срок в апреле 2023 г. лидером партии Джона Стинхэйзена. В июле того же года Терсиус Симмерс (цветной) был избран лидером в провинции Западный Кейп¹⁴. Сразу после съезда ДА в апреле 2023 г. в СМИ появилась информация о возможном достижении т.н. *Moonshot Pact*¹⁵ – пакта с другими оппозиционными партиями ЮАР. 17 июля 2023 г. состоялась встреча руководителей этих партий в Кемптон-парке в Йоханнесбурге.

В данном контексте следует отметить, что 16 декабря 1991 г. в Кемптон-парке произошло важное историческое событие – открытие Конвента за демократическую Южную Африку (КОДЕСА), которое послужило отправной точкой для диалога о ликвидации предыдущего режима [8]. В результате сложных переговоров был создан Многопартийный переговорный форум (*Multi-Party Negotiating Forum*). Важность этого форума заключается в утверждении переходного характера конституции и проведении первых демократических выборов в 1994 г. Неслучайно ДА и его сторонники переняли термин «многопартийность» (*Multi-party*)¹⁶ в названии своей коалиции. Таким образом участники стремились подчеркнуть связь этих событий, несмотря на то, что некоторые оппозиционные партии не присоединились к новообразованной «Многопартийной хартии»¹⁷.

По мнению руководства ДА, эта политическая платформа, «Многопартийная хартия», могла бы стать хорошей основой для объединения усилий нескольких партий и организаций.

На этой июльской (2023 г.) встрече были представители и руководители 6 партий: Партия Свободы Инката (*Inkatha Freedom Party*), Фридом Фронт+ (*Freedom Front Plus, FF+*), *ActionSA* и небольшие партии – Объединенное независимое движение (*United Independent Movement*), Национальная партия Спектр (*Spectrum National Party*). К «хартии» присоединилась организация *ISANCO (Independent South African National Civics Organisation)*. Участники «хартии» предпринимают попытку претендовать на получение большинства в парламенте («объединенная оппозиция»), но о результатах говорить пока преждевременно.

Почему в политической борьбе эти партии мобилизуются против и АНК, и ЭФФ?

Существует мнение, что, если АНК не наберет больше 50% голосов, то не исключается возможная коалиция АНК и ЭФФ [9]. С другой стороны, это будет непросто. Последние события, связанные с присоединением к ЭФФ таких в прошлом противоречивых фигур, относящихся косвенно к фракции *Radical Economic Transformation* [10], как Бусисиве Мквебане, бывший общественный защитник ЮАР,

¹³ <https://www.news24.com/news24/politics/tyhalisisu-is-the-main-man-as-anc-in-the-western-cape-finally-elects-new-leadership-20230625> (accessed 02.12.2023)

¹⁴ <https://www.iol.co.za/capeargus/news/simmers-wins-da-western-cape-leader-position-no-bad-blood-between-madikizela-and-myself-edb428e2-283e-41cb-9db9-27cd51294b0f> (accessed 01.12.2023)

¹⁵ *Moonshot Pact* – «Пакт круглого взлета», т.е. «гигантского рывка вперед», по словам Дж.Стинхэйзена (*прим. ред.*).

¹⁶ Здесь имеется в виду создание «Многопартийной хартии» (*Multi-Party Charter*) (*прим. авт.*).

¹⁷ В СМИ ЮАР даже появилась статья с заголовком: «Многопартийная хартия готова к старту, но КОДЕСА-3 – нет». См.: <https://mg.co.za/thought-leader/opinion/2023-08-17-multi-party-charter-ready-for-takeoff-but-codesa-iii-it-is-not/>

тому подтверждение. В этой же связке и Карл Нихаус, демагог, исключенный из АНК, являвшийся пресс-секретарем т.н. Ассоциации ветеранов «Умконто ве сизве». Вводят в заблуждение также сообщения о том, что бывший президент ЮАР Джекоб Зума 16 декабря 2023 г. (годовщина создания вооруженного крыла АНК – «Умконто ве Сизве») объявил о том, что он будет голосовать не за АНК, а за новую партию «Умконто ве Сизве», созданную в сентябре того же года¹⁸. Такие действия, не исключено, могут серьезно повлиять на результаты АНК, прежде всего в провинции Квазулу-Наталь¹⁹.

ПРОГНОЗЫ «НЕЗАВИСИМЫХ НКО» О ВЫБОРАХ-2024

Многие политические круги страны уже оценивают шансы АНК и других партий на ближайших выборах. Особенно их интересует, сможет ли АНК преодолеть 50%-ю планку (50+1) и, таким образом, сформировать в будущем правительство.

Аналитические материалы на эту тему заказывают разные политические круги страны и крупный бизнес ЮАР. Уже с весны 2022 г. предварительное анкетирование к выборам-2024 начинали проводить разные организации, например аналитический центр *Rivonia²⁰ Circle²¹* [11].

Проведенный в сентябре – октябре 2022 г. опрос показал чувствительное снижение результатов у АНК. Уровень доверия к правящей партии упал до 41%²² (см. *табл.*). Одновременно было отмечено, что оппозиционные партии не представляют собой альтернативы – ДА тоже теряет поддержку²³.

Нельзя не отметить, что, вероятно, аналитическая работа *Rivonia Circle* с южноафриканцами не была бесполезной. В апреле 2023 г. было объявлено о том, что в выборах-2024 будет участвовать новая партия «Вставай, Мзанзи» (*RISE Mzansi*)²⁴, лидером которой стал Сонгезо Зиби, бывший глава этого «мозгового центра». Кстати, при обсуждении «Многопартийной хартии» глава этой новой партии заявил, что не присоединится к ней²⁵.

Кроме того, весной 2023 г. сбор данных проводили такие НКО, как *Brenthurst Foundation*, *Social Research Foundation* и *Institute for Racial Relations*, связанные с «белым монополистическим капиталом». Результаты опросов этих фондов представлены в *таблице*. Также, согласно данным *Brenthurst Foundation*, в провинции Западный Кейп зафиксирован самый большой процент возможных неголосующих на будущих выборах – 6%²⁶.

Представляет интерес аналитика *Social Research Foundation*, основанного в 2021 г. нынешним руководителем консалтинговой фирмы д-ром Франсом Кронье: при высокой явке избирателей АНК получил бы 45%, ДА – 31%, ЭФФ – 9% (см. *табл.*). Отмечается, что при средней явке АНК и ЭФФ повысили бы свои показатели на 1%, а показатели ДА остались бы без изменений²⁷.

Кроме названных НКО, особое внимание представляют опросы *IPSOS*²⁸, проводимые южноафриканским фондом *Inclusive Society Institute*. Генеральным директором является Дарейл Сванепул, который в свое время был одним из ответственных за сбор средств в пользу АНК. Что касается подготовленной Фондом статистики, полученные результаты ближе всего к реальным. Например, при высокой явке

¹⁸ <https://www.iol.co.za/news/politics/i-will-not-vote-for-the-anc-says-former-president-jacob-zuma-bf147807-df03-4bda-bc16-f1315e579d43> (accessed 19.12.2023)

¹⁹ Более того, недавние новости о том, что Нкосазана-Дламини Зума (член кабинета с 1994 г.) подала в отставку, также, вероятно, отразятся на поддержке АНК в этой провинции (*прим. авт.*).

²⁰ Название центра связано с историей Южной Африки. Именно в районе Ривонии в 1963 г. были арестованы главные руководители АНК, в т.ч. Нельсон Мандела (*прим. авт.*).

²¹ Примечательно, что на сайте значатся и другие руководители «мозгового центра», среди которых и Тесса Думс (цветная), недавно выпустившая в соавторстве книгу про цветных Южной Африки (*прим. авт.*).

²² Все данные в *таблице* представлены с учетом высокой явки респондентов (*прим. авт.*).

²³ <https://rivoniacircle.org/new-nationally-rep-poll-by-the-rivonia-circle-shows-that-an-electoral-breakthrough-is-possible-in-election-2024/> (accessed 19.12.2023)

²⁴ «Мзанзи» («Южный») на яз. коса в последние годы все больше распространяется как неофициальное название Южной Африки (*прим. авт.*).

²⁵ <https://news24.com/news24/politics/political-parties/moonshot-pact-should-not-just-focus-on-unseating-anc-eff-says-rise-mzansi-songezo-zibi-20230419> (accessed 21.12.2023)

²⁶ См.: https://www.thebrenthurstfoundation.org/downloads/tbf_survey_coalitions_v5-october-2023.pdf (accessed 25.12.2023)

²⁷ См.: <http://srfreports.co.za/wp-content/uploads/2023/10/Report-45-State-of-play-October-2023.pdf> (accessed 15.12.2023)

²⁸ *IPSOS* – международная маркетингово-исследовательская компания, занимается социологическими и другими исследованиями в разных странах мира (*прим. авт.*).

АНК получил бы 50%, при средней и низкой – 53%, ДА получил бы около 18% при высокой явке, 20% – при средней и 16% – в случае низкой (см. табл.). Отдельно было отмечено, что поддержка оппозиционных политических партий за 10 лет выросла с 21% до 48%²⁹.

Таблица. Предварительные данные НКО
Table. Preliminary data of the NGOs

НКО	АНК, %	ДА, %	ЭФФ, %
Institute for Racial Relations	46,5	26,1	11,6
IPSOS	50	18	16
Social Research Foundation	45	31	9
Brenthurst Foundation/SABI	41	23	17
Rivonia circle	41	18	15

Составлено автором по: <https://irr.org.za/media/irr-latest-polling-opportunities-or-bust-is-emerging-as-the-theme-of-2024-ballot-battle> (accessed 10.11.2023); <https://www.polity.org.za/article/anc-support-declines-but-likely-to-keep-control-nationally-in-2024---data-2023-11-30> (accessed 22.12.2023); <http://srfreports.co.za/wp-content/uploads/2023/10/Report-45-State-of-play-October-2023.pdf> (accessed 15.12.2023) и др.

ФИНАНСИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ПАРТИЙ

Тема финансирования политических партий требует особого внимания в связи с принятием в апреле 2021 г. «Закона о финансировании политических партий» (*Political Party Funding Act*). В соответствии с требованиями Закона все политические партии ЮАР обязаны ежеквартально отчитываться и передавать данные в Национальную избирательную комиссию о частных и иностранных финансовых поступлениях в фонд партии. При этом важно подчеркнуть, что закон налагает определенные ограничения на источники финансирования политических партий, включая запрет на пожертвования со стороны правительственных ведомств, государственных организаций и иностранных правительств³⁰, а также получение сумм больше 15 млн рандов (ок. \$790 тыс.) от одного донора в течение года³¹.

Согласно последним партийным отчетам 2023 г., основные доноры партий ДА и *ActionSA* – это Фонд Фридриха Науманна (идейно близкого к Свободной демократической партии (СвДП), ФРГ), семья Оппенгеймеров и южноафриканско-израильский бизнесмен Мартин Мошаль³². Таким образом, некоторые политические партии в значительной степени, видимо, существуют за счет «белого глобального капитала».

Что же касается АНК, то по иронии судьбы, поддержав закон о раскрытии частного финансирования партий, сама партия столкнулась с тем, что многие инвесторы отказались фигурировать в публикуемых отчетах. Сокращение финансирования напрямую повлияло на то, что многие рядовые служащие – члены АНК остались без зарплат (даже перед рождественскими праздниками 2021 и 2022 гг.). Деньги выплачивались с задержками в течение этих двух лет. Такое положение вызывало непонимание со стороны многих сторонников АНК и приводило к протестам. После переизбрания Национального исполнительного комитета партии в декабре 2022 г. ситуация стабилизировалась и к февралю 2023 г. улучшилась, как отметил новый казначей АНК Гвен Рамакгопа³³.

Среди основных компаний в финансовом докладе АНК фигурирует, например, *African Rainbow Minerals*, принадлежащая миллиардеру Патрису Мотсепе, брату жены президента Рамапосы. Также не

²⁹ ANC support declines but likely to keep control nationally in 2024 – data. 30.11.2023. <https://www.polity.org.za/article/anc-support-declines-but-likely-to-keep-control-nationally-in-2024---data-2023-11-30> (accessed 22.12.2023)

³⁰ В то же время это не исключает осуществления образовательных программ и разработки стратегии, остающихся т.н. «каналом» иностранного влияния (*прим. авт.*).

³¹ Private funding of political parties. Independent Electoral Commission. <https://www.elections.org.za/pw/Party-Funding/Private-Funding-Of-Political-Parties> (accessed 26.01.2023)

³² Fourth quarter political party funding disclosure published. *SA news*. 31.05.2023. <https://www.sanews.gov.za/south-africa/fourth-quarter-political-party-funding-disclosure-published> (accessed 22.12.2023)

³³ <https://news24.com/news24/politics/political-parties/anc-finally-able-to-pay-staff-salaries-with-finances-on-the-road-to-recovery-gwen-ramakgopa-20230209> (accessed 22.12.2023)

единожды упоминается горнорудная компания *Chancellor House Holdings* (куда входит *Chancellor House Trust* – инвестиционный фонд АНК)³⁴.

ЗАПАДНЫЙ КЕЙП И НОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

В контексте изложенного выше заслуживают внимания небольшие политические партии, действующие в Западном Кейпе. Цветные сообщества, расположенные под Преторией, также постоянно находятся под пристальным вниманием Демократического альянса последние несколько циклов выборов.

Несмотря на то, что ДА рассчитывает (как и в течение последних 10–15 лет) получить максимальное количество голосов среди цветных, к борьбе подключаются и новые цветные партии. Их влияние возрастает, и начиная с выборов 2021 г. они «перетягивают» на себя часть голосующих за ДА и частично АНК.

Цветные партии выражают, как правило, интересы разных групп населения. Одна из относительно новых политических структур, которая старалась максимально заполучить голоса цветных не только в Западном Кейпе, но и в Северном Кейпе и Хаутенге, – это Патриотический альянс (ПА) (*Patriotic Alliance*), во главе которого стоят два бывших (цветных) уголовника, ставших «бизнесменами», – Гейтон МакКензи и Кенни Кунене. МакКензи стал известным благодаря своей роли в разрешении конфликта между несколькими бандитскими группировками в цветных тауншипах. Можно предположить, что мирное разрешение столь острого конфликта и стало отправной точкой создания партии.

Своей активной позицией выделяются также и другие партии, например ГУД (*GOOD*), возглавляемая с 2018 г. Патрицией де Лилль, Национальный/Капский конгресс цветных (*National/Cape Coloured Congress*), Партия независимости Кейпа (*Cape Independence Party*). Среди старых партий, сдвигающих свою политическую агитацию в сторону цветных, отметим Альджама (*Al-Jam-ah*), *Freedom Front Plus*, Конгресс народа (*COPE*) и др.

Среди всех выделяются те партии, которые представляют наибольшее количество избирателей. Партия *Freedom Front Plus* выбрала в качестве представителя на выборах 2021 г. бывшего члена Независимых демократов (НД), ДА и АНК Леннита Макса (цветного) в качестве кандидата на пост мэра Кейптауна. Следом идет ГУД, возглавляемая бывшим мэром Кейптауна Патрицией де Лилль, которая ранее выдвигалась от партии ДА, а в далеком прошлом – от Панафриканского конгресса и НД [12].

Кроме того, глава партии Национальный конгресс цветных (НКЦ) Фадиль Адамс баллотировался и на пост мэра Кейптауна. Ранее он получил известность как руководитель кейптаунского движения недовольных «Хватит!» (*Gatvol Capetonian Movement*). Правда, новая партия сумела набрать в 2021 г. всего лишь 1,7% голосов в провинции. Свою политическую позицию НКЦ продемонстрировал через организованные в сентябре 2023 г. протесты под лозунгом «Нет – торговле без цветных!». Таким образом НКЦ стремился привлечь внимание к острой нехватке рабочих мест в цветных районах Кейптауна³⁵.

В августе 2023 г. *Social Research Foundation* разместил аналитический материал, целью которого был ответ на вопрос: «*Действительно ли провинции Западный Кейп нужна цветная партия, которая возглавляется цветным лидером, понимает нужды и запросы цветного сообщества, а также фокусируется на их проблемах и нуждах?*». В исследовании были учтены такие показатели, как язык, уровень образования, тип занятости, место проживания, категория населения (раса), политические предпочтения. Среди тех, кто дал положительный ответ, большинство составляют безработные или неформально занятые, проживающие в тауншипах³⁶.

В 2023 г. появилась новая партия – *Change Starts Now* («Перемены начинаются сейчас»). Её главой был выбран Роджер Джардин (цветной), в прошлом банкир и председатель правления одной из круп-

³⁴ Parties declare second-largest amount of donations to IEC since implementation of party funding act. *TimesLive*. 31.08.2023. <https://www.timeslive.co.za/politics/2023-08-31-parties-declare-second-largest-amount-of-donations-to-iec-since-implementation-of-party-funding-act/> (accessed 22.12.2023)

³⁵ 'No coloureds, no trading,' says National Coloured Congress president Fadiel Adams. 20.09.2023. <https://iol.co.za/news/south-africa/western-cape/no-coloureds-no-trading-says-national-coloured-congress-president-fadiel-adams-bd9417ac-36ce-4878-a4c8-db59925c38fb> (accessed 23.12.2023)

³⁶ #2038 SRF Report 34. The Western Cape needs a coloured party. <http://srfreports.co.za/wp-content/uploads/2023/08/SRF-Report-34-WC-needs-a-coloured-party.pdf> (accessed 23.12.2023)

нейших южноафриканских компаний. Соратником Джардина стал Мэрфи Моробе³⁷, его друг по Объединенному демократическому фронту (см. также [13]). Презентация партии прошла в районе Риверли³⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многие аналитические агентства предсказывают, что выборы-2024 будут самыми напряженными за всю историю постапартеидной ЮАР. На решение избирателей будет влиять множество факторов, среди которых важную роль играет решение проблем, связанных с водообеспечением, электричеством, безопасностью.

На фоне прогнозов многих НКО, что АНК не сможет набрать 50% голосов, особое внимание стоит уделить тому, как новые политические силы пытаются привлечь социально-политический, маргинальный цветной электорат. В то же время, несмотря на появление новых партий и объединений, таких как «Многопартийная хартия», говорить о том, что у них есть все шансы получить доминирующие позиции, на наш взгляд, весьма смело.

В складывающейся предвыборной гонке интересно наблюдать за тем, каким образом новые и старые политические соперники выстраивают свои стратегии для получения максимального количества голосов среди всех групп населения страны, а также среди цветного и других нечерных сообществ Южной Африки. Особое внимание стоит уделить тому, как новые участники политического процесса пытаются привлечь тот электорат, который, по их мнению, был недостаточно задействован в прошлых выборах, включая группу цветных.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Rostron B. 2019. Robert McBride. The Struggle Continues. Tafelberg. Pp. 73–75, 83.
2. Ferial Haffajee. How the ANC lost the coloured and Indian vote. *News24*. 23.05.2011. <https://news24.com/news24/xarchive/archive/ferial-haffajee/How-the-ANC-lost-the-coloured-and-Indian-vote-20110523> (accessed 24.12.2023)
3. Туряница Д.А. Молодые политические фигуры ЮАР: Линдиве Мазибуко. *Африканские традиции и современность: проблемы истории, культуры и гендера*. Отв. ред.: В.В.Грибанова, Н.Л.Крылова. М.: ИАФР РАН, 2020. С. 196–208.
Turianitsa D.A. 2020. Young political figures of South Africa: Lindiwe Mazibuko. *African traditions and modernity: problems of history, culture and gender*. Moscow. Pp. 196–208. (In Russ.)
4. Isibor N. Record-breaking 6,800 Hours of load shedding in 2023. *Eskom News*. 07.12.2023. <https://eskom-news.co.za/record-breaking-6800-hours-of-load-shedding-in-2023/> (accessed 07.12.2023)
5. Шубин В.Г. Дождались? (К итогам 55-й Национальной конференции АНК). *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 4. С. 25–29. DOI: 10.31857/S032150750025336-1
Shubin V.G. 2023. Is the Wait Over? (To the Results of the 55th National Conference of ANC). *Asia and Africa today*, № 4. Pp. 25–29. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750025336-1
6. Adams Y. LETTER: ANC's commitment to transformation is doubtful. 14.01.2023. <https://www.iol.co.za/capeargus/opinion/letter-ancs-commitment-to-transformation-is-doubtful-fa2f57bc-1219-4f55-a23d-79f58c31c0fd> (accessed 12.12.2023)
7. Keith Gottschalk. South Africa's ANC controls eight of nine provinces - why the Western Cape will remain elusive in the 2024 elections. *The Conversation*. 01.08.2023. <https://theconversation.com/south-africas-anc-controls-eight-of-nine-provinces-why-the-western-cape-will-remain-elusive-in-the-2024-elections-210013> (accessed 03.11.2023)
8. Шубин Г.В. Проблемы развития демократической Южной Африки (1994–2006 гг.). М., 2006. С. 22–25.
Shubin G.V. 2006. Problems of development of democratic South Africa (1994–2006). Moscow. Pp. 22–25. (In Russ.)
9. Dirk Kotze. South Africa votes in 2024: could a coalition between major parties ANC and EFF run the country? *The Conversation*. 24.04.2023. <https://theconversation.com/south-africa-votes-in-2024-could-a-coalition-between-major-parties-anc-and-eff-run-the-country-204141> (accessed 20.12.2023)
10. Шубин В.Г. Южная Африка: трудные времена. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 12. С. 34. DOI: 10.31857/S032150750023559-6

³⁷ Еще в декабре 1988 г. М.Моробе вместе с товарищем по ОДФ оказались в Москве после того, как сбежали из тюрьмы ЮАР (прим. авт.).

³⁸ Во времена апартеида этот район был выделен для цветной группы населения (прим. авт.).

- Shubin V.G. 2022. South Africa: Hard Times. *Asia and Africa today*, № 12. P. 34. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750023559-6
11. Dooms T., Chutel L.E. Coloured – How Classification Became Culture. Jonathan Ball Publishers. 2023.
12. Турияница Д.А. Патрисия де Лилль: победы и просчеты в карьере «цветного» политика ЮАР. *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 4. С. 69–74. DOI: 10.31857/S032150750010454-1
- Turianitsa D.A. 2020. Patricia de Lille - victories and miscalculations in the career of a «coloured» politician of South Africa. *Asia and Africa today*. № 4. Pp. 69–74. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750010454-1
13. Тетёкин В.Н. Африканист. М., 2011. С. 222–223.
- Tetyokin V.N. 2011. *Africanist*. Moscow. Pp. 222–223. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Турияница Дарья Андреевна, младший научный сотрудник, Центр социологических и политологических исследований Института Африки РАН, Москва, Россия.

Daria A. Turianitsa, Junior Researcher, Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 12.09.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.12.2023

Принята к публикации
(Accepted) 25.01.2024

От экотаунов к супергородам: низкоуглеродные города в Японии

© Тихоцкая И.С.^а, 2024

^а МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-1534-0505; iritiro@gmail.com

Резюме. Одним из важнейших вопросов градостроительства стало достижение комфорта и реализация преимуществ городской жизни без увеличения нагрузки на окружающую среду. В Японии, где уже почти 30% жителей старше 65 лет, в городах сконцентрировано более 93% населения, что ставит перед проектировщиками городов сложные задачи. В статье анализируется эволюция концепции экологических городов: от проектов «Экотаун» (1997) и «Город-экомодель» (2008) до правительственной программы «Города зеленого будущего» (*FutureCity*) и «Умные города» (2011), а также «Супергорода» (2020).

Показано, что при всех отличительных особенностях как городов, в которых реализуются разные проекты, так и каждого проекта в отдельности все они представляют собой наглядные примеры образцовых экологических городов, для достижения низкоуглеродного развития опирающихся на местные ресурсы и создающих устойчивые экономические и социальные системы для комфортного проживания быстро стареющего населения, которое часто страдает от стихийных бедствий.

Ключевые слова: Япония, низкоуглеродные города, экотаун, город-экомодель, программа «Города зеленого будущего», умные города, супергорода

Для цитирования: Тихоцкая И.С. От экотаунов к супергородам: низкоуглеродные города в Японии. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 2. С. 32–40. DOI: 10.31857/S032150750030058-5

From Ecotowns to Supercities: Low-Carbon Cities in Japan

© Irina S. Tikhotskaya^а, 2024

^а Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-1534-0505; iritiro@gmail.com

Abstract. One of the most important issues of urban planning is to achieve comfort and realize the benefits of urban life without increasing the burden on the environment. In Japan, where almost 30% of the citizens are already over 65 years old, more than 93% of the population is concentrated in cities, which means challenges for urban planners. This paper analyzes the evolution of the concept of eco-cities, from the Eco Town (1997) and Eco Model City (2008) projects to the governmental FutureCity program (in Japanese 環境未来都市 – Green Future Cities) and Smart Cities (both 2011), and Supercities (2020).

The author shows that with all the distinctive features of the cities of the different projects and inside them, they all present clear examples of model eco-cities relying on local resources to achieve low-carbon development and create sustainable economic and social systems to comfortably accommodate a rapidly aging population that is often hit by natural disasters.

Keywords: Japan, Low Carbon Cities, Eco Town, Eco Model city, FutureCity initiative, Smart Cities, Supercities

For citation: Tikhotskaya I.S. From Ecotowns to Supercities: Low-Carbon Cities in Japan. *Asia and Africa today*. 2024. № 2. Pp. 32–40. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030058-5

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении многих столетий в Японии формировалась культура гармонизации отношений человека с природой. Общество эпохи Эдо, в котором господствовала концепция *моттаинай* (не допускать расточительства и ничего не выбрасывать при сохранении потребительских свойств), признано обществом замкнутого цикла – то, к чему в современный период стремятся перейти многие страны мира. Можно предположить, что именно город Эдо был первым экологичным городом. Поэтому неудиви-

тельно, что предпосылки формирования таких городов сформировались в Японии еще до появления в 1980 г. самого термина «экотаун».

Активное промышленное развитие началось после буржуазной революции Мэйдзи: комплекса политических, военных и социально-экономических реформ в Японии 1868–1889 гг., превративших отсталую аграрную страну в одно из ведущих государств мира. В те годы ставилась цель догнать в экономическом отношении передовые страны, в целом её стремились достичь по принципу «рост любой ценой». Однако в то же время на рубеже XIX–XX вв. на окраинах крупных городов Японии, в окружении зеленых насаждений стали возводить спальные районы, соответствующие градостроительной концепции «Город-сад», предусматривавшей создание озелененных поселений-спутников вокруг крупных индустриальных городов.

Разработанная в 1898 г. английским социологом Э.Ховардом как ответ на проблемы урбанизации своего времени, данная концепция соединяла в себе преимущества проживания и в городе и сельской местности и предполагала отделение жилых районов от промышленных зон, окружение индустриальных центров кольцом из парков и сельскохозяйственных угодий, ограничивающих рост городов, и размещение жилой застройки на их озелененной периферии. Такого рода районы, возведенные вокруг Токио, сохраняются и сейчас. Несмотря на превращение в относительно обычные пригороды, они остаются одними из самых фешенебельных районов. Одним из самых известных в Токио является построенный в 1918 г. примерно в 10 км к югу от центра Токио жилой район Дэн-эн-тёфу. Он считается одним из самых успешных планировочных комплексов в Японии, и здесь проживают многие знаменитости.

Период милитаризации Японии и Второй мировой войны положил конец этой тенденции, а по окончании войны весьма скоро в стране начался беспрецедентно быстрый экономический рост, который одновременно с выходом Японии к началу 1970-х гг. в число лидеров по ВВП привел и к серьезному экологическому кризису, в т.ч. к заболеваниям, вызванным загрязнением окружающей среды промышленными отходами. Это вызвало активный всплеск общественного движения против загрязнения окружающей среды, во многом благодаря которому и началось зарождение первых современных японских экологических городов. Их становление происходило в русле ужесточения экологического законодательства, а вместе с тем развивалась и концепция экополиса.

ПРОЕКТ «ЭКОТАУН»

В 1997 г. в Японии силами двух министерств (внешней торговли, промышленности, здравоохранения и социального обеспечения) был запущен проект «Экотаун», в основу которого была положена концепция нулевых отходов. Его цель состояла в оказании всякого рода помощи местным органам власти, намеревающимся развивать экологичные отрасли и производства в своих регионах. Предполагалось, что реализация данного проекта позволит оживить региональные экономики после краха экономики «мыльного пузыря» и содействовать продвижению к обществу рециклирования ресурсов (*русай-куру сякай*).

В числе первых экотаунов оказались центры тяжелой промышленности Японии Китакюсю и Кавасаки, большое число предприятий которых наносило огромный вред окружающей среде. В Китакюсю еще в 1990 г. с целью структурной перестройки промышленности, её переориентации на более экологичные отрасли был создан технопарк, в 1997 г. преобразованный в экотаун путем создания промышленного кластера, нацеленного на рециклирование. Нельзя не обратить внимания на то, что уже с первых дней своего существования он был призван играть важную роль в пропаганде передового опыта и информировании населения о проблемах утилизации отходов. С этой целью там был создан Центр экотауна Китакюсю, в котором стали проводить лекции и занятия для всех желающих самого разного возраста. Его регулярно посещали и группы школьников, а автору этих строк довелось побывать там в 2004 г. вместе с японскими учеными в рамках научной конференции и одновременно посетить автоматизированное предприятие по рециклированию автомобилей, экологичный дом и пр.

В стратегии экотауна Кавасаки, в прибрежной промышленной зоне которого было расположено более 50 производств, оказывавших самое серьезное загрязняющее воздействие, главный упор был сделан на снижение загрязнения окружающей среды за счет утилизации промышленных отходов. Помимо рециклирования ресурсов из отходов был организован обмен отходами между отраслями с тем, чтобы они использовались в качестве вторичного сырья. Между предприятиями налаживали обмен ноу-хау и

информацией. Был создан и показательный в плане минимизации отходов промышленный комплекс из 15 металлургических предприятий разного профиля – *Kawasaki Zero Emission*. В последние годы прибрежная зона Кавасаки превратилась в ведущий японский экотаун, привлекающий внимание и за пределами Японии.

Среди 26 экотаунов нельзя не отметить город Минамата, который был первым малым городом, официально признанным экотауном (2001), позже выбранным в качестве города-экомодели. Этот город, расположенный в префектуре Кумамото на острове Кюсю, на протяжении многих лет, с 1956 г., ассоциировался исключительно с неблагоприятной экологической обстановкой и одноименной болезнью, причиной возникновения которой является отравление органическими соединениями ртути. Сейчас это индустриальный парк, состоящий из различных компаний, связанных с переработкой отходов.

В 2000 г. на основе разработанной в Японии инновационной концепции был принят Основной закон об обществе с устойчивым циклом материальных ресурсов (*дзюнкангата сякай*). Его суть состоит в минимизации потребления природных ресурсов и нагрузки на окружающую среду [5]. Данная концепция, как и обсуждавшаяся в Японии с 1960-х гг. концепция общества рециклирования, была основана на законодательно закреплённом в стране еще в 1992 г. принципе $3R^1$, но в его более широкой трактовке – требования *reduce, reuse, recycle* должны применяться на протяжении всего жизненного цикла продукта: от стадии замысла до стадии конечного использования и утилизации.

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ЭКОГОРОДОВ

В 2001 г. министерством экономики, промышленности и торговли Японии был принят наиболее амбициозный со времени принятия в 1960-е гг. стратегии развития тяжелой промышленности План индустриальных кластеров, имеющий целью повысить производительность, подстегнуть инновации и ускорить создание нового бизнеса, а вслед за ним и План интеллектуальных кластеров. В ходе совместной реализации этих планов в целом преследовались те же цели, что и при создании экотаунов: развитие локальных и региональных инноваций и предприятий, в т.ч. в области экологических технологий.

В 2008 г. был создан новый проект – «Города-экомодели», в рамках которого финансовую поддержку оказывали городам, стремившимся значительно сократить потребление энергии и выбросы углекислого газа. Эти города должны были стать образцовыми экологическими городами, которые «могут указать путь к низкоуглеродному развитию всей Японии» [1].

По сути, этот проект представляет собой национальную программу низкоуглеродного развития, адаптированную к местным условиям.

На первом этапе было подано 82 заявки, из которых первоначально отобрали 6 муниципалитетов разного ранга: крупные города Иокогама и Китакусю, центральный город префектуры Тояма, центральный город округа, провинциальный центр в сельской местности Обихиро, малый город Минамата, сельское поселение Симокава. Чуть позже добавили еще 7, благодаря чему увеличилось разнообразие муниципальных типов и расширилась география данной инициативы [6].

Цель проекта состояла в содействии разработке местных планов действий по декарбонизации и обмену знаниями между городами. Японское правительство характеризует города-экомодели как города, которые максимально используют ресурсы и достигают как низкоуглеродного, так и устойчивого развития.

В 2011 г. была запущена еще одна национальная программа низкоуглеродного развития, также адаптированная к местным условиям, – *FutureCity*. Столь необычное название, очевидно, объясняется тем, что акцент в этой программе сделан на «3 интегрированные ценности»: окружающая среда, общество и экономика, что трудно выразить в одном термине. Её японское название – «*Канкё мирай тоси*» – гораздо более емкое, чем точный перевод на русский язык – «города зеленого будущего». Эти города призваны «разрабатывать новаторские проекты для реализации мечты о сообществе, которое постоянно создает экологические, социальные и экономические ценности, сообществе, в котором каждый хочет жить, и сообществе, где каждый имеет возможность реализовать свои возможности»². В эту концепцию

¹ Правило 3R расшифровывается как Reduce, Reuse, Recycle. Это правило – одно из основополагающих в жизни экосознательного человека (*прим. ред.*).

² <https://future-city.go.jp/en/about/> (accessed 08.12.2023)

заложена идея возведения городов с устойчивыми экономическими и социальными системами, создающих новые ценности, ориентированные на человека, на окружающую среду и на стареющее общество. Она действительно бросает вызов общим проблемам человечества и позиционируется Японией как модель их решения в мире.

Спустя два года, в 2013 г., проект города-экомодели, включивший еще 9 населенных пунктов, стал составной частью данной программы, и акцент с цели рециклирования сместился на цель низкоуглеродной трансформации, стремление к достижению которой получило новый импульс после Большого землетрясения в Восточной Японии в 2011 г.

Впервые о городах будущего как поселениях, в которых строится общество с устойчивым циклом материальных ресурсов, упоминалось еще в Стратегии роста Японии в 2010 г. Их создание связывалось тогда с возрождением местных сообществ посредством реализации идей предотвращения антропогенно обусловленных климатических изменений и исчерпания ресурсов. Другими словами, речь шла о землях, утративших вследствие человеческой деятельности первоначальную природно-хозяйственную ценность и, как правило, представляющих собой источник отрицательного воздействия на окружающую среду.

С 2011 г. муниципалитет, принятый в качестве *FutureCity*, руководствуется принципами гармоничного сосуществования с природой и соблюдения прав человека на участие в принятии решений и решает проблемы старения населения³. В целом же в Японии упор делают на создание более компактных населенных пунктов по сравнению с некогда стихийно возникшими, прежде всего, оснащенных безвредной энергетической и транспортной инфраструктурой. В них должны быть пешеходные зоны (в большинстве японских городов, за исключением крупных, практически нет тротуаров. – *И.Т.*) и железные дороги (что должно вести к сокращению используемого личного автотранспорта. – *И.Т.*), должна быть распространена аренда спортивного инвентаря и электромобилей, сохранены лесные массивы, а также должны проводиться просветительские мероприятия для укрепления территориальной идентичности.

Интересен пример города Иванума на востоке префектуры Мияги, одного из наиболее пострадавших во время цунами 2011 г. Этот исторический транспортный узел с населением более 40 тыс. человек задуман как компактный город; там расположен медицинский кластер, включающий научные, производственные и практикующие организации, и солнечная электростанция. Для закрепления в культурном ландшафте памяти о событиях 2011 г. из инфраструктурных обломков создан новый центр притяжения – «15 холмов тысячелетней надежды» с Музеем землетрясений и цунами.

Предполагается, что вместе с дамбами, поднятием дорожного полотна и совершенствованием систем оповещения это место будет защитой от будущих катастроф. В этой же префектуре создается и город будущего Хигасимацусима, более узкоспециализированный и ориентированный на независимое энергопотребление за счет использования энергии солнца и биомассы. Это первое в Японии микросетевое сообщество, за счет резервного электроснабжения подготовленное к стихийным бедствиям.

«УМНЫЕ ГОРОДА»

Термины «умный город» и «умное сообщество» появились в начале XXI в., но о создании умных городов (*суматосити*) в Японии активно заговорили после самого разрушительного в её истории землетрясения (2011), когда были остановлены все ядерные реакторы страны, и проблема энергоснабжения встала со всей остротой.

Министерство земли, инфраструктуры и транспорта определила «умный город» как «устойчивый город или район, который управляет различными проблемами города с помощью новых технологий для достижения общей оптимизации»⁴.

Концепция умного города предполагает создание населенных пунктов, соответствующих принципам устойчивого развития, в которых жителям предоставлен качественно новый уровень жизни за счет, прежде всего, активного применения информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих бесперебойное согласованное функционирование всех видов местной инфраструктуры благодаря

³ <https://future-city.go.jp/kankyo/> (accessed 08.12.2023) (In Jap.).

⁴ <https://www.mlit.go.jp/common/001249774.pdf> (accessed 08.12.2023) (In Jap.).

установленным в общественных и частных зданиях датчикам и системам обработки информации. Это позволяет комфортно проживать, передвигаться и вести активный образ жизни людям всех возрастов и инвалидам.

Первым проектом стал смартсити (умный город) Фудзисава, построенный в 2014 г. в одноименном городе префектуры Канагава на месте старого завода компании *Panasonic* и, прежде всего, связанный с одним из главных видов продукции компании – солнечными панелями. Все дома в этом городе оборудованы ими, поэтому бросается в глаза отсутствие линий электропередачи. Установленные в домах смарт-системы мониторинга позволяют отслеживать энергопотребление как на уровне домохозяйства, так и на уровне умного города в целом. По свидетельству жителей, подобная визуализация данных побуждает к экономии, выбору более обдуманных в плане защиты окружающей среды действий. Жителей стимулируют пользоваться велосипедами и электромобилями, в т.ч. по системе каршеринга (краткосрочной аренды / проката машины).

Этот футуристический комплекс – первый в ряду подобных в рамках масштабной инициативы компании *Panasonic* по созданию экологически чистых, безопасных и комфортных для жизни сообществ.

При разработке данного проекта во главу угла был поставлен комфорт людей с учетом безопасной мобильности, охраны здоровья, защиты от чрезвычайных ситуаций. С этой целью в проект заложен план восстановления в случае стихийного бедствия и предусмотрена возможность автономного существования на протяжении трех дней за счет наличия резервной системы электроснабжения. Это делает его устойчивым умным городом, что особенно важно в быстро стареющем японском обществе.

После реализации проекта число умных городов в различных префектурах Японии стало расти. Компания *Panasonic* возвела еще два устойчивых умных города в Японии – Цунасима в городе Иокогама и Суйта в одноименном городе в префектуре Осака – и рассматривает возможность реализации подобных проектов за рубежом.

Поскольку Япония крайне заинтересована в развитии мер по предотвращению стихийных бедствий, именно это заложено в основу умных городов страны наряду с экологическими и энергетическими инновационными технологиями.

В 2016 г. в «5-м базовом плане по науке и технологиям» Японии была представлена её инновационная концепция «Общество 5.0», ключевым элементом которой как раз и является национальная программа «Суматосити», к 2020 г. содержащая 227 инновационных проектов, реализуемых в 157 населенных пунктах страны. На базе новейших технологических решений предполагается «достичь оживления местной экономики и создать здоровые, процветающие сообщества»⁵.

Хотя большинство японских «умных» сообществ получают государственные субсидии, в большинстве случаев разработчиками являются частные компании – иногда производящие электро-, газо- и бытовую технику. Нередко эти сообщества создаются производителями на своих старых заводских площадках [2].

Как было сказано, именно так поступила компания *Panasonic*, и в 2021 г. компания *Toyota* начала строительство города зеленого будущего, позиционируемого как супергород⁶, у подножия горы Фудзи на месте своего старого завода. Предполагается создать полностью связанную экосистему, работающую на водородных топливных элементах. Ожидается, что в городе будут постоянно проживать 2000 человек, в т.ч. более 300 сотрудников компании с семьями, и исследователи, которые будут тестировать и разрабатывать на месте инновационные технологии в таких областях, как автономность, робототехника, мобильность, умные дома и искусственный интеллект.

Планируется, что этот город будет полностью экологичным: деревянные здания, крыши которых покроют фотогальваническими панелями для получения дополнительной солнечной энергии, экологичный транспорт, много растительности. Улицы будут разведены: для скоростного транспорта, низкоскоростного и персональной мобильности (помимо велосипедов в стареющем японском обществе все больше используются новые специальные средства передвижения. – *И.Т.*), а также пешеходные. *Toyota* сотрудничает с датской компанией *BIG*, основанной Бьярке Ингельсом, построившей Всемирный тор-

⁵ <https://partners.wsj.com/japan-cabinet-office/smart-cities> (accessed 08.12.2023)

⁶ В 2020 г. парламент Японии принял пересмотренный законопроект, прокладывающий путь к созданию супергородов, в которых ведущую роль для более эффективного и экономичного решения социальных проблем будут играть искусственный интеллект и большие данные.

говый центр в Нью-Йорке и *Lego House* в Дании (в небольшом городе Биллунд, где был изобретен всем известный «кирпичик *LEGO*»⁷).

Супергорода – это следующий шаг в городском планировании. Такой город должен соответствовать самым современным критериям как минимум в 5 сферах: мобильность, логистика, платежи, администрирование, здравоохранение, образование, энергетика и водоснабжение, окружающая среда и отходы, предотвращение преступлений и катастроф, предоставляя информацию и услуги в интегрированном и связанном с данными виде [3].

Умный город Касива-но-ха, расположенный в северо-западной части одноименного города в префектуре Тиба, представляет революционные технологии, внедренные в систему местного управления. Дома здесь – это настоящий энергохаб, один из крупнейших в Японии по числу литий-ионных аккумуляторов, солнечных панелей и аварийных генераторов, работающих на газе, за счет чего в случае необходимости город сможет автономно функционировать на протяжении трех дней. В этом районе расположены такие объекты, как префектурный парк, отделения Токийского университета и Университета Тиба, национальный исследовательский институт и т.д. Концепция этого города – создание международного академического исследовательского и одновременно экологичного города следующего поколения на основе государственного, частного и научного партнерства.

Иными словами – «гармония университета и города». Здесь идет активное градостроительство, в основном по проекту перезонирования земель, т.е. изменение разрешенного вида использования земельных участков на территории города⁸.

НИЗКОУГЛЕРОДНЫЕ ГОРОДА

Еще в 1998 г. в Японии был принят Закон о содействии мерам по борьбе с глобальным потеплением, поправка к которому, принятая в 2008 г., предписывала разрабатывать планы действий по сокращению выбросов парниковых газов. В 2012 г. был введен в действие Закон о низкоуглеродных городах, а в 2017 г. были разработаны дорожные карты для продвижения к здоровому низкоуглеродному образу жизни, городам и зданиям. Основные его направления: повышение мотивации для нового устойчивого низкоуглеродного образа жизни и потребительских предпочтений; разработка устойчивых низкоуглеродных городов и транспортных систем для стареющего общества; ускорение строительства низкоуглеродных жилых и прочих зданий, отвечающих требованиям сохранения здоровья людей и выработки зеленой энергии; содействие распространению низкоуглеродных городов, зданий, транспортных систем во всех странах Азии.

С 2020 г. в Японии введены обязательные стандарты энергоэффективности для всех новых зданий и сооружений и поощряется строительство не потребляющих электроэнергию домов. В 2021 г. были представлены дорожные карты по региональной декарбонизации с акцентом на решение региональных проблем и повышение привлекательности регионов. Для продвижения к «зеленому обществу» посредством создания сильных жизнеспособных регионов особое значение имеет развитие региональных инноваций в декарбонизации образа жизни благодаря развитию цифровых и зеленых технологий, и на современном этапе этому уделяют в Японии особое внимание⁹. Местные органы власти обязаны разрабатывать планы низкоуглеродного развития, и для облегчения этой задачи в декабре 2022 г. на сайте министерства земли, инфраструктуры, транспорта и туризма были опубликованы примеры таких планов для 26 населенных пунктов¹⁰.

Эволюция экотаунов получила продолжение и в программе создания «Городов будущего, нацеленных на достижение ЦУР»¹¹. ЦУР или Глобальные цели – это совокупность 17 взаимосвязанных глобальных целей, призванных стать «планом достижения лучшего и более устойчивого будущего для

⁷ Детали детского конструктора «Лего» и «кирпичики» лишь условно можно назвать «близкими родственниками». Характерной особенностью, которая, собственно, и превращает простой кирпич в «лего», является наличие у него системы сопряжения элементов на основе пазов и выступов (*прим. ред.*)

⁸ <http://igdp.cn/wp-content/uploads/2021/08/Compartive-Study-on-Low-Carbon-City-Development-2021.pdf> (accessed 08.12.2023)

⁹ <https://www.env.go.jp/earth/地域脱炭素ロードマップ.pdf> (accessed 08.12.2023) (In Jap.).

¹⁰ https://www.mlit.go.jp/toshi/city_plan/eco-machi-case.html (accessed 08.12.2023) (In Jap.).

¹¹ ЦУР – цели устойчивого развития.

всех». ЦУР были установлены в 2015 г. Генеральной Ассамблеей ООН и должны быть достигнуты к 2030 г.

По результатам конкурса было отобрано 29 муниципальных образований. В Японии города сами определяют конкретные целевые показатели снижения выбросов углекислого газа, жестких государственных требований в этом отношении нет. И иерархия новых городов представляется так: городам-экомоделям в Японии отдается преимущество при получении официального признания усилий по низкоуглеродному развитию; более амбициозные действия могут привести к тому, что они постепенно будут признаны «городами будущего», а затем и соответствующими целям устойчивого развития [7].

Эти решения совместно принимают Министерство по окружающей среде и Министерство экономики, торговли и промышленности. При разработке низкоуглеродной политики местные органы власти, аналогично тому, как это происходит на национальном уровне, активно взаимодействуют с промышленными предприятиями, поддерживают и поощряют их. Закон о содействии мерам по борьбе с глобальным потеплением также предусматривает поощрение местными органами власти деятельности предприятий и населения по сокращению выбросов, в т.ч. за счет использования продукции и услуг с низким выделением парниковых газов¹².

В силу своей экономической и политической значимости Токио и Иокогама обладают высокой фискальной автономией, что позволяет им разрабатывать и реализовывать собственные инициативы; они могут более комплексно продвигать низкоуглеродную деятельность в своих юрисдикциях. Иокогама является единственным в Японии городом, взявшим на себя обязательство стать углеродно-нейтральным к 2050 г. в рамках амбициозной программы *Carbon Neutral Cities Alliance (CNCA)*, а Токио – единственным членом этой организации. Токио – первый город в мире, разработавший столичную схему торговли квотами на выбросы парниковых газов, причем на национальном уровне в Японии такая схема не создана.

Помимо общей государственной поддержки, оказываемой городам в разработке их низкоуглеродных планов, большую роль играют существующие программы сертификации: прежде всего, на соответствие требованиям к городам-экомоделям, городам будущего, городам будущего ЦУР. Особенность этих программ состоит в том, что местные органы власти разрабатывают планы по созданию модельных городов в соответствии с концепциями и критериями оценки, представленными правительством страны, но с учетом своих региональных особенностей.

За 2008–2018 гг. 30 муниципалитетов было сертифицировано как города-экомодели. Среди них отбирают наиболее интересные и успешные в плане технологий, социально-экономических систем, услуг, бизнес-моделей и городского планирования в области экологии и прогрессирующего старения населения и присваивают им более высокий статус – «город экологичного будущего», которые имеют право на государственную поддержку в виде консолидированных бюджетов, нормативных актов, налоговых преференций.

В 2018 г. были запущены проекты «Города будущего ЦУР» и «Модельная программа по достижению ЦУР местными органами власти», включающие в себя вновь принятые методы достижения ЦУР. К концу 2018 г. первых было 29, 10 (в 2020 г. – 93 и 30 [2]) из них были выбраны в качестве «моделей ЦУР местного самоуправления» и получили до 40 млн иен субсидий [4]. Среди них города от Нисэко и Симокава на Хоккайдо до Иокогамы и Камакуры в центре страны и Ики и Огуни на Кюсю. Сертифицированные города часто имеют относительное преимущество в доступе к более широкому государственному финансированию низкоуглеродной деятельности, предоставляемому различными государственными министерствами.

В Японии действует и система сертификации низкоуглеродных зданий, в качестве стимула предлагающая льготное налогообложение. Для 11 отраслей, таких как металлургия, производство цемента, электроснабжение и розничная торговля бытовой техникой, введена система отраслевого бенчмаркинга. При этом стандарты энергосбережения установлены на уровне, которому соответствуют только 10–20% лучших предприятий (подход *top-runner* – «лидер гонки») в каждой отрасли.

Японские города отличает довольно большая политическая автономия, особенно в сравнении с восточноазиатскими городами, следствием чего являются различные стратегии и цели низкоуглеродного развития. Первой префектурой, объявившей в 2009 г. о планах снижения выбросов углекислого газа,

¹² https://www.neaspec.org/sites/default/files//Comparative_Study_revision.pdf (accessed 08.12.2023)

стала префектура Яманаси, а в 2019 г., после выступления министра охраны окружающей среды Синдзиро Коидзуми на Рамочной конференции ООН – и правительства Токио, Иокогамы и Киото.

В феврале 2021 г. число японских органов местного самоуправления, заявивших о принятии планов достижения к 2050 г. нулевых выбросов углекислого газа, составило 281 (в соответствующих населенных пунктах проживает 80% населения страны), а на 29 сентября 2023 г. – 991, в т.ч. 558 городов. Цель состоит в том, чтобы местные инициативы стали катализатором аналогичных усилий в других сообществах и стимулировали общенациональное движение к углеродной нейтральности.

Среди городов, заявивших, что к 2050 г. выбросы парниковых газов в них будут сокращены до чистого нуля, и расположенный в префектуре Нагасаки на 150 одноименных островах вблизи острова Кюсю город Гото. Благодаря его географическому положению там господствуют сильные ветры, большая глубина около побережья, что позволило впервые в Японии в 2010 г. запустить демонстрационный проект плавучей морской ветряной турбины, в 2016 г. начать её коммерческую эксплуатацию и создать плавучую оффшорную ветроэнергетическую систему.

Активно используется и солнечная энергия, и уже около 80% потребляемой электроэнергии генерируется за счет возобновляемых источников. В целях декарбонизации всего региона в Гото реализуются демонстрационные проекты по производству энергии за счет приливов и отливов, а также по строительству судна на водородных топливных элементах. Мэрия стремится повысить экологическую сознательность своих жителей, стимулируя их использовать электромобили и сокращать отходы, а местные студенты используют беспилотники для исследования прибрежного морского мусора¹³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ эволюции концепции современного экологичного города, отвечающего требованиям сегодняшнего дня, в Японии показывает, что основной целью городского развития на современном этапе является создание низкоуглеродных городов, способных обеспечить комфортное пребывание людям XXI в., предъявляющим высокие требования к качеству жизни и одновременно нуждающимся в особых условиях на фоне быстрого старения населения, которое часто страдает от стихийных бедствий.

Создание экотаунов сыграло большую роль в отходе от тупиковой политики управления отходами, основанной на их сжигании и захоронении, и развитии рециклирования ресурсов и привело к рождению в стране инновационной концепции общества с устойчивым циклом материальных ресурсов и к продвижению экологичного бизнеса. Наблюдающуюся трансформацию наглядно иллюстрирует город Китакою. Один из главных центров тяжелой промышленности, первый в проекте «Экотаун», изначально нацеленный на утилизацию отходов и рециклирование ресурсов, теперь являет пример создания интеллектуальной электрической сети (*smart-grid*). Т.е. региональной системы управления получаемой за счет ВИЭ энергией с использованием цифровых технологий, датчиков и программного обеспечения для более точного соответствия спроса и предложения электроэнергии в режиме реального времени при минимизации затрат и поддержании стабильности и надежности сети. Китакою позиционируется как ключевой проект новой стратегии развития города в целом. В рамках проектов такого рода предполагается содействовать низкоуглеродному развитию регионов за счет более широкого применения солнечных батарей и морской ветроэнергетики. И экотаун Китакою призван вносить дальнейший вклад в создание низкоуглеродного, устойчивого города как способа поддержки перспективных производств.

Японские экологические инициативы находят признание и применение и за рубежом, и Япония вносит вклад в улучшение экологии в мире путем демонстрации экогородов как модели устойчивого потребления и производства.

Создание экотаунов в разных странах мира уже позволило улучшить состояние окружающей среды на местном и глобальном уровне посредством совершенствования управления отходами, решения проблем утилизации мусора в целом и опасных отходов в частности, а также сокращения выбросов углекислого газа.

Во многих городах Японии реализуются различные программы по созданию городов, находящихся в гармонии с окружающей средой, отвечающих целям устойчивого развития. При этом особенно выделяются города, в которых были размещены экотауны – они быстрее реагируют на происходящие изме-

¹³ https://www.japan.go.jp/kizuna/2021/09/zero-carbon_cities.html (accessed 08.12.2023)

нения и вносят необходимые преобразования, и им легче реализовывать свой потенциал в продвижении к низкоуглеродному обществу. Кроме того, они обеспечивают улучшение имиджа городов, что особенно важно в условиях происходящей в Японии депопуляции.

Хотя города, входящие в различные проекты, как и города каждого из проектов в отдельности имеют свои отличительные особенности, все они представляют собой наглядные примеры образцовых экологических городов, опирающихся на местные ресурсы, одна из важных целей которых – оживление местных сообществ, возрождение регионов и решение проблем быстро стареющего японского общества. И по своей сути все они призваны прокладывать путь к низкоуглеродному развитию всей страны.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Guangfu L., Jingmei R. Research on the Eco-towns in Japan based on recycling perspective and the apocalypse to China. *Proceedings of 2013 IEEE International Conference on Service Operations and Logistics, and Informatics*. Dongguan, China. 2013. Pp. 205–210.
2. Okubo H., Shimoda Y., Kitagawa Y., Irida M., Gondokusuma C., Sawamura A., Deto K. Smart communities in Japan: Requirements and simulation for determining index values. *Journal of Urban Management*. 2022. Vol. 11, Iss. 4. Pp. 500–518.
3. Saraff Emma. Local Decarbonization in Japan. Municipalities, regions and clusters on the road to carbon neutrality. *Minerva*. 2021. 147 p.
4. 地方創生SDGs. (In Jap.). <https://future-city.go.jp/sdgs/> (In Jap.) (accessed 20.12.2023)
5. Тихоцкая И.С. Японская инновационная концепция рециклирования ресурсов. *Вестник Московского университета*. Серия 5: География. 2010. № 4. с. 61–66.
Tikhotskaya I.S. Japanese Innovative Concept of Resource Recycling. *Moscow University Bulletin*. Series 5, Geography. 2010. № 4. Pp. 61–66. (In Russ.)
6. Тихоцкая И.С. Японская концепция общества с устойчивым материальным циклом. Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Смоленск, 2009. с. 215–227.
Tikhotskaya I.S. Japanese Concept of Sound Material Cycle Society. Issues of economic and political geography of foreign countries. Smolensk, 2009. Pp. 215–227. (In Russ.)
7. Van Berkel R., Fujita T., Hashimoto S., Geng Y. Industrial and urban symbiosis in Japan: Analysis of the Eco-Town program 1997–2006. *Journal of Environmental Management*. 2009. Vol. 90, Iss. 3. Pp. 1544–1556.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тихоцкая Ирина Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры социально-экономической географии зарубежных стран, географический факультет, МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия.

Irina S. Tikhotskaya, PhD (Economics), Associate Professor, Department of Social Economic Geography of Foreign Countries, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 23.10.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.12.2023

Принята к публикации
(Accepted) 18.01.2024

Глобальные тенденции развития чистой энергетики

© Прокофьев В.А.^а, 2024

^а РЭУ им. Г.В.Плеханова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-4428-1233; ghjr12@mail.ru

Резюме. Статья посвящена идентификации долгосрочных (2011–2021 гг.) тенденций развития мировой энергетики. «Чистая» энергетика обеспечивает долгосрочные источники энергии с наименьшими выбросами, что побуждает страны использовать указанные источники.

В ходе исследования были выявлены три тенденции. Во-первых, сокращается удельный вес углеводородов в потреблении энергии (нефть и продукты нефтепереработки, уголь, природный газ). Ископаемое топливо постепенно замещается низкоуглеродными альтернативами. Во-вторых, инвестиции в новые мощности ВИЭ увеличиваются для выполнения климатических обязательств и достижения целей стран – эмитентов парниковых газов; наконец, наблюдается рост спроса со стороны Китая и Южной Азии на «чистые» источники энергии. Проблема концентрации инвестиций в ВИЭ в развитых странах и Китае усугубляет проблему доступа развивающихся стран к источникам энергии.

Расширяется использование инструментов и технологий поддержки «чистых» источников энергии, таких как спотовые рынки, аукционы и тендеры, технологии улавливания углекислого газа, ядерная и водородная энергетика, корпоративные соглашения.

Ключевые слова: мировая энергетика, возобновляемые источники энергии, энергетический баланс, мировые энергетические мощности, глобальные инвестиции в энергетику

Для цитирования: Прокофьев В.А. Глобальные тенденции развития чистой энергетики. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 2. С. 41–48. DOI: 10.31857/S032150750028216-9

Global Tendencies of Clean Energy Development

© Prokofyev V.A.^а, 2024

^а Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-4428-1233; ghjr12@mail.ru

Abstract. The article is devoted to identifying long-term (2011–2021) tendencies of the world energy development. “Clean” energy provides long-term sources of energy with low carbon emissions, which encourages countries to expand the use of these sources of energy.

The study identified three tendencies. Firstly, the share of hydrocarbons in energy consumption (oil and refined products, coal, natural gas) is decreasing. Fossil fuels are being replaced by low-carbon alternatives; secondly, investment in new renewable energy capacity is increasing to fulfill the climate commitments and achieve the goals of greenhouse gas emitting countries; Finally, there is growing demand for “clean” sources from China and South Asia.

The problem of concentrated investment in renewable energy sources in developed countries and China aggravates the problem of access to energy sources by developing countries. The use of technologies that promote development of “clean” energy sources is expanding. There are spot markets, auctions and tenders, CCS technologies, nuclear and hydrogen energy, and corporate agreements.

Keywords: world energy, renewables, energy balance, world power capacities, global energy investments

For citation: Prokofyev V.A. Global Tendencies of Clean Energy Development. *Asia and Africa today*. 2024. № 2. Pp. 41–48. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750028216-9

ВВЕДЕНИЕ

Поддержание высоких темпов роста мировой экономики сопровождается ростом энергопотребления. В энергетических планах многих стран зафиксирована цель увеличения потребления «чистых» ис-

точников энергии. К «чистым» источникам относятся солнечная, ветровая, водная, атомная энергия, энергия на основе водорода. Их отличительной особенностью является отсутствие выбросов вредных веществ при производстве электроэнергии. «Чистые» источники позволяют снизить негативное воздействие на климат планеты, а также обеспечивают производство электроэнергии длительное время в отличие от производства на основе ископаемого топлива, запасы которого ограничены.

Основными факторами развития энергетики являются: 1) географический – предпосылками роста потребления «чистой» энергии является широтность региона и расположение региона относительно розы ветров [1]; 2) финансовый – развитие достигается в развитых странах, где сосредоточены крупные финансовые центры, которые аккумулируют и направляют инвестиционные потоки для поддержки производителей; 3) наличие трудовых ресурсов необходимой квалификации, способных осуществлять строительство и эксплуатацию энергетических объектов; 4) наличие платежеспособного спроса на специфические виды энергии; 5) технологический фактор, определяемый уровнем развития техники и технологий, наличием обслуживающей инфраструктуры (линий электропередачи, приборов учета). Отсутствие или избыток указанных факторов определяют тенденции развития энергетики страны и её место на глобальном рынке энергетических ресурсов.

Исследование показателей производства и потребления энергии, ввода энергетических мощностей, динамики инвестиций в энергетику, проведенное на основе статистических отчетов *BP*, *IRENA*, *GEM-PROJECT*, *REN21*, *BNEF*, МЭА [10–12], а также анализ статей и монографий по проблемам, перспективам и особенностям развития энергетики в разных странах (российских ученых: М.А.Лебедевой [1], В.И.Бушукиной [2], А.А.Петрова [3]; зарубежных ученых: П.У.Мамеладзе [4], Р.Авоьяна [5], С.М.Вивека и др. [6; 7–9]) позволили выделить тенденции развития энергетики в разных странах за 2011–2021 гг.

ЗАМЕЩЕНИЕ ИСКОПАЕМОГО ТОПЛИВА НА АЛЬТЕРНАТИВЫ

Согласно данным *BP* за 2011–2021 гг. потребление энергии из первичных источников (природных источников, не прошедших технологическую переработку. – *прим. авт.*) выросло на 15,9% – с 513 ЭДж (12,2 млрд т.н.э.¹) до 595 ЭДж (14,2 млрд т.н.э.). На ископаемое топливо приходится 82–87%, при этом его доля ежегодно сжигается, главным образом за счет сокращения потребления угля (см. *граф.* 1). Доля нефти снизилась с 33% до 31%, при этом в абсолютном выражении потребление увеличилось на 7,5%.

Доли природного газа и гидрогенерации остаются на прежнем уровне, при этом темп прироста составляет 18,7 и 20% соответственно. Рост потребления природного газа ограничен емкостью СПГ-танкеров, прирост за 10 лет составил 650 млрд т.н.э. Потенциал расширения гидроэнергетики ограничен природным фактором, рост обеспечивается за счет объектов малой гидроэнергетики.

Доля атомной энергии сократилась с 5,0% до 4,0%. Ослабление интереса к атомной энергии произошло вследствие аварии на АЭС «Фукусима» (оператор «Тепко»), а также остановов на перезагрузку ряда АЭС, технический срок эксплуатации которых истек.

Рост ВИЭ составил 462%, а их доля увеличилась до 7%, главным образом за счет ввода ветровых и солнечных электростанций в ЕС, Китае и США.

Энергия ветра широко используется в Европе, Китае и США. Более 80 стран мира используют энергию ветра на коммерческой основе. Ожидается, что на мировых рынках ветроэнергетических технологий сохранится тенденция роста. По оценкам Министерства энергетики США, энергия ветра глобально может производить до 580 трлн кВт·ч² электроэнергии каждый год, однако США ежегодно потребляют лишь около 2,8 трлн кВт·ч. Самая большая в мире наземная ветряная турбина мощностью 11 МВт разработана и установлена в Китае. Крупнейший морской ветрогенератор мощностью 16 МВт также самостоятельно разработан и запущен Китаем в прибрежной акватории провинции Фуцзянь в 2023 г³. Текущие располагаемые мощности коммерческих ветроустановок составляют 1,5–2,5 МВт.

¹ Единицы измерения производства и потребления энергетических ресурсов – тонна нефтяного эквивалента (т.н.э.) и эксаджоуль (ЭДж), коэффициент пересчета – 42 ЭДж = 1 млрд т.н.э. (*прим. авт.*)

² Выработка электроэнергии измеряется за единицу времени (час), 1 трлн кВт·ч = 10¹² кВт·ч = млрд МВт·ч. Мощность измеряется в ваттах. Приставка гига- означает млрд ватт, мега- – млн ватт, терра- – эквивалентна трлн ватт (*прим. авт.*)

³ REN21. 08.11.2023. <https://renen.ru/kitajskaya-sany-predstavila-krupnejshuyu-v-mire-nazemnyuyu-vetryanuyu-turbinu-11-mvt/> (accessed 08.11.2023)

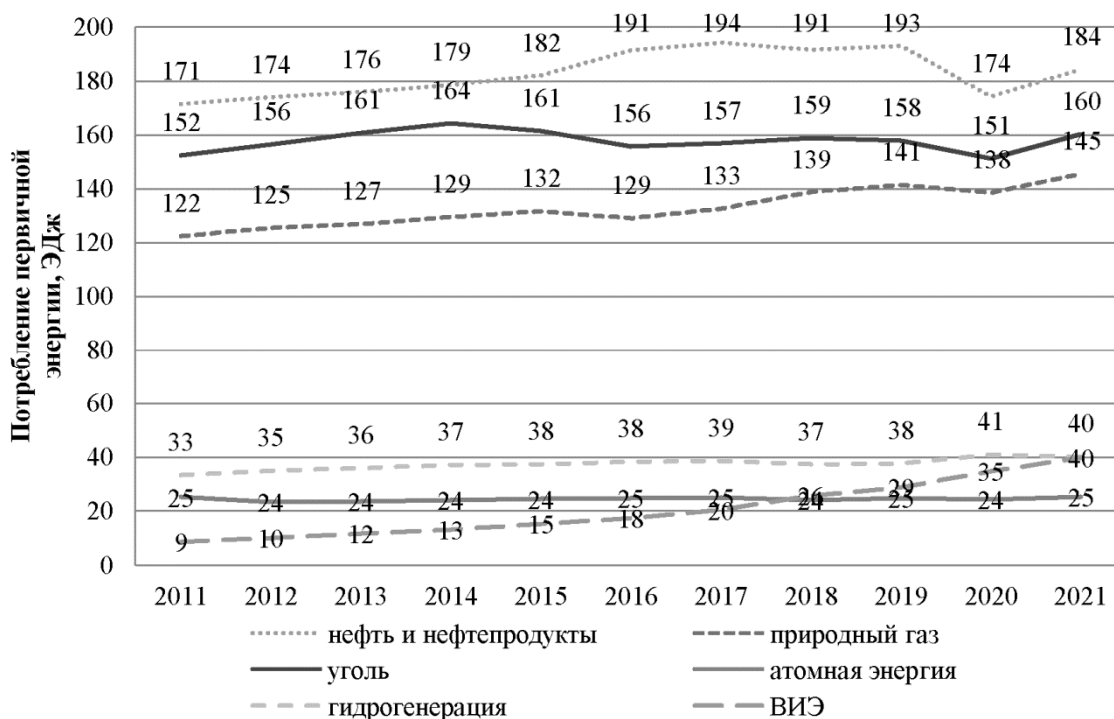

График 1. Динамика потребления энергии в мире из первичных источников за 2011–2021 гг. (ЭДж).
Graph 1. Dynamics of energy consumption around the world from primary sources for 2011–2021 (EJ).

Источник: <https://bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (accessed 08.10.2023)

Солнечная энергетика является динамично развивающейся отраслью. По прогнозам к 2050 г. доля в суммарном производстве электроэнергии достигнет 15%, что потребует увеличения установленной фотоэлектрической мощности до 4600 ГВт, из которых, как ожидается, более половины будет развернуто в ОАЭ, Китае и Индии. Стоимость электроэнергии на основе солнечной генерации ежегодно снижается, количество подключенных к сети солнечных фотоэлектрических систем растет. Солнечная фотоэлектрическая энергетика становится недорогой и низкоуглеродной технологией, основанной на использовании возобновляемой энергии Солнца.

Большая часть солнечных фотоэлектрических электростанций построена в Европе, Китае и США. *Solar Stars* мощностью 579 МВт – одна из крупнейших в мире сетей фотоэлектрических электростанций, расположенных в США. Часть электростанций интегрированы с сельским хозяйством, а некоторые используют системы слежения, которые отслеживают ежедневный путь Солнца по небу, чтобы генерировать больше электроэнергии, чем стационарные системы. При эксплуатации электростанций отсутствуют затраты на топливо и выбросы при работе, что снижает негативное антропогенное влияние на климат.

США и Китай входят в число ведущих стран мира по производству электроэнергии за счет использования солнечного излучения. Самая старая солнечная электростанция в мире – тепловая электростанция *SEGS* мощностью 354 МВт – расположена в Калифорнии. Солнечная электрогенерирующая система *Ivanpah Solar* – это проект солнечной тепловой энергетики в Калифорнийской пустыне Мохаве, в 64 км к юго-западу от Лас-Вегаса, валовая мощность которого составляет 377 МВт. Генерирующая станция *Solana* мощностью 280 МВт – это солнечная электростанция недалеко от Гила-Бенд, штат Аризона. На момент ввода в эксплуатацию в 2013 г. это была крупнейшая в мире электростанция с параболическим желобом и первая солнечная электростанция в США с термальными расплавленной солью, предусматривающая хранение энергии.

Современные солнечные парки по мощности в 10 раз больше. Бразильская *Omega Energia* в 2022 г. объявила о планах по строительству солнечной электростанции *Kuara* мощностью 4,6 ГВт для производства «зеленого» водорода. Китай объявил о двух крупных проектах строительства: на 3,3 ГВт в про-

винции Сычуань и 3 ГВт – в провинции Нинся-Хуэй, но крупнейшей планируемой фотоэлектростанцией является проект компании *Sun Cable* мощностью от 17 до 20 ГВт. Проект предусматривает строительство 800 км подводного кабеля для снабжения электроэнергией Сингапура⁴. 170 стран работают над сокращением потребления энергии на основе ископаемого топлива, продвигая использование в том числе этого безуглеродного источника энергии.

ИНВЕСТИЦИИ В «ЧИСТУЮ» ЭНЕРГЕТИКУ РАСТУТ

Примечательно, что государственные инвестиции в возобновляемые источники энергии продолжают снижаться во всех странах; в 2020 г. они составили \$17 млрд по сравнению с \$18 млрд и \$22 млрд в 2019 г. и 2018 г. соответственно.

Успех США и Китая в развитии альтернативной энергетики (расходы на исследования и разработки, ввод новых мощностей) стал возможен благодаря наличию крупных финансовых центров, спроса со стороны заинтересованных сторон, политической поддержки, как отмечает д.э.н., профессор А.М.Петров [3].

По данным отчета «*World energy investment 2023*» МЭА, объем инвестиций в «чистую» энергетику стал превышать инвестиции в ископаемое топливо начиная с 2016 г. В 2022 г. инвестиции в «чистую» энергетику составили \$1,6 трлн, при этом сумма инвестиций была пересмотрена в сторону увеличения с \$1,4 трлн⁵. Инвестиции в «чистые» источники и, прежде всего, в ВИЭ, которые составляют треть всех инвестиций в «чистые» источники, продолжают расти. В 2022 г. инвестиции в ВИЭ составили \$495 млрд и превысили инвестиции в нефтегазовые активы в 4,4 раза⁶. Инвестиции в новые мощности на неископаемом топливе составили 74% от общего объема инвестиций в новые генерирующие мощности (суммарно инвестиции в низкоуглеродные альтернативы составляют \$650 млрд).

Важно отметить, что по прогнозам МЭА рост инвестиций носит технический характер, поскольку связан с инфляционными процессами [8–13], а также ростом издержек на редкоземельные металлы, используемые в ветроэнергетике и для производства аккумуляторов. Рост сконцентрирован в развитых странах и Китае и будет недостаточен для удовлетворения всех мировых потребностей в «чистых» источниках.

Инвестиции в добычу нефти и газа продолжают рост, хотя уровень инвестиций 2021 г. (\$430 млрд) был на 17% ниже уровня 2019 г. и составил 40% инвестиций 2014 г. (\$1,3 трлн). Инвестиции в поставки угля также растут, увеличившись на 10% в 2021 г. (\$110 млрд). Лидерами роста являются угледобывающие компании Китая и Индии.

Преобладают инвестиции в строительство новых мощностей на ВИЭ (40% всех инвестиций), в повышение эффективности промышленного оборудования, в т.ч. энергетического (22%), в строительство новых сетей, в т.ч. для объектов ВИЭ (20%), и пр. (18%). В 2022 г. инвестиции в ВИЭ составили \$650 млрд и, по оценке МЭА, удвоятся к 2030 г. В отчете МЭА также отмечается, что финансовые потоки растут быстрее, чем фактические капитальные затраты на проекты, т.е. денежные потоки остаются на финансовом рынке у банков и спекулянтов. Существует проблема нехватки качественных проектов в области «чистой» энергетики, которая усугубляется несовершенством каналов для направления инвестиций и отсутствием посредников, способных сопоставить избыточный капитал с потребностями устойчивого развития компаний и потребителей⁷.

Более того, рост доли инвестиций, направляемых в возобновляемые источники энергии, в инвестициях в новую генерацию электроэнергии происходит в условиях резкого падения количества разрешений на строительство новых угольных электростанций, которых выдано на 80% меньше, чем 5 лет назад, т.е. рост инвестиций в «чистую» энергетику связан не только с инфляцией издержек.

⁴ Global energy. <https://globalenergyprize.org/ru/2022/11/14/braziliya-mozhet-postroit-krupnejshij-v-mire-solnechnyj-park/> (accessed 08.11.2023)

⁵ IEA. World energy outlook, p. 97. <https://iea.blob.core.windows.net/assets/830fe099-5530-48f2-a7c1-11f35d510983/WorldEnergyOutlook2022.pdf> (accessed 08.10.2023)

⁶ REN21. Global energy report 2023, p. 31. https://www.ren21.net/wp-content/uploads/2019/05/GSR-2023_Energy-Supply-Module.pdf (accessed 10.10.2023)

⁷ IEA World energy investment, 2021, pp. 10–13. <https://iea.blob.core.windows.net/assets/5e6b3821-bb8f-4df4-a88b-e891cd8251e3/WorldEnergyInvestment2021.pdf> (accessed 10.10.2023)

Вместе с тем в ковидный и постковидный период с 2020 г. в целях восстановления темпов экономического роста правительство Китая ослабило ограничения на строительство новых угольных электростанций. Также в Камбодже, Индонезии и Пакистане приняты окончательные инвестиционные решения (*Final Investment Decisions – FID*) на строительство в общей сложности 5 ГВт новых угольных мощностей. В Индии добавленная мощность угольных ТЭС составила 1 ГВт, это самый низкий уровень за десятилетие. В Китае прирост угольных ТЭС составил 25% от уровня 2010 г., а в Индии – менее 5%. В 2020 г. объемы *FID* для газовых электростанций снизились во всем мире, но всё равно были вдвое выше, чем для угольных электростанций (50 ГВт против 20 ГВт). Значительное сокращение *FID* для новых газовых мощностей в США было компенсировано ростом в некоторых странах Азии, за исключением Китая и Индии.

С точки зрения мощности и производства прирост ветровой и солнечной энергии совокупно составил 88% чистого прироста ВИЭ в 2021 г., а гидроэнергетика оставалась крупнейшим «чистым» источником в производстве электроэнергии.

В 2021 г. было введено 270 ГВт мощностей ВИЭ (без ГЭС, по данным *GEM Project*), что на 3% ниже, чем в 2020 г. Согласно отчету *IRENA*, высокоэффективные мощности, рассчитанные на производство 163 ГВт электроэнергии на основе ВИЭ, введенные в 2021 г., производят электроэнергию по более низкой цене, чем новые мощности с самыми дешевыми источниками на основе ископаемого топлива в странах G20. Прирост мощностей на ВИЭ в 2020 г. составил 244 ГВт (+20% к уровню 2019 г.), в то время как мощности ТЭС увеличились на 77 ГВт (+1,7%).

Прирост мощностей на ВИЭ превысил соответствующий прирост в 2015 г. с просадкой в 2016 г. и восстановлением с 2017 г. (см. *граф. 2*).

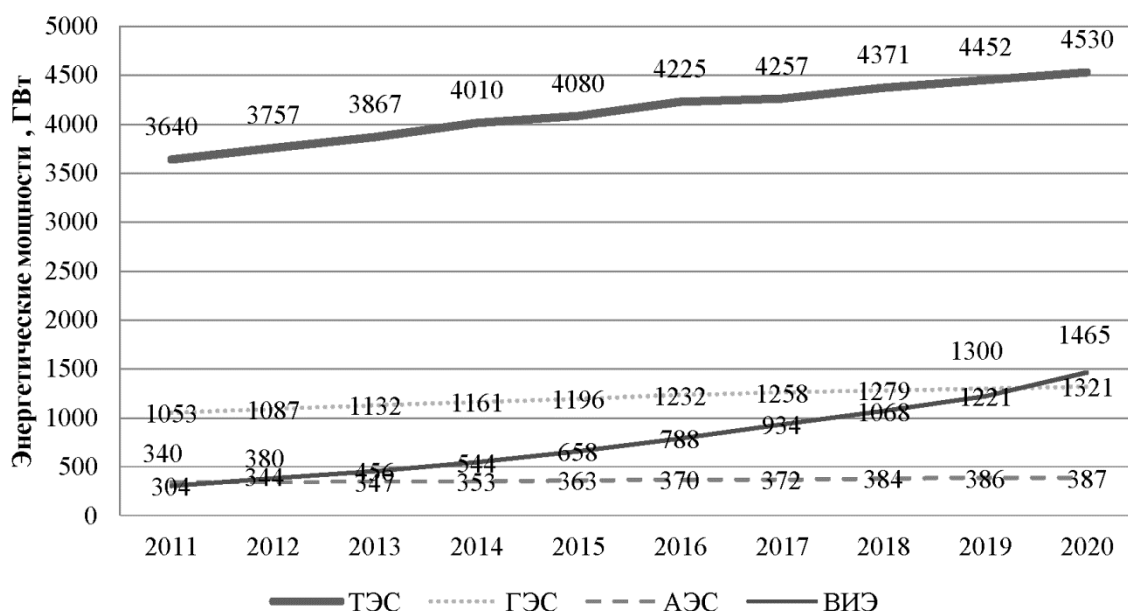

График 2. Мировые энергетические мощности за 2011–2020 гг. (ГВт).
Graph 2. World energy capacity for 2011–2020 (GW).

Источник: <https://globalenergymonitor.org/projects/> (accessed 15.10.2023)

Превышение ввода новых мощностей над приростом мощности (с учетом выбытий, ремонтов) по ВИЭ остается выше соответствующего показателя для ископаемого топлива уже более 10 лет с отдельными всплесками (в 2015, 2017, 2019 гг.), что связано с ценовой конъюнктурой на рынках ископаемого топлива в связи с ростом добычи, ускорением экономического роста.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ВВОДА ЭНЕРГОМОЩНОСТЕЙ

Азия (в лице Китая) является регионом, на который приходится наибольший рост производства электроэнергии из возобновляемых источников. При этом её доля в мировом производстве электро-

энергии из возобновляемых источников достигает 42%, в то время как доля Европы и Северной Америки составляет 19% и 18% соответственно, за ними следует Южная Америка (11%).

Региональный анализ динамики мощностей показал рост Азиатского региона в структуре глобальной установленной мощности. Статистика *IRENA* по возобновляемым источникам энергии за 2022 г. показала, что в 2021 г. было установлено 257 ГВт мощности на ВИЭ и продолжается повышательный долгосрочный тренд. В частности, общая мощность возобновляемой генерации достигла 3064 ГВт, что на 9,1% больше по сравнению с 2020 г. В 2021 г. на Азию приходилось 60% новых мощностей, возобновляемые мощности выросли на 154,7 ГВт – до 1,46 ТВт (48% от общемировых). Большая часть этого увеличения приходится на Китай (+121 ГВт). Мощность в Европе и Северной Америке увеличилась на 39 ГВт (+6,4%) и 38 ГВт (+9,0%) соответственно, при этом особенно большой рост наблюдался в США (+32 ГВт).

В Африке мощности продолжали неуклонно расти, увеличившись на 2,1 ГВт (+3,9%), что немного меньше, чем в 2020 г. Океания больше не является самым быстрорастущим в этом отношении регионом (+5,2%). Хотя её доля в мировом потенциале невелика, рост происходил и в Австралии. В Азии и Северной Америке наблюдался самый быстрый рост – +11,9% и +9,0% соответственно.

Таким образом, доля «низкоуглеродных альтернатив» в выработке электроэнергии за 2011–2021 гг. увеличилась на 11% – до 39% (15% – энергия рек, 9,8% – атомная энергия, 14,2% – энергия из ВИЭ), прежде всего за счет Китая, США, Индии, Бразилии, стран ЕС (Германии, Франции, Испании и Великобритании).

Повестка дня ГА ООН до 2030 года в области современных энергетических услуг направлена на увеличение использования возобновляемых источников энергии и повышение энергоэффективности.

Существуют различные стратегии для экономически эффективного роста использования возобновляемых источников. *REmap* – это подход, который позволяет разрабатывать собственные сценарии, предположения и анализировать данные анализа национальных экспертов *IRENA*.

Стратегии стран включают 1) экономию энергии со стороны спроса путем сокращения потребления, установки «умных» датчиков, позволяющих оптимизировать потребление энергии; 2) повышение эффективности за счет развития техники и технологий; 3) замену ископаемого топлива на альтернативы при производстве электричества и на транспорте.

Роль хранения энергии станет более определенной в энергетической политике многих стран. Ожидается, что в 2022 г. произойдет внедрение батарей в значительном объеме. Например, Германия, Испания и Португалия ввели категории аукционов для совместных проектов использования возобновляемых источников энергии и хранения энергии. В Китае и Индии в 2023 г. проводились тендеры на строительство хранилищ энергии.

Атомная энергетика рассматривается как одна из низкоуглеродных технологий для надежного электроснабжения. Планы декарбонизации некоторых частей Восточной Европы, Китая и Японии нацелены на развитие атомной энергетике. Ожидалось, что в Японии в 2022 г. возобновится производство электроэнергии на АЭС мощностью 4,2 ГВт. Ожидается, что Великобритания и Франция запустят новые проекты в области атомной энергетике, а Германия, Бельгия закроют свои оставшиеся атомные мощности – 4 ГВт и 3,6 ГВт соответственно.

Спотовые рынки используются для подачи ценовых сигналов в реальном времени и поддержки пикового спроса и гибкости системы. Китай, ускоряет создание своего спотового рынка, а в Индии пилотное внедрение рыночной экономической диспетчеризации и проект регулирования конкурентных вспомогательных услуг являются ключевыми политическими рамками, определяющими усилия страны по повышению надежности энергосистемы.

Правительство Индии реализует схему развития ультра-мега-парков солнечной энергии. Ожидается, что они предоставят преимущества разработчикам проектов на основе принципа «включай и работай» с установленными законом разрешениями на использование инфраструктуры, такой как земля, дороги, системы электропередачи (внутренние и внешние) и пункты опроса. К 2024 г. правительство намерено создать несколько ультра-мега солнечных парков мощностью 40 ГВт⁸.

⁸ Energy. 15.11.2023. <https://energy.economicstimes.indiatimes.com/news/renewable/trends-that-drive-a-paradigm-shift-in-indias-renewable-energy-sector/101210403> (accessed 15.11.2023)

Страны Африки к югу от Сахары также постепенно дерегулируют свои энергетические рынки и вводят тарифы, полностью или частично отражающие затраты, чтобы облегчить нагрузку на перегруженные коммунальные предприятия и позволить инвестировать в новые генерирующие мощности и модернизацию сетей.

В США Министерство энергетики запустило инициативу «Построение лучшей сети», призванную стимулировать развитие междугородных высоковольтных линий электропередачи, а политика электропередачи является главным приоритетом для Федеральной комиссии по регулированию энергетики. Между тем глобальный кризис энергоснабжения и связанные с климатом экстремальные перебои в электроснабжении в 2021 г. выдвинули безопасность поставок и надежность энергосистем на передний план политических дискуссий в США и ЕС. В Европе ожидается, что риски в цепочке поставок сохранятся в долгосрочной перспективе, особенно в отношении морской ветроэнергетики. В долгосрочной перспективе чувствительность конечных потребителей к устойчивому развитию повлияет на выбор источников поставок и будет стимулировать использование альтернативных цепочек поставок, которые будут всё больше ориентироваться на безотходность и переработку материалов.

Вместе с тем закупки возобновляемых источников энергии диверсифицируются на основе типовых государственных тендеров или стандартных обязательств в портфеле возобновляемых источников энергии (которые останутся ключевыми инструментами для вывода проектов на рынок) и включают соглашения о прямой покупке электроэнергии (*PPA*) между владельцами проектов и корпорациями, стремящимися сделать свою энергетику экологически чистой. Например, в Европе заказчики-инвесторы проектов в области возобновляемых источников энергии подписали в 2021 г. корпоративные соглашения *PPA* (*CPPA*) на мощность более 22 ТВт·ч, что на 50% больше, чем в предыдущем году. В Северной Америке 2021 г. стал рекордным для таких *CPPA*⁹. В Латинской Америке лидирует Бразилия, заключающая контракты в основном с горнодобывающими, нефтеперерабатывающими, химическими и производственными компаниями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Потребление энергии в будущем будет продолжать расти за счет источников, обеспечивающих минимальные выбросы парниковых газов и прочих загрязняющих веществ. Инвестиционные тенденции существенно различаются между странами и регионами. Уровень инвестиций в «чистую» энергетику ниже в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах, чем в странах с развитой экономикой.

Устойчивый спрос на ВИЭ создают развивающиеся страны, которые стремятся обеспечить собственную энергобезопасность благодаря преимуществам ВИЭ.

В ходе исследования были выявлены три тенденции: 1) снижение доли углеводородов и развитие ВИЭ; 2) увеличение объема инвестиций в «чистые» источники на фоне роста потребления электроэнергии; 3) растущий спрос со стороны Китая и развивающихся стран на ВИЭ и прочие «низкоуглеродные альтернативы».

Кроме того, страны проводят самостоятельную энергетическую политику, предусматривающую различные меры поддержки проектов возобновляемой энергетики. Так, в Индии строятся и функционируют ультра-мега-парки солнечной генерации, в Китае развиваются механизмы «зеленого» финансирования и спотовые рынки «зеленой» энергии. В США и странах ЕС развитие получают долгосрочные контракты на покупку мощности.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Лебедева М.А. Особенности развития северных регионов на основе использования альтернативной энергетики. *Научный результат. Экономические исследования*. 2021. Т. 7. № 2. С. 13–24. DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-2-0-2
Lebedeva M.A. Features of the development of northern regions based on the use of alternative energy. *Scientific result. Economic research*. 2021. Vol. 7. № 2. Pp. 13–24. (In Russ.). DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-2-0-2

⁹ S&P Levitt B. <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/ci/research-analysis/six-anticipated-trends-in-2022-for-global-power-and-renewable.html> (accessed 15.11.2023)

2. Бушукина В.И. Особенности развития возобновляемой энергетики в мире и в России. *Финансовый журнал*. 2021. № 5. С. 93–107. DOI: 10.31107/2075-1990-2021-5-93-107
Bushukina V.I. Features of the development of renewable energy in the world and in Russia. *Financial Journal*. 2021. № 5. Pp. 93–107. (In Russ.). DOI: 10.31107/2075-1990-2021-5-93-107
3. Петров А.М. Исследование трендов развития альтернативной энергетики. *Экономические науки*. 2022. № 216. С. 71–75. DOI: 10.14451/1.216.71
Petrov A.M. Study of trends in the development of alternative energy. *Economic Sciences*. 2022. № 216. Pp. 71–75. (In Russ.). DOI: 10.14451/1.216.71
4. Мамедзаде П.У. Анализ современного развития альтернативной энергетики в Европе. *Экономика и предпринимательство*. 2021. № 7 (132). С. 268–271.
Mamedzade P.U. Analysis of modern development of alternative energy in Europe. *Economics and Entrepreneurship*. 2021. № 7 (132). Pp. 268–271. (In Russ.)
5. Avoyan R. Alternative energy: types of wind power plants and their impact on the environment. *Известия высоких технологий*. 2021. № 2 (16). С. 25–29.
Avoyan R. Alternative energy: types of wind power plants and their impact on the environment. *News of high technologies*. 2021. № 2 (16). Pp. 25–29. (In Russ.)
6. Vivek C.M., Ramkumar P., Srividhya P.K., Sivasubramanian M. Recent strategies and trends in implanting of renewable energy sources for sustainability. A review. *Materials Today: Proceedings*, 2021, Vol. 46, Part 17, pp. 8204–8208. DOI 10.1016/j.matpr.2021.03.208
7. Lambert J., Tinsley M., Rogers T. The Global Green Economy: Understanding and capturing the opportunity. *Oxford Economics*, 2023.
8. McKinsey. The Inflation Reduction Act: Here's What's in It. October 24, 2022. <https://mckinsey.com/industries/public-and-social-sector/our-insights/the-inflation-reduction-act-hereswhats-in-it> (accessed 10.10.2023)
9. Desmornes R. The Inflation Reduction Act 'Pumps Up' Heat Pumps, HVAC, November 4, 2022. <https://live-hvac-ci.pantheonsite.io/resources/inflation-reduction-act-heat-pump-rebates> (accessed 10.10.2023)
10. IEA Global Energy Crisis. <https://www.iea.org/topics/global-energy-crisis> (accessed 08.11.2023)
11. IRENA. Capacity statistics. https://mc-cd8320d4-36a1-40ac-83cc-3389-cdn-endpoint.azureedge.net/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2023/Mar/IRENA_RE_Capacity_Statistics_2023.pdf?rev=d2949151ee6a4625b65c82881403c2a7 (accessed 25.10.2023)
12. BloombergNEF, Energy Transition Investment Trends: Executive Summary, 2023. <https://about.bnef.com/energy-transition-investment> (accessed 08.11.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Прокофьев Виктор Анатольевич, соискатель, кафедра мировой экономики РЭУ им. Г.В.Плеханова, Москва, Россия.

Viktor A. Prokofyev, Applicant, World Economy Department, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 12.10.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.12.2023

Принята к публикации
(Accepted) 26.01.2024

DOI: 10.31857/S032150750030074-3

Влияние цифровых технологий на развитие индустрии роскоши в Китае

© Александрова Е.Н.^а, 2024

^а Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
ORCID: 0000-0003-2475-8433; al-helen@mail.ru

Резюме. В статье исследуются особенности и современные инструменты цифровизации индустрии роскоши в Китае. Компании данной индустрии активно переходят на каналы онлайн-продаж, которые позволили им преодолеть ограничения, связанные с пандемией *COVID-19* и укрепить свои позиции на китайском рынке. Важными факторами освоения цифровых технологий люксовыми брендами являются молодое поколение потребителей и государственная поддержка цифровизации в стране. Особое внимание в статье уделено таким цифровым технологиям, как виртуальные влиятельные лица, искусственный интеллект, социальная коммерция.

Возможности современных цифровых технологий для индустрии роскоши в Китае значительны, но вместе с тем они прямо или косвенно определяют и ряд угроз для её развития.

Перспективные цифровые технологии для китайской индустрии роскоши, рассмотренные автором, позволяют брендам этой индустрии использовать все точки соприкосновения с потребителями и успешно развиваться на рынке Китая в условиях цифровизации.

Ключевые слова: Китай, индустрия роскоши, цифровизация, цифровые технологии, онлайн-каналы, виртуальные влиятельные лица, искусственный интеллект

Для цитирования: Александрова Е.Н. (Краснодар). Влияние цифровых технологий на развитие индустрии роскоши в Китае. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 2. С. 49–55. DOI: 10.31857/S032150750030074-3

The Impact of Digital Technologies on the Development of the Luxury Industry in China

© Elena N. Alexandrova^а, 2024

^а Kuban State University, Krasnodar, Russia
ORCID: 0000-0003-2475-8433; al-helen@mail.ru

Abstract. The article examines the features and modern tools of digitalization of the Luxury industry in China. Companies in this industry are actively switching to online sales channels, which have allowed them to overcome the restrictions associated with the *COVID-19* pandemic and strengthen their position in the Chinese market. Important factors in the adoption of digital technologies by luxury brands are the younger generation of consumers and government support for digitalization in the country. The article pays special attention to such digital technologies as virtual influencers, artificial intelligence, and social commerce.

The opportunities of modern digital technologies for the luxury industry in China are significant, but at the same time, they directly or indirectly determine a number of threats to its development.

The promising digital technologies for the Chinese luxury industry considered by the author, allow luxury industry brands to use all touch points with consumers and successfully develop in the Chinese market in the context of digitalization.

Keywords: China, luxury industry, digitalization, digital technologies, online channels, virtual influencers, artificial intelligence

For citation: Alexandrova E.N. (Krasnodar). The Impact of Digital Technologies on the Development of the Luxury Industry in China. *Asia and Africa today*. 2024. № 2. Pp. 49–55. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030074-3

ВВЕДЕНИЕ

Одной из отличительных черт современной экономики Китая является цифровизация различных её сфер и отраслей. Размер рынка цифровой экономики Китая, являющегося 2-м по величине в мире после

США, достиг 45,5 трлн юаней (\$6,3 трлн) в 2021 г.¹ Эта тенденция ускорилась в результате ограничений, вызванных пандемией *COVID-19*, перемещения в онлайн большей части мероприятий по маркетингу и привлечению потребителей, роста числа молодых покупателей [1], которые особенно восприимчивы к цифровым инструментам.

Цифровизации в значительной степени способствует и политика Китая, направленная на улучшение инфраструктуры и регулирование информационных технологий страны в ближайшей перспективе. Так, план «Цифровой Китай» призывает к ускорению интеграции цифровой и реальной экономики страны [2]. На сегодняшний день можно отметить положительные результаты реализации такого плана. По данным Государственного совета КНР, количество цифровых подключений к мобильному интернету вещей (*IoT*) в Китае достигло 1,84 млрд в 2022 г., и по этому показателю страна стала первой крупной экономикой в мире, в которой происходит больше мобильных *IoT*-соединений, чем количество его мобильных пользователей².

Среди отраслей и сфер китайской экономики последствия цифровизации во все большей степени ощущает и индустрия роскоши, что проявляется в расширении онлайн-каналов продаж и внедрении цифровых технологий в маркетинг, производство и сбыт люксовых брендов [3]. Китай сегодня и в перспективе остается одним из крупнейших по величине сегментов мирового рынка предметов роскоши, движимым средним классом, молодым поколением и развитием цифровых технологий. На долю страны в 2021 г. приходилось около 22% от общего объема продаж личных предметов роскоши (*personal luxury goods*) в мире с перспективой роста до 25% к 2025 г.³

Вызовы пандемии *COVID-19*, социальные сети, молодое поколение потребителей, современные цифровые технологии (искусственный интеллект, цифровые лидеры мнений и др.) открывают компаниям во всем мире, производящим предметы роскоши, новые возможности для развития конкурентных преимуществ на основе инноваций⁴. В 2021 г. глобальное цифровое потребление в сегменте люксовых товаров составляло 12% рынка индустрии роскоши, и этот показатель в будущем, как ожидается, будет расти [4].

Область применения цифровых технологий в люксовом сегменте Китая постоянно расширяется [5]. Всё большая часть маркетинговых мероприятий и программ привлечения потребителей перемещается в онлайн. По данным *Bain and Company*, онлайн-продажи личных предметов роскоши в Китае росли быстрее, чем оффлайн: если онлайн выросли на 56%, то оффлайн-продажи – на 30%⁵.

РАЗВИТИЕ РЫНКА РОСКОШИ В КИТАЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В настоящее время на Китай приходится значительная доля мирового рынка роскоши (см. табл.). По прогнозам *PwC*, к 2025 г. его доля вырастет до 25% глобального рынка, и он займет 1-е место, обогнав США. В 2030 г. китайские потребители будут составлять уже 40% на мировом рынке предметов роскоши⁶.

Как текущий, так и будущий рост индустрии роскоши Китая определяется такими взаимосвязанными факторами, как демографические изменения и цифровизация.

Изменение структуры населения Китая и потребительских предпочтений влияет на индустрию роскоши, среди таких изменений отметим следующие:

¹ Growth role of digital economy emphasized. *China Daily*, 20.12.2023. https://english.www.gov.cn/news/topnews/202301/20/content_WS63c9f0d6c6d0a757729e5e82.html (accessed 01.09.2023)

² China unveils plan to promote digital development. https://english.www.gov.cn/policies/latestreleases/202302/28/content_WS63fd33a8c6d0a757729e752c.html (accessed 11.09.2023)

³ Worldwide luxury market monitor 2022. Altgamma Foundation 2022. <https://altgamma.it/en/studi-e-ricerche/> (accessed 11.08.2023)

⁴ Okonkwo U. *Luxury online: Styles, systems, strategies*. Palgrave Macmillan (2010). *Global Powers of Luxury Goods 2022. A new wave of enthusiasm in luxury*. *Deloitte*. 2022. <https://www.deloitte.com/content/dam/assets-shared/legacy/docs/analysis/2022/global-powers-of-luxury-goods-report.pdf> (accessed 11.08.2023)

⁵ A Year of Contrasts for China's Growing Personal Luxury Market. *Bain & Company*. 2022. https://www.bain.com/globalassets/noindex/2022/bain_brief_a_year_of_contrasts_for_chinas_growing_personal_luxury_market.pdf (accessed 07.09.2023)

⁶ The Future of Luxury: 7 Trends to Stay Ahead In 2023. <https://lux.digital/business/digital-luxury-trends/luxury-future-trends/> (accessed 17.09.2023)

- китайские потребители готовы платить за качество во всех товарных категориях, в т.ч. за предметы роскоши известных дизайнеров;
- 80% населения страны (в возрасте от 20 до 65 лет) создают бóльшую часть социального богатства⁷. Старшие возрастные группы (30–65 лет) остаются ключевыми факторами потребления в Китае. Эти группы имеют определенный опыт в приобретении предметов роскоши;
- в отличие от старшего поколения, молодые потребители (в возрасте до 30 лет) в наибольшей мере пользуются достижениями цифровизации, до 50% их покупок происходят в Интернете;
- многие премиальные бренды делают акцент в своих стратегиях продвижения на молодых клиентах в возрасте до 28–30 лет, изучая их цифровые потребности, предпочтения и модели поведения, развивая коммуникации с ними по цифровым каналам. Такие всемирно известные люксовые бренды, как *Burberry*, *Longchamp* и *Michael Kors*, в последние годы вложили значительные средства в китайскую платформу социальных сетей *Weixin* для охвата молодых потребителей.

Благодаря онлайн-продажам многие бренды смогли преодолеть ограничения, связанные с пандемией *COVID-19*, и укрепить свои позиции на китайском рынке.

Таблица. Структура мирового рынка роскоши (%)
Table. Structure of the global luxury market (%)

Страна, регион	2022 г.	2025 г.
Китай	22	25
США	24	22
Европа	27	23
Япония	9	10
Страны Азии (за исключением Японии и Китая)	14	16
Остальной мир	4	4

Составлено автором по: Mainland China and Hong Kong Luxury Market Insights. PwC. 2023. <https://pwc.com/en/retail-and-consumer/china-hk-luxury-market-insights-feb2023.pdf> (accessed 21.08.2023)

По данным *Bain and Company*, в 2022 г. размер китайского рынка роскоши снизился почти на 10% в годовом исчислении⁸. Так, в 2020 г. рост рынка роскоши в Китае составил 23,5% по отношению к предыдущему году, в 2021 г. – 23,8%, а в 2022 г. произошло снижение на 9,6%.

Спад в 2022 г. вызван последствиями и ограничениями *COVID-19*. Политика нулевого уровня *COVID*, строгие локдауны до декабря 2022 г. замедлили экономическую и социальную деятельность и привели к простаиванию значительного числа магазинов в стране. В 2022 г. почти каждая категория люксовых товаров и большинство брендов испытали свой первый крупный спад за 5 лет.

Снижение объемов продаж наблюдалось во всех сегментах рынка роскоши в Китае, но при этом в меньшей степени пострадали от пандемийных ограничений категории со значительным онлайн-проникновением. Так, при 50% онлайн-проникновении в категории «красота» сокращение произошло лишь на 6%. Для сравнения – в категории «часы», где онлайн-проникновение составляет в среднем 10–15%, спад составил 20–25%.

Начиная с 2023 г. ожидалось возобновление роста рынка люксовых товаров в Китае. В исследовании *Tencent Marketing Insight* указывалось, что расходы на роскошь китайских потребителей вырастут на 15–20% и достигнут 550 млрд юаней (\$77 млрд) к концу 2023 г.⁹

Онлайн-каналы играют всё более важную роль в повышении интереса потребителей и становятся неотъемлемой частью маркетинговых стратегий брендов класса люкс в Китае. Результаты опроса потребителей (около 2600 человек, совершавших покупки в период с сентября 2021 г. по сентябрь 2022 г.) в возрасте 18–55 лет о характере потребления товаров класса люкс в Китае показывают, что около 53%

⁷ Mind the Generation Gap. BCG. 2023. <https://www.bcg.com/publications/2023/china-mind-the-generation-gap> (accessed 17.09.2023)

⁸ Setting a New Pace for Personal Luxury Growth in China. *Bain & Company*. 2023. https://www.bain.com/globalassets/noindex/2023/bain_report_setting_a_new_pace_for_personal_luxury_growth_in_china.pdf (accessed 27.08.2023)

⁹ How to leverage digital trends to drive luxury growth in China. *VOGUE BUSINESS*, 21.07.2023. <https://www.voguebusiness.com/consumers/how-to-leverage-digital-trends-to-drive-luxury-growth-in-china> (accessed 17.09.2023)

из них приобрели предметы роскоши в стационарных магазинах¹⁰. Еще 14% респондентов совершали покупки на сайтах брендов, 22% – через национальные и международные платформы электронной коммерции (см. *диагр.*).

* Pop-up stores – временные торговые точки, открывающиеся на ограниченное время (день, несколько месяцев): шоу-румы, магазины, бары и выставки.

Диаграмма. Распределение каналов покупки предметов роскоши в Китае по состоянию на июнь 2022 г., %.
Diagram. Distribution of luxury goods purchase channels in China as of June 2022, %.

Составлено автором по: Distribution of luxury goods shopping channels in China as of June 2022. Statista.
<https://statista.com/statistics/1186494/china-leading-luxury-goods-shopping-channels/> (accessed 16.08.2023)

На долю потребления товаров класса люкс за счет мини-программ брендов приходится 6%. Это еще один популярный канал для продвижения люксовых брендов в рамках стратегии *Online-Merged with-Offline (OMO)*, направленной на объединение цифровых и физических покупок в один целостный клиентский опыт. Известные как «приложение внутри приложения», мини-программы *Weixin* и *WeChat* облегчают брендам привлечение клиентов.

Ряд люксовых брендов пользуются мини-программой *WeChat* от *Tencent*, ставшей очень популярной сразу после запуска в 2017 г. По состоянию на июнь 2020 г. ежемесячно насчитывалось 1,20 млрд активных пользователей *WeChat*, 60% из которых активно используют мини-программу [6].

Важным каналом дистрибуции товаров класса люкс в Китае стал т.н. *дайгоу* (*dàigòu* – «покупать за кого-то»), компенсирующий утраченный спрос китайских покупателей на зарубежных рынках во время пандемии *COVID-19*. Покупателя и продавца (*дайгоу*) связывают платформы электронной коммерции, наиболее популярные из которых – *Taobao* и *WeChat* [7].

Половина потребителей люксовых товаров из Китая до пандемии совершали покупки в *WeChat*¹¹. Во время пандемии модель потребления китайских покупателей существенно изменилась: потребители перешли к покупкам в прямых эфирах на площадках *Taobao* и *Douyin* (китайский аналог *TikTok*), а также через приложения для социальных сетей и мгновенных сообщений, такие как *Weixin* и *WeChat*.

В настоящее время китайские клиенты люксовых брендов особенно чувствительны к разнообразным инновационным маркетинговым подходам. Повысить привлекательность и репутацию таких брендов среди китайских потребителей позволяет применение виртуальных кумиров, интегрированных онлайн/оффлайн-мероприятий в совокупности с привлечением местных знаменитостей, использование возможностей искусственного интеллекта (ИИ).

Среди цифровых технологий, востребованных компаниями индустрии роскоши Китая на основе ИИ, – виртуальные влиятельные лица (*virtual influencers*), получающие статус знаменитостей. Бренды используют виртуальных влиятельных лиц для создания своих профилей и привлечения подписчиков из числа цифровых потребителей страны.

¹⁰ Distribution of luxury goods shopping channels in China as of June 2022. <https://www.statista.com/statistics/1186494/china-leading-luxury-goods-shopping-channels/> (accessed 16.08.2023)

¹¹ China Luxury Digital Playbook. Joint report by BCG and Tencent. 2019. http://media-publications.bcg.com/france/2019BCGTencent_Luxury_Digital_Playbook.pdf (accessed 20.09.2023)

Первым люксовым брендом, который привлек виртуальное влиятельное лицо для маркетинговых инициатив на китайском рынке еще до пандемии, стал *Gucci* – 23-летняя девушка-робот Эрика [8]. В 2021 г. *Alibaba Group* в сотрудничестве с *Ranmai Technology* создали виртуального персонажа-девушку – *Auyai*, которую привлекли для маркетинговых компаний в Китае такие бренды, как *Prada*, *Louis Vuitton* и *Burberry*.

Участие виртуальной знаменитости *Timo* в рекламных компаниях брендов *Moncler* и *Boss* привело к высоким продажам продукции класса люкс этих компаний на китайском рынке. Появление еще одного виртуального влиятельного лица – *Noah* – в прямом эфире почти в 4 раза увеличило ежедневную валовую выручку от продажи товаров. Международное агентство *Worth Global Style Network (WGSN)* прогнозирует, что к 2030 г. объем китайского рынка виртуальных влиятельных лиц превысит \$42 млрд, что составляет значительную долю мирового рынка стоимостью \$530 млрд [9].

Основное предназначение виртуальных кумиров – цифровое обновление люксовых брендов и привлечение молодых потребителей, они могут помочь избежать репутационного риска и споров, связанных с реальными людьми.

Китайские онлайн-ритейлеры, функционирующие на рынке люксовых товаров, значительно продвинулись в направлении расширения возможностей цифрового маркетинга. С конца 2021 г. почти 20 люксовых брендов выпустили 37 цифровых коллекций в *Tmall Luxury Pavilion* – на маркетплейсе премиальных товаров, принадлежащем китайскому гиганту *Alibaba*, и тысячи потребителей приобрели их¹². *Tmall Luxury Pavilion* развернул 3D-магазины, применяет технологию виртуальной реальности (VR) для продуктов, цифровых предметов коллекционирования.

Современный Китай – одна из передовых стран в мире с точки зрения искусственного интеллекта (ИИ), возглавляющая глобальные исследования в области ИИ как по качеству, так и по их количеству [10]. Благодаря плану развития искусственного интеллекта следующего поколения, представленному китайским правительством в 2017 г., ИИ стал национальным приоритетом для Китая.

Для люксовых брендов значимость ИИ определяется необходимостью решения таких важных проблем, как создание отличий бренда от конкурентов, улучшение взаимодействия с клиентами, привлечение молодых потребителей. Более 74% китайских клиентов с большей вероятностью купят продукт, который был настроен специально для них, поэтому ИИ может быть именно тем эффективным инструментом, который увеличит продажи бренда класса люкс и приблизит его к своим потребителям. Такие бренды, как, например, *Burberry*, *Tommy Hilfiger* и *Estée Lauder* и др., создали свои собственные чат-боты (программы ИИ, которые общаются с клиентами в аудио- или текстовом формате) [11].

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДЛЯ ИНДУСТРИИ РОСКОШИ КИТАЯ

Для люксовых брендов развитие цифровых технологий на обширном и разнообразном рынке Китая определяет перспективность социальной коммерции. В январе 2023 г. в Китае проживало 1,03 млрд пользователей социальных сетей, что составляет 72% от общей численности населения. Среднее использование мобильного интернета в Китае составило почти 6 часов в день в 2022 г., что на 28% больше, чем в 2019 г., и примерно на 30% выше, чем в среднем по миру, и этот показатель продолжает расти¹³.

Опыт Китая в отношении применения цифровых технологий в индустрии роскоши, который на сегодняшний день является одним из передовых в мире, показывает, что цифровизация активно охватила данный сегмент, но вместе с тем необходимо учитывать и появление новых угроз.

Речь идет как о готовности самих компаний премиального сегмента к изменению своих бизнес-моделей и стратегий в цифровой среде Китая, так и о последствиях влияния инновационных решений на потребительские предпочтения, которые, в свою очередь, негативно влияют на сами фирмы.

По мере того, как цифровая трансформация охватывает всё большее число компаний люксового сегмента, последние сталкиваются с новыми угрозами кибератак и растущими рисками, связанными с утечкой персональных данных и неправоверным их использованием [12]. Для решения вопросов кибербезопасности Китай активно сотрудничает с другими странами, в т.ч. с Россией [13].

¹² Alibaba Rolls Out Deeper Immersive Luxury Shopping Experience in The Metaverse. <https://www.alizila.com/alibaba-rolls-out-immersive-luxury-shopping-metaverse/> (accessed 27.08.2023)

¹³ DIGITAL 2023: CHINA. 2023. <https://datareportal.com/reports/digital-2023-china> (accessed 21.09.2023)

Компании индустрии роскоши могут столкнуться и с тем, что внедрение искусственного интеллекта не обеспечит ожидаемого успеха. Дело в том, что применение данного инструмента в Китае не означает, что люксовый бренд добьется успеха, потому что даже если он, например, его внедряет на своем веб-сайте или в своем приложении, он также должен присутствовать на социальной платформе *WeChat*.

Существуют также риски использования виртуальных влиятельных лиц. Как показывает практика ряда компаний (*Ferragamo, Gucci*) на китайском рынке, реальные знаменитости и лидеры мнений, публикующие контент, связанный с брендом, привлекают миллионы людей, которые ставят лайки и делают репосты. В то же время виртуальные звезды показывают на порядок более скромные результаты [9]. Успех большинства виртуальных персонажей, используемых модными брендами, зависит от того, насколько они похожи на человека. Часто виртуальные знаменитости лишены индивидуальности и человечности в силу того, что компании неправильно совмещают особенности виртуального мира и социальных сетей. Как результат, такие кумиры могут не соответствовать модели поведения человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях локализации, цифровизации и повышения устойчивости к рискам китайский рынок люксовых товаров в постпандемийный период продолжает расти, что не только открывает для премиальных брендов значительные возможности для развития и ускорения бизнеса в Китае, но и определяет необходимость выбора эффективных инноваций для привлечения и удержания современных потребителей, а также решения ряда проблем, связанных с цифровизацией.

Повседневная жизнь китайцев связана с цифровыми устройствами, почти полностью основана на цифровых приложениях (*WeChat, Weibo*), платформах электронной коммерции (*Tmall, JD.com*), онлайн-форумах и др. В этих условиях ключевая задача компаний индустрии роскоши в Китае – это разработка стратегий продвижения и взаимодействия с клиентами, успешно повторяющих эксклюзивный, уникальный опыт, который клиенты ищут не только в физических магазинах, но и в цифровом пространстве. Бренды, которые понимают нюансы китайского рынка роскоши, покупательское поведение и цифровые предпочтения его потребителей, а также риски использования цифровых технологий в роскошной индустрии имеют значительные шансы на успех.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Mundel J., Soopramanien D., Huddleston P. 2021. Affordable luxuries: Comparing American and Chinese millennial consumers. *Asia Pacific Management Review*. Vol. 26. Iss. 4. Pp. 215–225. DOI: 10.1016/j.apmr.2021.02.003
2. Петрунина Ж.В. Цифровая экономика северо-восточных провинций Китая: подходы к развитию. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 6. С. 46–53. DOI: 10.31857/S032150750026136-1
Petrunina Zh.V. 2023. Digital economy of the northeastern provinces of China: Approaches to development. *Asia and Africa today*. № 6. Pp. 46–53. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750026136-1
3. Chapman A., Dilmeri A. 2022. Luxury brand value co-creation with online brand communities in the service encounter. *Journal of Business Research*. Vol. 144. Pp. 902–921. DOI: 10.1016/j.jbusres.2022.01.068
4. D'Arpizio C., Levato F., Prete F., de Montgolfier J. Eight Themes That Are Rewriting the Future of Luxury Goods. *Bain & Company*. 05.02.2020. <https://www.bain.com/insights/eight-themes-that-are-rewriting-the-future-of-luxury-goods/> (accessed 07.09.2023)
5. Xiuting Liu. 2022. Research on the Digital Transformation of Luxury Brands in China. *Advances in Economics, Business and Management Research*. Vol. 215. *Proceedings of the 2022 7th International Conference on Social Sciences and Economic Development (ICSSSED 2022)*, pp. 114–125.
6. Zhang A. Emerging Trend: Mini-Programs & What It Means for Global Brands. <https://monstar-lab.com/global/blog/emerging-trend-mini-programs-what-it-means-for-global-brands/> (accessed 16.08.2023)
7. Махмутова К. Как дайгоу может помочь наладить систему сбыта в Китае. *Vc.ru*. 2021. <https://vc.ru/asiapacific/309132-kak-daygou-mozhet-pomoch-naladit-sistemu-sbyta-v-kitay?ysclid=ljx675p8d2677313332> (accessed 19.09.2023)
Makhmutova K. How daigou can help establish a sales system in China. *Vc.ru*. 2021. (In Russ.). <https://vc.ru/asiapacific/309132-kak-daygou-mozhet-pomoch-naladit-sistemu-sbyta-v-kitay?ysclid=ljx675p8d2677313332> (accessed 19.09.2023)
8. Pan Y. Are Virtual Influencers Coming to China's Luxury Market? *Jingdaily*. 2018. <https://jingdaily.com/virtual-influencers> (accessed 19.09.2023)

9. Williams G.A. Should Brands Use Virtual Influencers in China? *BOF*. 2023. <https://www.businessoffashion.com/briefings/china/should-brands-use-virtual-influencers-in-china/> (accessed 27.08.2023)
10. Li D., Tong T.W., Xiao Y. Is China Emerging as the Global Leader in AI? *Harvard Business Review*. 2021. <https://hbr.org/2021/02/is-china-emerging-as-the-global-leader-in-ai> (accessed 17.09.2023)
11. Vilon J.L., Lacombe E. Big Data & Artificial Intelligence Explained: A Primer for Retailers. *Jingdaily*. 2018. <https://jingdaily.com/artificial-intelligence-retailers/> (accessed 17.09.2023)
12. Amed A., Berg A., Balchandani A, Hedrich S., Jensen J.E., Straub M. The state of fashion 2022. *McKinsey&Company*. 2022. <https://www.businessoffashion.com/reports/news-analysis/the-state-of-fashion-2022-industry-report-bof-mckinsey/> (accessed 10.09.2023)
13. Хань Шиин Сотрудничество Китая и России в области кибербезопасности. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 8. С. 66–72. DOI: 10.31857/S032150750019782-2
Han Shiyin. 2022. Cooperation between China and Russia in the field of cybersecurity. *Asia and Africa today*. № 8. Pp. 66–72. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750019782-2

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Александрова Елена Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, экономический факультет, кафедра мировой экономики и менеджмента, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

Elena N. Alexandrova, PhD (Economics), Associate Professor, Faculty of Economics, Department of World Economy and Management, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 27.09.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 28.10.2023

Принята к публикации
(Accepted) 23.12.2023

DOI: 10.31857/S032150750028866-4

Франция и Россия в обеспечении безопасности в Центральной Африке и борьбе с терроризмом

© Абдулай Махамат А.^а, 2024

^а РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия
ORCID: 0009-0006-3355-7608; ahab92@mail.ru

Резюме. В статье рассмотрены актуальные вопросы противодействия терроризму в регионе Центральной Африки в контексте внешнеполитической деятельности Франции и России. На основании тенденций развития военно-политической обстановки в Центральной Африке рассмотрены проблемы реализации внешней политики Франции как страны, ориентированной на утверждение своего геополитического господства в регионе. Дефицит доверия к западным государствам со стороны национальных правительств Центральной Африки рассматривается в качестве предпосылки для усиления присутствия России в регионе в качестве значимого актора антитеррористической борьбы.

Внешняя политика России заключается в оказании содействия посредничеству и разрешении конфликтов, а также достижении соглашений по обучению и консультированию в области безопасности. Каждое из этих направлений предоставляет странам Африки возможности диверсифицировать свои партнерские отношения в области безопасности, чтобы противостоять растущим угрозам терроризма.

Ключевые слова: терроризм, безопасность, военная помощь, частные военные компании, Франсафрика

Для цитирования: Абдулай Махамат А. (Чад). Франция и Россия в обеспечении безопасности в Центральной Африке и борьбе с терроризмом. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 2. С. 56–63. DOI: 10.31857/S032150750028866-4

France and Russia in Ensuring Security in Central Africa and the Fight against Terrorism

© Abdoulaye Mahamat A.^а, 2024

^а RUDN University, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0006-3355-7608; ahab92@mail.ru

Abstract. The article deals with topical issues of countering terrorism in the Central African region in the context of the foreign policy activities of France and Russia. Based on the trends in the development of the military-political situation in Central Africa, the problems of implementing France's foreign policy as a country focused on asserting its geopolitical dominance in the region are considered. The lack of trust in Western states on the part of the national governments of Central Africa is seen as a prerequisite for strengthening Russia's presence in the region as a significant actor in the anti-terrorist struggle.

Russia's foreign policy is to facilitate mediation and conflict resolution, as well as to reach formal agreements on training and consulting in the field of security. Each of these efforts strengthens Russia's security-related interests and provides African countries with opportunities to diversify their security partnerships in order to counter the growing threats of terrorism.

Keywords: terrorism, security, military assistance, private military companies, Françafrique

For citation: Abdoulaye Mahamat A. (Chad). France and Russia in Ensuring Security in Central Africa and the Fight against Terrorism. *Asia and Africa today*. 2024. № 2. Pp. 56–63. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750028866-4

ВВЕДЕНИЕ

Борьба с терроризмом остается одним из наиболее значимых направлений международно-политического сотрудничества современных государств. Развитие кризисных явлений в экономике и политике

выступает тревожным терророгенным фактором, который обуславливает возникновение новых очагов террористической активности. Для противодействия терроризму требуется согласованная работа многих участников международно-политического взаимодействия как отдельных государств, так и неправительственных акторов.

На сегодняшний день проблема терроризма в Центральной Африке привлекает внимание представителей политической науки как актуальное направление сотрудничества государств региона и международных организаций, а также влиятельных держав.

Россия и Франция в силу разных причин и обстоятельств также являются акторами политического противодействия росту террористической активности в регионе Центральной Африки (ЦА). Их функциональные роли в данном процессе различаются, однако динамика международных отношений в области антитеррористической борьбы на территории Африканского континента ставит на повестку дня вопрос о масштабе вклада двух государств в процесс стабилизации военно-политической ситуации в ЦА.

Геополитическое «возвращение» России в Африку создает предпосылки для более активного участия страны в борьбе с терроризмом, что актуализирует вопросы о перспективах развития внешнеполитической стратегии России в данном направлении. Наряду с заметными военно-политическими неудачами Франции на территории Африки, развитие двусторонних отношений России с государствами континента обуславливает актуальность и значимость заявленной темы.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В АФРИКЕ

Разработка и применение на практике политических инструментов антитеррористической борьбы обусловлено ограниченностью методов силового противодействия деятельности террористических организаций.

Для отражения угрозы со стороны терроризма требуется не только фактическое подавление очагов террористической активности, но и масштабное изменение политического ландшафта государства, а также целого региона для устранения терророгенных факторов. Для государств Центральной Африки это означает не только необходимость внутривнутриполитической работы, направленной на борьбу с терроризмом, но и активное сотрудничество как со своими соседями по континенту, так и с наиболее влиятельными державами современности.

Специфической чертой современного терроризма является относительная свобода экспорта основных идеологических доктрин, распространение которых позволяет создавать террористические ячейки в самых разнообразных местах планеты.

Опыт проведения совместных военных операций ведущими державами, прежде всего США и Францией, свидетельствует об ограниченном успехе таких мероприятий, а в отдельных случаях – об отсутствии какого-либо успеха вообще. Активное вовлечение западных государств в решение местных проблем, связанных с террористической угрозой, на территории государств Африки вызывает неоднозначную реакцию.

У многих местных сообществ участие западных государств в процессе мирного урегулирования вызывает ассоциации с колониальным прошлым, а демонстративное пренебрежение со стороны европейских государств возможностями Африканского Союза и иных региональных организаций вызывает обоснованные сомнения в целесообразности использования западной военной силы. Отсюда большой популярностью пользуются лозунги «африканским проблемам – африканское решение», которые призваны продемонстрировать желание местных сообществ решать свои вопросы, опираясь на собственные силы.

Растущая угроза со стороны террористических организаций выделяет Центральную Африку среди других регионов планеты.

На территории континента выделяется 5 основных зон, в которых наблюдаются очаги террористической активности – Сомали, Сахельский регион, бассейн озера Чад, Мозамбик и Северная Африка¹. Истоки современного терроризма в Африке восходят к концу прошлого столетия. Масштабные изменения

¹ См.: <https://www.africacenter.org/spotlight/fatalities-from-militant-islamist-violence-in-africa-surge-by-nearly-50-percent/> (accessed 01.11.2023)

социальной и политической жизни местных сообществ в 1990-х гг. спровоцировали рост внутренней напряженности, обострение старых экономических проблем и межнациональной вражды.

В результате активной экономической экспансии транснациональных корпораций многие месторождения природных ресурсов подвергались ничем не ограниченной эксплуатации, что подрывало хозяйственную стабильность региона. В результате ответом на форсированную вестернизацию африканских сообществ стал рост изоляционистских идей, опирающихся на фундамент национально-религиозных идеологий. В ряде случаев развитие таких доктрин доходило до крайних форм, провоцируя рост террористической активности в Центральной Африке.

Начало нового столетия ознаменовалось появлением в регионе Центральной Африки экстремистских религиозных группировок, чья социально-политическая практика достаточно быстро приобрела террористический характер. Многие из них представляли собой конгломерат экстремистски настроенных политических деятелей, представителей местного криминалитета и радикальных религиозных проповедников.

Известная террористическая организация «Армия сопротивления Господа», прославившаяся массовыми убийствами в Уганде, представляла собой движение, созревшее в недрах радикальных христианских течений. Однако уже с начала 2010-х гг. преобладающую роль в дестабилизации региона стали играть многочисленные террористические организации, опирающиеся на исламскую доктрину.

Приход на Африканский континент «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ) привел к возникновению многочисленных местных ячеек или филиалов организации, которые в ряде случаев слились с местными террористическими группировками.

Активная деятельность ИГИЛ в Центральной Африке привела к созданию квазигосударственных образований, контролирующих значительные территории и противопоставляющих себя национальным правительствам государств региона. Деятельность филиалов ИГИЛ, помимо актов терроризма, сопровождалась и более типичными для местного криминалитета практиками – массовым угоном скота, вымогательством, контрабандой и пр.

В определенный момент времени ограниченность военно-политических ресурсов национальных правительств региона привела к необходимости более активного вовлечения внешних игроков.

Наибольшую известность в контексте антитеррористической борьбы в Центральной Африке приобрела военная операция «Бархан», проводившаяся вооруженными силами Франции. Пространственные пределы операции затронули значительную территорию Сахельского региона, однако для Центральной Африки значение имеет то обстоятельство, что эта операция проводилась также на территории Чада.

Операция «Бархан» стала логическим продолжением проводившейся до 2014 г. операции «Сервал» – действия вооруженных сил Франции на территории Мали против туарегского сепаратизма, поддержанного многими исламскими террористическими группировками. Сочетание преемственности и новизны особенно проявилось в рамках военной компоненты французской политики в Африке [3, с. 118].

Сомнительные политические результаты данных интервенций в итоге активизировали дискуссию о необходимости поиска внутренних инструментов противодействия террористической угрозе, которые бы не зависели и не требовали участия западных вооруженных сил. Стремление африканских государств к диверсификации внешнеполитических связей в области безопасности создает положительные предпосылки для активизации сотрудничества с незападными державами, прежде всего с Россией и Китаем.

ПОЛИТИКА *FRANÇAFRIQUE* И ЕЁ ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ВКЛАД В БОРЬБУ С ТЕРРОРИЗМОМ

Устойчивое стремление лидеров Франции оказывать неформальное влияние на развитие государств Африки, представляющее собой атавизм колониального прошлого страны, сформировало каркас внешнеполитической стратегии, ориентированной на применение инструментов «мягкой» и «жесткой» силы для поддержания своего господства на континенте.

Эта стратегия получила наименование *Françafrique*, её политической основой стали инструменты эксклюзивного влияния Франции на экономическое и политическое развитие своих бывших колоний. В области «мягкого» внешнеполитического воздействия содержание данной стратегии составляли инструменты валютного и культурного влияния, а основу «жесткой» силы в регионе – военные операции, проводившиеся вооруженными силами Франции.

Хотя отдельные лидеры Франции, такие как Н.Саркози и Ф.Олланд, провозглашали конец политики *Françafrique* (см., например: [5]), в действительности весь арсенал инструментов влияния в регионе продолжает действовать и сегодня. Лишь последовательный процесс замещения франкофонского руководства отдельных государств Африки национально ориентированными лидерами знаменует собой освобождение от французского влияния в регионе.

Действующий президент Французской республики Э.Макрон в целом придерживается выверенной политики по отношению к государствам региона, которая опирается на военное присутствие, валютное доминирование и помощь в социально-экономическом развитии местных сообществ.

Административный аспект политики *Françafrique* сопровождался созданием в начале правления Э.Макрона Президентского совета по Африке. Необходимость активизации ресурсов французского влияния на континенте обосновывается усилением присутствия Китая в регионе. Сахельский регион рассматривается Францией как один из наиболее опасных регионов, в котором сосредоточено значительное количество очагов террористической активности. Проведение контртеррористических операций Франции сочеталось с нарастающим недовольством политической элиты государств Центральной Африки военным присутствием французских вооруженных сил.

Из государств региона Центральной Африки в зоне французского влияния некогда находились Чад, Камерун, ЦАР, Габон и Конго. Политическое руководство Франции регулярно получало аналитические отчеты о рисках дестабилизации в регионе Сахеля и Центральной Африки, которые указывали на то, что «кризис может сломать хрупкие политические режимы в Сахеле и Центральной Африке» [6, с. 40].

В результате политические перемены в Чаде и ЦАР привели к изменению курса этих государств, из-за чего они фактически вышли из зоны *Françafrique*. Парламент Чада в сентябре 2023 г. потребовал вывести войска Франции из страны после убийства местного жителя французским врачом в городе Фая-Ларжо².

Смена политического руководства в ряде африканских государств и инициированная новыми лидерами процедура вывода французских вооруженных сил в конечном итоге привела сначала к масштабной передислокации военных подразделений, а впоследствии к публичному объявлению об окончании операции «Бархан».

Утрата прежнего влияния Франции в Африке и сомнительные военно-политические результаты применения «жесткой» силы спровоцировала широкую дискуссию о необходимости пересмотра политики *Françafrique* в регионе. В конечном счете французские военные находились в регионе «не для борьбы с терроризмом, а для защиты интересов Франции в Западной Африке» [8, с. 40].

Особенностью новой геополитической ситуации в регионе Центральной Африки стало столкновение интересов сразу нескольких ведущих держав, что поставило Францию перед неожиданным вызовом, т.к. прежние политические инструменты влияния были разработаны в условиях практически монопольного господства страны в регионе.

РОЛЬ РОССИИ В ПРОЦЕССАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКЕ

Специфической чертой развития внешней политики России в последние годы стал своеобразный «разворот на Восток», который в целом характеризует стремление страны к диверсификации внешнеполитических контактов в условиях заметного обострения двусторонних отношений между Россией и странами Запада.

Этот процесс берет свои истоки в начале 2010-х гг., когда обозначились первые попытки применения методов экономического воздействия на Россию со стороны западных государств. Однако особенно сильно этот процесс стал развиваться на фоне украинского кризиса 2014–2022 гг., послужившего причиной введения против России беспрецедентного количества санкций со стороны США и их союзников. В результате внешняя политика России стала переориентироваться на экономические и политические связи с государствами Южной Америки, Африки и Азии. Россия сделала упор на «двусторонние отношения, и их экономический компонент стал главным и становился все более важным по мере выхода страны из кризиса и углубления внешнеэкономических связей» [1, с. 324].

² См.: <https://ria.ru/20230906/chad-1894516833.html> (accessed 01.11.2023)

Чтобы укрепить влияние и авторитет на мировой арене, Россия расширила и углубила связи с африканскими странами за счет усиления дипломатического взаимодействия. В октябре 2019 г. Россия провела в Сочи первый в истории саммит Россия – Африка, в котором приняли участие представители по меньшей мере 45 африканских стран, включая более 40 глав государств. Результатом саммита стал ряд соглашений о торговле, образовании, помощи, инженерных проектах и разработках в области развития, а также военном сотрудничестве.

В знак того, что Россия продолжает уделять приоритетное внимание Африке и планирует увеличить свои обязательства перед континентом и на его территории, второй саммит был проведен летом 2023 г. в Санкт-Петербурге. За последние 5 лет Россия также увеличила частоту двусторонних визитов высокого уровня в Африку и из Африки.

Хотя нынешний уровень взаимодействия между Россией и Африкой представляет собой шаг вперед по сравнению с уровнем, существовавшим много лет назад, активность России в Африке пока еще отличается в значительной степени нереализованным потенциалом. Стратегия Кремля в отношении континента предусматривает расширение отношений, сложившихся во время холодной войны, когда Советский Союз сначала внес свой вклад в освободительную борьбу, а затем поддержал проекты политического и социально-экономического развития независимых африканских государств.

Сегодня Россия ищет новые возможности для базирования в этом регионе, особенно вдоль стратегических морских коридоров. Ключевой целью взаимодействия России на Африканском континенте является укрепление экономического и торгового сотрудничества. Это принимает форму расширения торговли, сотрудничества в области энергетики и контрактов на разведку и добычу природных ресурсов (включая драгоценные металлы, минеральные ресурсы и углеводороды) и часто включает предприятия, полностью или частично принадлежащие российскому государству.

Весомый багаж исторического наследия дипломатических контактов СССР и государств Африки оказался востребован сегодня, когда Россия осуществляет своеобразное «возвращение» на Африканский континент. Данная внешнеполитическая стратегия уже проявляется в расширении институтов и площадок сотрудничества между Россией и государствами Африки, в активизации экономических и политических контактов.

Военное сотрудничество России и государств Африки также переживает своеобразный ренессанс. Желание диверсифицировать военно-политические контакты со стороны государств Африки оказывается созвучно желанию России оказывать военную помощь странам Африканского континента для решения актуальных военно-политических проблем. Сегодня складываются основания для будущего военного сотрудничества в антитеррористической борьбе.

На текущий момент среди военных объектов России за рубежом не значатся базы, расположенные в Центральной Африке. Однако ЦАР, по всей видимости, является наиболее очевидным претендентом на статус первой страны региона, на территории которой может быть создана российская военная база. В мае 2023 г. посол ЦАР в Москве Леон Додону-Пунагаза заявил, что ЦАР заинтересована в размещении на своей территории российской военной базы. Стоит отметить, что на бывшей французской военной базе в ЦАР подняли российский флаг как символ избавления от французского влияния и перехода к полномасштабному сотрудничеству с Россией [2].

В результате стремление России усилить свое геополитическое присутствие в регионе оказывается созвучным желанию государств Центральной Африки найти новых внешнеполитических партнеров в области национальной безопасности. Накопленный военный опыт российского государства, в том числе связанный с отражением террористических угроз, может быть использован для борьбы с очагами террористической активности в Центральной Африке. При этом Россия, в отличие от западных держав, не претендует на гегемонию в регионе и не подчиняет политическое и экономическое развитие государств Африки собственным национальным интересам. Всё это создает благоприятные условия для возможного российского проникновения в африканские страны как вектора политики секьюритизации.

РОЛЬ ЧВК В АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ

Отличительной чертой современных военных конфликтов является расширение практики участия в них неформальных вооруженных организаций – частных военных компаний (ЧВК), которые обладают различным правовым статусом.

В период проведения Россией СВО на территории Украины известность приобрела ЧВК «Вагнер», которая также часто рассматривается в мировой прессе как активный участник военных конфликтов в Центральной Африке.

Существуют достаточные основания полагать, что инфраструктура таких организаций использовалась и, вероятно, будет использована в будущем для решения военно-политических задач на территории Африканского континента. Это позволяет задействовать преимущественно неформальные каналы оказания военной помощи национальным правительствам континента.

Участие российских ЧВК в вооруженных конфликтах такого рода подтвердил на онлайн-брифинге 30 июня 2023 г. министр иностранных дел России С.Лавров, заявивший, что судьба договоренностей африканских стран с ЧВК «Вагнер» зависит от заинтересованности правительств этих государств в такой форме сотрудничества. «Какая будет судьба вот этих договоренностей между африканскими странами и ЧВК “Вагнер” – это решать, прежде всего, правительствам соответствующих стран, насколько они будут заинтересованы продолжать эту форму сотрудничества для обеспечения безопасности органов власти», – сказал министр.

При этом С.Лавров подчеркнул, что вопрос о нахождении ЧВК «Вагнер» в ЦАР и еще в нескольких африканских странах регулируется договоренностью, которая «заключена напрямую между соответствующими правительствами и ЧВК “Вагнер”». Министр отметил, что в ЦАР давно работают несколько сотен инструкторов из РФ по линии Минобороны: «Это государственный договор, на основе которого они там работают и помогают армии ЦАР тренировать офицеров. Несколько тысяч военнослужащих уже подготовили»³.

Напомню, что 26 января 2018 г. военный транспорт «Ил-76» совершил первую посадку в аэропорту Банги. Артем Кожин, официальный представитель МИД РФ, в марте 2018 г. объявил, что с разрешения ООН «на нужды центральноафриканской армии в конце января – начале февраля 2018 была поставлена партия стрелкового вооружения и боеприпасов. Туда также командированы 5 военных и 170 российских гражданских инструкторов для подготовки военнослужащих ЦАР»⁴. По данным французской газеты *Le Monde*, 5 военных – это кадровые разведчики ГРУ, а «гражданские специалисты» – это бойцы частной военной компании «Группы Вагнера»⁵. В ЦАР эта компания использует созданный ранее бренд *Sewa Security Services*.

Интересный факт: заместитель руководителя миротворческой миссии ООН в ЦАР Кенни Глак хоть и сознался, что действия России вызывают определенную «нервозность», но признал, что «поставки оружия из Москвы и подготовка военных – это очень позитивное событие»⁶.

С момента принятия решения об интеграции структур наиболее известной компании подобного рода – ЧВК «Вагнер» – в состав боевых подразделений ВС РФ изменился и внешнеполитический подход к международному сотрудничеству в области безопасности со странами Африканского континента.

В то время как Россия интегрирует оборону и безопасность в свои внешнеполитические цели в Африке, она стремится достичь их посредством различных официальных обязательств в области обороны и безопасности, включая соглашения о военно-техническом сотрудничестве. Оказывая как официальную, так и частную помощь в области безопасности в Африке, Россия защищает свои клиентские отношения, коммерческие интересы и позволяет африканским лидерам обходить санкции и внешнее давление. Российские военные смогли погасить «наиболее острые конфликты в Сахеле, что привело к росту популярности России, с одной стороны, и к разочарованию в возможности французских военных эффективно противостоять террористам – с другой» (см. [7, с. 65]).

За последнее десятилетие двусторонние соглашения между африканскими государствами и Россией всё чаще включали положения о безопасности и обороне. Это включает соглашения о ВТС, которые устанавливают механизмы поставок оружия и материальных средств, а также подготовки кадров и просвещения.

³ Лавров: нахождение ЧВК «Вагнер» в Африке регулируется их прямыми контрактами со странами. <https://tass.ru/politika/18157619>

⁴ См.: <https://theins.ru/uncategorized/114123?lang=en>

⁵ <https://www.inopressa.ru/pwa/article/24Apr2018/lemonde/afrique.html>

⁶ https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2018/05/31/theres-a-new-battle-for-influence-in-central-africa-and-russia-appears-to-be-winning/?noredirect=on&utm_term=.97a50c7c1590

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ РОССИИ И ФРАНЦИИ В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКЕ

На сегодняшний день представляется весьма затруднительным любое военное сотрудничество стран Запада и России в решение военных проблем на территории Африки, в частности, проблемы терроризма в Центральной Африке.

Внешняя политика Франции терпит явные неудачи на Африканском континенте, что создает возможности для укрепления позиций России в регионе. Очевидные затруднения для российской внешней политики в области безопасности как вектора сотрудничества с государствами Центральной Африки вызывает давление со стороны западных государств, которые не желают допустить возможности расширения присутствия России в регионе. Также экономические контакты с государствами Центральной Африки остаются для России во многом вопросом нереализованного потенциала. Однако именно расширение хозяйственных связей следует рассматривать как конструктивный механизм противодействия террористической активности в регионе.

Россия рассматривает Африку как влиятельную часть Глобального Юга, партнера в своем стремлении перейти к многополярному мировому порядку, имеющего важное значение для обхода санкций и поддержки своей деятельности в средствах массовой информации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании анализа развития вопросов безопасности в регионе Центральной Африки можно сделать вывод, что позиции Российской Федерации как значимого актора антитеррористической борьбы будут усиливаться в ближайшие годы. Дефицит доверия национальных правительств Центральной Африки к государствам коллективного Запада, прежде всего бывших метрополий, служит средством для расширения военного присутствия России в регионе.

Обладая значительным опытом борьбы с терроризмом и выступая в качестве надежного поставщика военных ресурсов, Россия может занять место стратегического партнера государств Центральной Африки в деле противодействия деятельности террористических организаций.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Исаев Л.М., Шишкина А.Р., Лиокумович Я.Б. Российская политика секьюритизации в Африке: анализ африканских СМИ. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. Т. 23, № 2. С. 322–338. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-322-338
Isaev L.M., Shishkina A.R., Liokumovich Ya.B. 2023. Russian securitization policy in Africa: an analysis of the African media. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*. Vol. 23. № 2. Pp. 322–338. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-322-338
2. Лабутина Д. Посол ЦАР в РФ Леон Додону-Пунагаза – о сотрудничестве с Москвой, мирной инициативе по Украине и расследовании покушения на главу Русского дома. <https://iz.ru/1518554/daria-labutina/nam-nuzhna-rossiiskaia-voennaia-baza> (accessed 01.11.2023)
Labutina D. The Ambassador of the Central African Republic to the Russian Federation Leon Dodon-Punagaza – on cooperation with Moscow, the peace initiative on Ukraine and the investigation of the assassination attempt on the head of the Russian House. (In Russ.). <https://iz.ru/1518554/daria-labutina/nam-nuzhna-rossiiskaia-voennaia-baza> (accessed 01.11.2023)
3. Магадеев И.Э. Многосторонность как вынужденная необходимость? Эволюция французской политики в субсахарской Африке: преемственность и новизна. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2022. Т. 17, № 1, с. 114–128. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-01-05
Magadeev I.E. 2022. Multilateralism as a necessity? The evolution of French politics in sub-Saharan Africa: continuity and novelty. *Bulletin of International Organizations: education, Science, new Economy*. Vol. 17. № 1. Pp. 114–128. (In Russ.). DOI: 10.17323/1996-7845-2022-01-05
4. Сокол В.Ю., Останин В.В. 2007. К вопросу о понятии террористической организации: уголовно-правовой и криминалистический аспекты. *Общество и право*. 2007, № 3 (17), с. 99–102.
Sokol V.Yu., Ostanin V.V. 2007. On the issue of the concept of a terrorist organization: criminal law and criminalistic aspects. *Society and law*. № 3 (17). Pp. 99–102. (In Russ.)

5. Faye O. The repeated farewells of French presidents to 'Françafrique'. https://www.lemonde.fr/en/m-le-mag/article/2023/03/13/the-repeated-farewells-of-french-presidents-to-francafrique_6019213_117.html (accessed 01.11.2023)
6. Филиппов В.Р. Буркина Фасо: путч 2022 года. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 7. С. 40–47. DOI: 10.31857/S032150750020974-3
Filippov V.R. 2022. Burkina Faso: Putsch 2022. *Asia and Africa today*. № 7. Pp. 40–47. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750020974-3
7. Филиппов В.Р. Африканская политика Франции в 2017–2023 годах. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 5. С. 65–73. DOI: 10.31857/S032150750025686-6
Filippov V.R. 2023. African Policy of France in 2017–2023. *Asia and Africa today*. № 5. Pp. 65–73. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750025686-6
8. Филиппов В.Р. Операция «Бархан»: бесславное завершение? *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 1. С. 40–47. DOI: 10.31857/S032150750018297-8
Filippov V.R. 2022. Operation Barkhan: an inglorious end? *Asia and Africa today*. № 1. Pp. 40–47. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018297-8

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Абдулай Махамат Абдулай, аспирант кафедры сравнительной политологии Факультета гуманитарных и социальных наук РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия.

Abdoulaye Mahamat Abdoulaye, Post-graduate student, Department of Comparative Political Science, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 04.09.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.10.2023

Принята к публикации
(Accepted) 15.01.2023

DOI: 10.31857/S032150750030075-4

Актуальные проблемы исследования колониализма, неоколониализма и деколонизации

© Грибанова В.В.^{a,b}, Хохолькова Н.Е.^{a,c}, 2024

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID: 0000-0002-4117-1995; vgribanova@mail.ru

^c ORCID: 0000-0002-5165-1925; khokholkova@gmail.com

Резюме. В октябре 1923 г. в Институте Африки РАН состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Колониализм, неоколониализм, деколонизация: опыт исследования и современный дискурс». В мероприятии, организованном Центром истории и культурной антропологии и Центром исследований Юга Африки Института Африки РАН, приняли участие около 50 исследователей из России, Ганы, Танзании и Камеруна. В ходе конференции были рассмотрены проблемы колониализма, неоколониализма, деколонизации в исторической ретроспективе, проведен анализ современных методов неоколониального влияния, исследован современный дискурс борьбы с идеологиями и практиками неоколониализма. Участники форума обсудили вопросы политического и правового неоколониализма, цифрового империализма, антиколониальных движений, исторической памяти, историографии, культурного, духовного и ментального освобождения от колониальной зависимости.

Разнообразие заявленных тем и оживленные дискуссии позволили комплексно рассмотреть обозначенные проблемы, а также выявить направления дальнейшей работы.

Ключевые слова: колониализм, неоколониализм, деколонизация, история, политология, Африка, Россия

Для цитирования: Грибанова В.В., Хохолькова Н.Е. Актуальные проблемы исследования колониализма, неоколониализма и деколонизации. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 2. С. 64–67. DOI: 10.31857/S032150750030075-4

The Current Issues in the Research of Colonialism, Neocolonialism, and Decolonization

© Valentina V. Gribanova^{a,b}, Nadezhda E. Khokholkova N.E.^{a,c}, 2024

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b ORCID: 0000-0002-4117-1995; vgribanova@mail.ru

^c ORCID: 0000-0002-5165-1925; khokholkova@gmail.com

Abstract. In October, 2023, the Institute for African Studies (Russian Academy of Sciences) hosted the All-Russian Scientific Conference with international participation “Colonialism, Neocolonialism, Decolonization: Research Experience and Modern Discourse”. About 50 researchers from Russia, Ghana, Tanzania and Cameroon participated in a scientific event organized by the Center for History and Cultural Anthropology and the Center for Southern Africa Studies of the Institute for African Studies. At the conference, attendees reflected on the complex histories of colonialism, neocolonialism, and decolonization. They also scrutinized current methods of neocolonial manipulation and delved into the discourse surrounding the fight against neocolonial ideas and actions. During the forum, the participants engaged in conversations surrounding the topics of political and legal neocolonialism, digital imperialism, anti-colonial movements, historical memory, historiography, and the cultural, spiritual, and mental liberation from colonial dependence.

The diverse range of topics and unique research methods sparked dynamic and beneficial conversations that broadened participants’ knowledge of colonial discourses and counter-discourses, while also revealing potential avenues for future research. A key result of the conference ought to be the release of a book containing research papers.

Keywords: colonialism, neocolonialism, decolonization, history, political science, Africa, Russia

For citation: Gribanova V.V., Khokholkova N.E. The Current Issues in the Research of Colonialism, Neocolonialism, and Decolonization. *Asia and Africa today*. 2024. № 2. Pp. 64–67. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030075-4

В октябре 2023 г. в Институте Африки РАН (ИАфр РАН) состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «*Колониализм, неоколониализм, деколонизация: опыт исследования и современный дискурс*».

В рамках мероприятия, организованного Центром истории и культурной антропологии и Центром исследований Юга Африки ИАфр РАН, было представлено около 50 докладов и сообщений, подготовленных как ведущими, так и начинающими исследователями из России, Ганы, Танзании и Камеруна. В работе конференции очно и онлайн приняли участие ученые из ИАфр РАН, Института всеобщей истории РАН (ИВИ РАН), МГИМО МИД России, НИУ ВШЭ, РУДН им. П.Лумумбы, Российского института стратегических исследований (РИСИ), Московского психолого-социального университета (МПСУ), Казанского Университета управления «ТИСБИ», Уральского федерального университета (УрФУ), Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (ИИАЭ ДВО РАН), Псковского филиала Санкт-Петербургского университета ФСИН, Тульского государственного музея оружия, Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова (ЯрГУ), Исследовательского центра Африка-Россия (Гана), Университета Яунде I (Камерун), Университетского колледжа Стелла Марис Мтвара (Танзания).

Конференция открылась вступительным словом, с которым выступили зав. Центром истории и культурной антропологии В.В.Грибанова и зав. Центром исследований Юга Африки А.А.Токарев, подчеркнувшие значение темы колониализма и обозначившие круг проблем с ней связанных. Работа проходила в 4 тематических секциях.

Первая секция «Политические, духовные, религиозные, юридические аспекты деколонизации: современный дискурс» началась с выступления к.филос.н., вед.н.с. ИАфр РАН **А.Н.Мосейко**, обратившейся к вопросам духовной деколонизации в постколониальной Африке южнее Сахары, в частности к мифологеме «цивилизаторской миссии», ставшей одной из составляющих символики колонизации. Теоретико-философское осмысление феномена постколониальности нашло отражение в сообщении ст.н.с. ИАфр РАН **А.И.Неклессы**. Доклад к.психол.н., ст.н.с. ИАфр РАН **Е.В.Харитоновой**, явившийся своего рода продолжением обсуждения темы социально-психологических последствий колониализма, был посвящен анализу кейсов и проектов постколониального развития, формирующих три ключевые направления: реванш, солидарность, «африканская мечта». Проблематика ментальной деколонизации оказалась в поле зрения к.психол.н., доцента МПСУ **А.Г.Сулейманяна**, представившего обзор состоявшегося в сентябре 2017 г. в Дурбане в ЮАР Первого Всеафриканского психологического конгресса.

Вопрос о соотношении понятий «постколониальные исследования» и «антиколониализм» был поставлен в докладе д.полит.н., к.э.н., проф., вед.н.с. ИАфр РАН **Д.А.Дегтерева**. Представив краткую характеристику категорий, исследователь выдвинул гипотезу о том, что постколониальные исследования, несмотря на их квазимонопольное положение, не являются подлинно антиколониальными, а представляют собой, скорее, отражение «однополярного момента» в социогуманитарных исследованиях.

В сообщении д.ю.н., проф., зав. кафедрой конституционного и международного права Университета управления «ТИСБИ» **А.Б.Мезяева** были рассмотрены характеристики и прецеденты правового неоколониализма, а также механизмы борьбы с ним. **А.М.Жамбиков**, м.н.с. ИАфр РАН, в качестве одного из проявлений неоколониализма рассмотрел проблему «утечки умов» – эмиграции квалифицированных специалистов из стран Африки. Комплексный анализ современных методов неоколониального влияния на страны Африканского континента был предложен К.Диране Мерлином, аспирантом Университета Яунде I. В докладе к.и.н **В.В.Грибановой** и к.полит.н., ст.н.с. ИАфр РАН **В.В.Усачевой**, посвященного проблеме перехода от культурного к цифровому империализму в сферах образования и СМИ стран Африки была предпринята попытка контекстуализации неоколониального воздействия. Авторы заключили, что демонтаж колониальной системы привел лишь к номинальной независимости стран Африки.

Блок докладов был посвящен рассмотрению отдельных аспектов колониальной и постколониальной истории, проявившихся в измерении культуры. **Т.М.Гавристова**, д.и.н., проф. ЯрГУ, отметила, что ситуация постколониальности вызывает переосмысление таких категорий, как колониализм, раса, нация, этничность, диаспора, идентичность, гибридность, амбивалентность, инаковость, субалтерн и др. В процессе формирования и обновления представлений о них, по словам докладчика, принимают участие не только ученые и писатели, но и художники, в числе которых выдающийся дизайнер Йинка Шонибаре (р. 1962 г.) – британский художник нигерийского происхождения. Центральным сюжетом презентации к.и.н., доцента ЯрГУ **Е.В.Блиновой** стал анализ построения постколониального нарратива

вокруг работы Д.Г.Россетти¹ «Возлюбленная». **Н.А.Воронина**, к.и.н., н.с. ИАФР РАН в своем сообщении рассмотрела конголезское «Общество веселых и элегантных людей» (*Societe des Ambianceurs et de Personnes Elegantes, "sapeurs"*) в контексте неокOLONИАЛЬНОГО дискурса. Доклад магистранта НИУ ВШЭ **М.М.Несовой** освещал проблему деколонизации запахов на примере проекта «*Scent Festival*», направленного на переосмысление восточных ароматов, прежде всего, через преодоление евроцентричного взгляда на парфюмерную индустрию.

Не менее широкий спектр вопросов был затронут в рамках работы **второй секции «Колониальные проекты в истории и их реализация в современности»**. Участники заседания сосредоточились на обсуждении влияния тенденций и процессов, заложенных в колониальный период, на современное развитие африканских стран.

В докладе д.и.н., проф., гл.н.с. ИАФР РАН **Р.Н.Исмагиловой** было проанализировано неокOLONИАЛЬНОЕ политическое воздействие США на Эфиопию в 2020–2022 гг. Сообщение к.и.н., н.с. ИВИ РАН, ст. преподавателя РУДН **А.Ю.Шипилова** было также посвящено неокOLONИАЛЬНОМУ влиянию США, но уже в другой стране – Либерии. Проблемам внешнего вмешательства в процессы принятия политических решений уделил внимание **А.М.Ж.Ажене**, сотрудник Исследовательского центра Африка – Россия (Гана). Соискатель МГИМО МИД **И.Ю.Хатагова** рассказала о взаимосвязи колониальных практик в Бурунди и Руанде и общественно-политической обстановки в постколониальный период, подчеркнув, что политика германской и бельгийской администраций на территории Руанды-Урунди привела к существенной деградации социальных отношений. В докладе к.и.н., ст.н.с. ИВИ РАН **Л.В.Ивановой** были отмечены последствия влияния британского и итальянского колониализма в Сомали. В частности, утверждалось, что государству, одному из немногих на Африканском континенте, довелось испытать воздействие нескольких вариантов колониального управления – британского, итальянского, французского, что впоследствии стало одной из причин распада независимого государства. **Ю.С.Скубко**, к.э.н., к.искусств., ст.н.с. ИАФР РАН, осветив в своем выступлении проявления неокOLONИАЛИЗМА в ЮАР, акцентировал внимание на том, что в советской африканистике южноафриканская модель развития определялась как колониализм особого типа.

Проблемам неокOLONИАЛЬНОГО влияния Франции в Африке и деколонизации посвятила свой доклад м.н.с. ИАФР РАН **Т.А.Андреева**. В нём были проанализированы взаимовлияния культур метрополии и колоний, ключевые составляющие французской внешней политики в отношении континента, а также африканские подходы к трактовке понятий «суверенитет» и «государство». В продолжение этой темы в докладе к.и.н., ведущего эксперта РИСИ **А.В.Андреева** был освещен вопрос отношений Франции и Гвинейской Республики после достижения независимости.

Серия выступлений касалась темы свидетельств и последствий колониального присутствия в странах Африки южнее Сахары. В докладе м.н.с. ИАФР РАН **В.Н.Брындиной** были рассмотрены вопросы восприятия современными танзанийцами колониального прошлого на Занзибаре. Сообщение м.н.с. ИАФР РАН **О.В.Иванченко** касалось колониальных практик планирования Дар-эс-Салама в Танзания. Вопросы, связанные с материальными свидетельствами германского колониального присутствия на территории Танганьики и их текущим состоянием, были подняты в выступлении к.и.н., ст.н.с. ИАФР РАН **А.А.Банщиковой**. Оценке британского проекта модернизации экономики Танганьики в конце 1940-х гг. и его долгосрочных последствий посвятил свой доклад преподаватель Университетского колледжа Стелла Марис Мтвара **С.П.Малекелы** (Танзания). Деятельность миссионеров Моравской церкви в Южной Африке и её влияние на современном этапе были подробно рассмотрены в докладе м.н.с. ИАФР РАН **Е.Н.Нестеровой**.

Третья секция «Колониализм, неокOLONИАЛИЗМ, деколонизация в пространстве культуры (взгляд в прошлое)» объединила темы колониальной экспансии и антиколониальной борьбы. **Г.М.Сидорова**, д.полит.н., ст.н.с. ИАФР РАН, отметила некоторые аспекты открытия Африканского континента европейцами. Европейской колонизации африканских территорий, в частности, проблемам освоения природных ресурсов и здравоохранения в колониях, были посвящены сообщения к.и.н., ст.н.с. ИАФР РАН **Н.В.Гришиной**. Анализ языковой политики колониальных властей в Конго на примере языка *лингала* представила **И.Г.Татаровская**, д.филол.н., к.ф.н., с.н.с. ИАФР РАН Освещение вопросов языковых

¹ Данте Габриэль Россетти (1828–1882) – английский художник и поэт, один из основателей «Братства прерафаэлитов» – направления в английской поэзии и живописи во второй половине XIX в. (*прим. ред.*).

трансформаций нашло продолжение в докладе д.ф.н., зав. Центром истории культуры и межкультурных коммуникаций ИИАЭ ДВО РАН **Т.В.Крайошкиной**, сконцентрировавшей свое внимание на образах черных и белых в переводной литературе ЮАР XX века.

Проблематики расовой и племенной идентичности касалось сообщение **С.В.Костелянца**, зав. Центром социологических и политологических исследований ИАФР РАН, к.полит.н., вед.н.с. В нём колониальный период в истории Суданского Дарфура рассматривался как этап перестройки самосознания местного населения, вылившийся в раскол между сообществами и обострение разногласий.

Проблемы, связанные с англо-бурской войной, которая в настоящее время рассматривается как яркий пример сложности и неоднозначности антиколониальных движений, были представлены в докладах к.и.н., н.с. Тульского государственного музея оружия **А.Б.Арбекова** и к.и.н., ст.н.с. ИАФР РАН **Б.М.Горелика**. В первом сообщении была проанализирована неопубликованная история полковника Джорджа Хендерсона времен Второй англо-бурской войны (1899–1902), во втором – рассмотрен неосуществленный проект русско-французского протектората над бурских республик.

Тема антиколониальных выступлений получила развитие в сообщении д.и.н., вед.н.с. ИАФР РАН **Н.А.Жерлицыной**, посвященном важному событию марокканской истории – восстанию Хафидия, происходившему в 1907–1909 гг. В докладе д.и.н., гл.н.с. ИАФР РАН **Н.Л.Крыловой** также была затронута тема антиколониального движения. Исследователь рассмотрела опыт самоорганизации африканских студентов в Лондоне.

На **четвертой секции** «Проблемы колониализма, неоколониализма и деколонизации в историографии» обсуждался круг вопросов, связанных с методами и практиками изучения и описания колониального прошлого, а также нео- и деколониального настоящего. В докладе к.и.н., ст.н.с. ИАФР РАН **Н.Е.Хохольковой** был рассмотрен феномен деколонизации африканских исследований, а также способы конструирования «освобожденной эпистемологии», предложенные южноафриканскими историками и философами. **В.Г.Шубин**, д.и.н., проф., гл.н.с. ИАФР РАН, представил анализ работ Н.А.Телепнёвой – первого исследователя, обратившегося к российским архивам по проблематике деколонизации Анголы, Мозамбика и Гвинеи-Бисау. Аспирантка ИВИ РАН **К.И.Попова** рассказала, как отражалась тематика колониализма в исторической африканистике ГДР. Доклад д.и.н., проф. УрФУ **А.В.Антошина** был посвящен восприятию проблем колониализма и процессов деколонизации русскими публицистами-эмигрантами.

Разнообразие предложенных тем, оригинальность исследовательских подходов не только вызвали оживленные дискуссии, но и позволили участникам расширить представления о колониальных дискурсах и контрдискурсах, а также обозначить возможные векторы дальнейшей работы. По итогам конференции планируется издать сборник статей.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Грибанова Валентина Валерьевна, кандидат исторических наук, ст.н.с., зав. Центром истории и культурной антропологии, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Valentina V. Gribanova, PhD (History), Senior Researcher, Head, Centre for History and Cultural Anthropology, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Хохолькова Надежда Евгеньевна, кандидат исторических наук, ст.н.с., Центр истории и культурной антропологии, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Nadezhda E. Khokholkova, PhD (History), Senior Researcher, Centre for History and Cultural Anthropology, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 29.11.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 12.12.2023

Принята к публикации
(Accepted) 20.01.2024

DOI: 10.31857/S032150750030061-9

Роль сферы услуг в социально-экономическом развитии Африки

© Калиниченко Л.Н.^{a,b}, Морозенская Е.В.^{a,c}, 2024

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID: 0000-0003-0531-9873; kalinichenkolyudmila@mail.ru

^c ORCID: 0000-0001-6311-1718; evmorozen@mail.ru

Резюме. Научная конференция «Сфера услуг в Африке: современное состояние и перспективы развития», состоявшаяся в ноябре 2023 г., была организована Центром изучения проблем переходной экономики Института Африки РАН. Представленные на сессиях доклады были посвящены проблемам быстрого увеличения доли сектора услуг в экономике африканских стран, изменения его структуры и возрастания роли в формировании современной модели социально-экономического развития.

Основное внимание выступающих было сосредоточено на 4 основных направлениях: роль сферы услуг в развитии африканской экономики; туристические услуги; информационные, консультационные, управленческие услуги; услуги в сфере безопасности, культуры, здравоохранения, государственного управления. Особо отмечались происходящие изменения в основных формах доступа потребителей к услугам в эпоху цифровизации и особенности неформального рынка услуг в Африке.

Рассматривались также возможности расширения российско-африканского сотрудничества в сфере научно-технологических и образовательных услуг.

Ключевые слова: Африка, сфера услуг, социально-экономическое развитие

Для цитирования: Калиниченко Л.Н., Морозенская Е.В. Роль сферы услуг в социально-экономическом развитии Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 2. С. 68–71. DOI: 10.31857/S032150750030061-9

The Role of the Service Sector in Africa's Socio-Economic Development

© Lyudmila N. Kalinichenko^{a,b}, Evgenia V. Morozenskaya^{a,c}, 2024

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b ORCID: 0000-0003-0531-9873; kalinichenkolyudmila@mail.ru

^c ORCID: 0000-0001-6311-1718; evmorozen@mail.ru

Abstract. The scientific conference “Service Sector in Africa: Current State and Development Prospects”, held in November, 2023, was organized by the Centre for Transition Economy Studies of the Institute for African Studies (Russian Academy of Sciences). The reports presented at the sessions were devoted to the problems of rapid increase in the service sector share in African countries' economy, changes in its structure and increasing role in the formation of a modern model of socio-economic development.

Speakers focused on 4 main areas: 1) the role of the service sector in the development of Africa's economy; 2) tourist services; 3) information, consulting, management services; 4) services in the field of security, culture, healthcare, public administration. Particular reference was made to the changes taking place in the main forms of consumer access to services in the era of digitalization and the peculiarities of the informal services market in Africa.

The possibilities of expanding Russian-African cooperation in the field of scientific, technological and educational services were considered as well.

Keywords: Africa, services, socio-economic development

For citation: Kalinichenko L.N., Morozenskaya E.V. The Role of the Service Sector in Africa's Socio-Economic Development. *Asia and Africa today*. 2024. № 2. Pp. 68–71. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030061-9

На Сессии I конференции докладчики обсуждали **роль сферы услуг в развитии африканской экономики**.

Как отметила к.э.н. **Е.В.Морозенская** (ИАФр РАН), рост вклада сектора услуг в создание валового внутреннего продукта, характерный для всех африканских стран, отражает не только влияние общеми-

ровой тенденции, но и происходящие в них социально-экономические изменения. При этом наблюдаются различия в динамике роста отдельных отраслей сферы услуг, в их воздействии на структуру и содержание внутренних и внешних факторов экономического развития. При этом в Африке чрезвычайно большую роль играет неформальный рынок услуг.

В докладе к.э.н. **А.А.Ткаченко** (ИАФР РАН) развитие сферы услуг в условиях системного кризиса, наблюдаемого в странах Северной Африки и Ближнего Востока, было охарактеризовано как ключевое направление решения проблемы безработицы. Выделяя старые и новые отрасли, определяющие положение на рынке труда, рассматривая влияние демографического фактора и миграционных процессов на занятость самодельного населения в отдельных странах, он отметил двойственный характер роста сектора услуг, дополнив его анализом государственной политики в этой сфере.

Д.э.н. **А.Л.Сапунцов** (ИАФР РАН), отметив, что по классификации ЮНКТАД, инфраструктурные отрасли экономики представлены предприятиями по оказанию услуг на транспорте (морские порты и аэропорты, железные и автомобильные дороги и пр.), в сфере ИКТ, распределения энергии, воды и природного газа (включая коммунальные услуги), проанализировал поступление в них прямых иностранных инвестиций в странах Африки, в т.ч. в рамках многонациональных предприятий.

Доклад PhD **Н.А.Цаценко** (НИУ ВШЭ) был посвящен актуальным научно-методологическим вопросам соотношения новой индустриализации (возрождение сектора обрабатывающей промышленности в ряде быстроразвивающихся стран Субсахарской Африки) и их преждевременной деиндустриализации. Наблюдаемый при этом значительный рост занятости в таких секторах сферы услуг, как торговля и транспорт, обеспечивается в основном за счет неформальной деятельности и более низкой производительности труда, чем в секторах промышленности.

Анализируя вопросы подготовки Россией национальных кадров квалифицированных специалистов для стран Африки, к.и.н. **В.В.Грибанова** (ИАФР РАН) остановилась на плюсах и минусах российского образования для африканцев, подчеркнув, с одной стороны, его высокое качество и доступность, а с другой – непризнание дипломов большинства вузов РФ на международном уровне. Важным направлением сотрудничества является популяризация русского языка в Африке, в т.ч. при помощи увеличения числа Российских центров науки и культуры на континенте.

Сессия II была посвящена проблеме развития в странах Африки сектора **туристических услуг**, проходящего этап постепенного оживления после значительного спада в период пандемии *COVID-19*.

Член-корр. РАН, д.э.н. **А.В.Кузнецов** (ИНИОН РАН) проанализировал главные барьеры для развития туризма на Африканском континенте, включая объективные причины природного характера, политическую нестабильность, сравнительную закрытость от внешнего мира, слабое развитие транспортной и гостиничной инфраструктуры, недостаточное рекламирование туристических возможностей. Остановившись на причинах незначительной роли российских прямых инвестиций в сектор недвижимости Африки, он осветил перспективные направления участия России в турбизнесе континента.

В выступлении **Л.Н.Калининченко** (ИАФР РАН) подчеркивалось, что наряду с расширением гостиничных сетей многонациональных компаний (*Marriott, Radisson, Accor Group* и др.), лидирующих в сфере международных гостиничных предложений на континенте с более чем 60% рынка, заметное место в секторе гостеприимства начинают занимать местные африканские бренды – этому способствует увеличение численности африканского среднего класса, совершающего бизнес-поездки по всему континенту.

Важное значение цифровых и информационных услуг в развитии туристического бизнеса отметила к.э.н. **З.С.Новикова** (ИАФР РАН). Африканское интернет-пространство (*Afra-Net*) предлагает широкие возможности для привлечения туристов с помощью интернет-сайтов со сведениями о визовом режиме, достопримечательностях, государственной структуре, экономике и финансах стран Африки, а также обеспечивает подключение к Глобальным системам бронирования и резервирования.

Е.А.Елькина (ИАФР РАН) остановилась на критических моментах в истории туристической отрасли Египта, являющейся одним из трех основных источников поступления иностранной валюты, наряду с доходами от эксплуатации Суэцкого канала и переводами граждан Египта из-за рубежа, а также отметила стимулы для возрождения этой отрасли. Среди них – ориентация на местный и в целом арабский туристический рынок и государственное субсидирование перелетов внутри страны и отелей.

Факторы преимуществ туризма на Африканском континенте для его выбора *VIP*-туристами были в центре внимания к.и.н. **Л.Я.Прокопенко** (ИАФР РАН), которая подчеркнула возрастающее влияние на

такой выбор осведомленности, осознанного отношения к окружающей среде и ответственности туристов. Представители элитного туризма могут стать инвесторами в этот сектор экономики, обладая информацией о различных программах по его развитию, включая совместный семейный отдых нескольких поколений.

В ходе **Сессии III** докладчики рассмотрели особенности использования и продвижения в Африке различных видов современных **информационных, консультационных и управленческих услуг**, увеличивающих значение инноваций в формировании современной модели хозяйственного развития стран Африки.

К.э.н. **О.В.Константинова** (ИАФР РАН) отметила важность африканских стартапов для распространения цифровых услуг как фактора стимулирования роста занятости более чем 22 млн африканцев, ежегодно вступающих в трудоспособный возраст. В Африке бурно развиваются стартапы в области цифровых технологий: от отправки денег (*Afriex*, Нигерия), стимулирования сотрудников к занятиям спортом (*Strove*, ЮАР) до предложений по изучению рынка (*Rwazi*, Маврикий) и др.

В продолжение темы **Е.В.Бучнев** (Финуниверситет) назвал доступность интернета важнейшим фактором развития африканских государств, где доступ к интернет-услугам имеют лишь 40% жителей (при среднемировом показателе 66%). Между тем рост численности населения, развивающиеся экономики, потребность в создании национальных моделей кибербезопасности являются потенциальным рынком для различных акторов и организаций.

Д.и.н. **Т.Л.Дейч** (ИАФР РАН) осветила вопросы взаимодействия в сфере цифровых услуг Африки с Китаем, уже реализующим в 44 странах континента различные проекты – от совместных исследований в сфере новых технологий до строительства «умных городов», использования ИКТ для поддержания общественного порядка, обеспечения доступа к мобильному Интернету и др. Согласно Программе цифровой инновации, в Дакарском плане действий (2022–2024) предусматривается совместная реализация 10 проектов цифровой экономики.

К.и.н. **О.С.Кулькова** (ИАФР РАН) отметила стремление ЕС увеличивать инновационный потенциал европейских и африканских исследований в соответствии с совместной программой в области науки, технологий и инноваций АС – ЕС на 2023–2033 гг. В Африке доступ к высокоскоростному Интернету способствует росту удаленной занятости, в т.ч. ИТ-специалистов с более низкой зарплатой, чем в европейских технологических компаниях, которые всё чаще привлекают африканских программистов.

Как отметил **А.Д.Новиков** (ИАФР РАН), рынок консультационных услуг в Африке узок из-за крайне низкого спроса и предоставляются они в основном западными компаниями, связанными с крупными инфраструктурными проектами и ИТ-сектором. К образовательным и консультационным услугам можно отнести техническую помощь, оказываемую как развитыми государствами (официальная помощь развитию – ОПР), так и институтами развития (ЮНКТАД и ЮНИДО, группа Всемирного банка, МВФ и Африканский банк развития).

Повышение эффективности аграрного производства зависит, подчеркнула **Н.Г.Гаврилова** (ИАФР РАН), как от увеличения урожайности культур и поголовья скота, так и от распространения сопряженных сервисов, прежде всего инновационных (информационная помощь фермерам, финансовые услуги, управление данными агробизнеса и др.). Их совершенствование будет способствовать достижению целей продовольственной безопасности, создания рабочих мест, сокращения миграции из сел в города и др.

Н.Ф.Матвеева (ИАФР РАН) на примере деятельности Агентства по развитию чаеводства в Кении (*Kenya Tea Development Agency, Ltd*), действующего в рамках государственной политики содействия экспортному сельскохозяйственному производству, охарактеризовала особенности предоставления фермерам управленческих и посреднических услуг, включая финансовые, брокерские и др., а также услуг, обеспечивающих синхронность функционирования всех компаний холдинга.

В центре внимания на **Сессии IV** был широкий круг аспектов предоставления услуг в сфере **безопасности, культуры, здравоохранения, государственного управления**.

К.и.н. **Т.С.Денисова** (ИАФР РАН) проанализировала деятельность частных военных/охранных компаний (ЧВОК), которые стали играть важную роль, восполняя пробелы в структуре безопасности, и в результате превратились в фактически легитимные субъекты. Однако существование ЧВОК вызывает ряд вопросов, связанных с контролем над их деятельностью, в т.ч. над взаимоотношениями с мирными гражданами, соблюдением принципов международного гуманитарного права, незаконной эксплуатацией природных ресурсов, торговлей оружием, связью многих из них с организованной преступностью.

Растущий интерес правительств стран Африки к музейному делу осветила к.и.н. **М.А.Володина** (ИАФР РАН), отметив увеличение его финансирования на основе как государственных программ, так и иностранных инвестиций. Проведение совместных исследований африканцев и представителей иностранных академических сообществ приводит к созданию новых музейных коллекций, что способствует привлечению туристов. Особенности музейного дела на континенте заключаются в мозаичности народов, культур, традиций.

Как отметила **К.А.Зайцева** (Медколледж УДП РФ), особое внимание африканских правительств в системе здравоохранения привлечено к вопросам, связанным с профилактикой опасных инфекций, включая прививки и улучшение санитарных условий жизни населения. Расширение услуг здравоохранения в странах Африки тормозится нехваткой помещений, современного оборудования и медикаментов в медицинских учреждениях, сложностями в подготовке квалифицированных кадров.

Проблемы здравоохранения в ЮАР вызваны, считает **Е.С.Нестерова** (ИАФР РАН), тем, что государственная медицина, оказывающая в основном только первичные медицинские услуги 86% жителей страны, перегружена и недофинансирована. Не решена проблема создания системы Национального медицинского страхования, предполагающей оказание бесплатной неотложной помощи, что позволило бы государству контролировать сферу платных услуг.

Рассматривая проблемы безопасности в программах помощи странам Сахеля для преодоления кризиса 2020–2023 гг., **Е.А.Абрамова** (ИАФР РАН) сфокусировалась на содействии Франции развитию систем государственного управления в Мали, Буркина-Фасо, Нигере. Размеры французской ОПР на цели борьбы с коррупцией, проведения эффективной макроэкономической политики и др. были незначительными, происходит смещение помощи в сторону политической компоненты.

Как отметил **И.В.Шелен** (ИАФР РАН), одним из аспектов государственного управления в Нигерии является деятельность Центрального банка, проводящего политику в области регулирования платежных услуг с целью выведения платежной системы страны на уровень мировых стандартов. В программе «Видение платежной системы 2025» значительное место уделяется применению электронных платежей, безопасности функционирования системы, разработке новых инструментов.

Вопрос о роли рынка криптовалют в деколонизации Африки поднял д.полит.н., к.э.н. **Д.А.Дегтерев** (ИАФР РАН). Данная проблема актуальна для стран континента, ежегодно включаемых в топ-20 Глобального индекса внедрения криптовалют (*Global Crypto Adoption Index*). Хотя ряд исследователей полагает, что это усиливает неравноправное положение этих стран в системе финансовых центр-периферийных отношений, криптовалюты становятся важным платежным средством в трансграничных операциях. Вместе с тем, несмотря на ограничения для перевода средств на централизованные криптобиржи, развитие крипторынков в Африке сопровождается отсутствием правил их регулирования.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Калининченко Людмила Николаевна, ст.н.с. Центра изучения проблем переходной экономики, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Lyudmila N. Kalinichenko, Senior Researcher, Centre for Transition Economy Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Морозенская Евгения Викторовна, кандидат экономических наук, в.н.с., зав. Центром изучения проблем переходной экономики, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Evgenia V. Morozenskaya, PhD (Economics), Leading Researcher, Head, Centre for Transitional Economy Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 21.11.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 14.12.2023

Принята к публикации
(Accepted) 21.01.2024

Социальная проблематика в романе М. Мошфека Каземи «Страшный Тегеран»

© Норузи М.^а, 2024

^а Государственный университет им. Алламе Табатабаи, Тегеран, Иран
ORCID: 0000-0001-6919-0138; mah.norouzi@atu.ac.ir

Резюме. Статья посвящена анализу социальной проблематики романа М.Мошфека Каземи «Страшный Тегеран», являющегося первым образцом социально-реалистического романа в современной персидской прозе. В романе отражены основные социальные проблемы иранского общества после конституционной революции в начале XX в. В этом произведении из освещенных автором социальных проблем его больше всего интересует женский вопрос в патриархальном обществе и необразованной среде, живущей по старым канонам.

Приступая к анализу социальной проблематики в романе «Страшный Тегеран», мы приходим к выводу, что политические и социальные преобразования в Иране во время конституционной революции и после неё изменили отношение общества к таким вопросам, как положение женщины в обществе, её права и свободы. Следует отметить, что у автора романа неглубокий подход к социальным проблемам и он так и не предлагает решения существующих в обществе проблем.

Ключевые слова: современная персидская проза, социальный роман, социальная проблематика, патриархальное общество, положение женщин

Для цитирования: Норузи М. (Иран). Социальная проблематика в романе М.Мошфека Каземи «Страшный Тегеран». *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 2. С. 72–78. DOI: 10.31857/S032150750029348-4

Social Issues in M. Moshfeq Kazemi's Novel "The Terrible Tehran"

© Mahnaz Norouzi^a, 2024

^a Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran
ORCID: 0000-0001-6919-0138; mah.norouzi@atu.ac.ir

Abstract. The paper aims to provide an analysis of the social issues of the novel "The Terrible Tehran" by M.Moshfeq Kazemi, which is the first example of a social-realistic novel in the modern Persian prose. The novel reflected the main social problems of Iranian society after the constitutional revolution at the beginning of the 20th century. The author is most interested in the women's issue in a patriarchal society and uneducated social environment living according to old canons.

Starting to analyze social issues in the novel "The Terrible Tehran," we come to the conclusion that political and social transformations in Iran during the constitutional revolution and after it changed society's attitude to such issues as the position of women in society, her rights and freedoms. It should be noted that the author of this novel has a shallow approach to social problems and he does not offer solutions to the problems existing in society.

Keywords: modern Persian prose, social novel, social issues, patriarchal society, position of women

For citation: Norouzi M. (Iran). Social Issues in M. Moshfeq Kazemi's Novel "The Terrible Tehran". *Asia and Africa today*. 2024. № 2. Pp. 72–78. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750029348-4

ВВЕДЕНИЕ

Всё происходящее в общественной жизни зависит от политических и исторических факторов. По мнению Люсьена Гольдмана, французского философа и социолога, «автор, сам того не ведая, становится журналистом, который передает всё, что происходит в жизни» [1, p. 71]. В прошлом веке в Ира-

не, особенно после конституционной революции, в обществе произошли глубокие социально-политические потрясения, из-за чего изменения претерпела и литература. Таким образом, многие писатели и поэты, затронутые этой литературной революцией, постепенно взяли на себя социальную миссию, интерес к социальным проблемам стал основополагающим в их творчестве. Первым автором, обратившимся в этот период в своих произведениях к социальным проблемам, был Мортеза Мошфех Каземи.

Литературная судьба М.Каземи была связана с самым крупным литературным направлением начала XX в. – современной персидской художественной прозой. Писателя относят к числу её родоначальников. В своем первом романе – «Страшный Тегеран» («*Техран-э махуф*») (1-й том) и «Память о единственной ночи» («*Йадегар-э йек шаб*») (2-й том) – он отразил все значимые стороны современной ему действительности. По мнению исследователей, роман «Страшный Тегеран» считается первым социально-реалистическим, а точнее, социально-романтическим произведением современной персидской литературы.

В романе писатель «изобразил ужасное положение Тегерана накануне государственного переворота 21 февраля 1921 г. и описал общество, в котором не было ни благочестия, ни целомудрия, в нём повсюду были распространены взяточничество, предательство, несправедливость, несчастье, насилие, отчаяние и тревога» [2, р. 134]. Критики считают «Страшный Тегеран» самым удачным произведением писателя. Герои романа – проблемные люди, столкнувшиеся с противостоянием традиций и современности.

Описание Тегерана и условий жизни женщин – обитательниц публичных домов в романе М.Каземи порождает ассоциации с повестью «Яма» А.И.Куприна. Отметим, что ее роман не содержит такого множества ярко выраженных натуралистических элементов, как в повести русского писателя. Каземи больше пишет о социальных проблемах, ставших причиной неустроенного положения падших женщин.

В данной статье будет рассматриваться именно эта сторона романа.

ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М.МОШФЕКА КАЗЕМИ

Сейед Мортеза Мошфех¹ Каземи родился в Тегеране в 1902 г. Начальное образование получил в престижной гимназии Даролфонун в Иране, после окончания которой поступил на юридический факультет в Германии. Там он стал членом редколлегии журналов «*Иранишахр*» и «*Фарангестан*». Затем в 1926 г. он вернулся в Иран и некоторое время руководил журналом «*Иран-е Джаван*» («Юный Иран»). Позже он поступил на работу в Министерство иностранных дел и сразу же был направлен в зарубежные миссии советником по культуре. Через некоторое время его назначили первым секретарем посольства Ирана в Швеции, а затем руководителем отдела церемоний Министерства иностранных дел, где он прослужил долгое время. М.Каземи скончался в 1978 г. в возрасте 76 лет.

Одно из значимых его произведений – роман «Страшный Тегеран», впервые опубликованный в форме романа-фельетона в Иране в газете «*Сетаре-йэ Иран*» («Звезда Ирана») в 1922 г., а полный текст вышел отдельным изданием в 1924 г. в Берлине. По мнению Мирабеддини, иранского литературоведа и критика, роман «Страшный Тегеран» «положил начало жанровой форме романа-фельетона во времена давления и насилия правительства Реза-хана и был написан с целью повышения грамотности и интереса людей к литературе» [3, р. 4].

Писатель создал этот роман, когда был еще совсем молодым человеком. В предисловии к первому тому романа автор говорит, что написал его в возрасте 19–20 лет и лучше, чем кто-либо, знает, что в его стиле и изложенных в нём идеях есть много недостатков [4, р. 3]. Но, так или иначе, М.Каземи «принадлежал к привилегированному и хорошо образованному классу, который знал толк в хорошей литературе. К тому классу, который следовал идеалу чистого искусства и искал своего интеллектуального и морального героя среди художников-романтиков и их произведений» [5, р. 62].

Книга была очень популярна в свое время по двум причинам: первая – автор представляет картину общества Ирана, переживающего глубокий кризис; вторая же заключается в том, что он искренне, без всякой театральности, изложил на бумаге всё, что сам видел, и описал вызванные этим чувства. Можно сказать, что «так же, как роман Виктора Гюго “Отверженные” важен для понимания парижского общества в годы правления Наполеона III, а рассказы Диккенса и Джорджа Элиота для понимания виктори-

¹ Его авторский псевдоним до конца жизни (*прим. авт.*).

анской Англии, роман Мошфека Каземи также очень важен для понимания недавнего прошлого Ирана» [5, р. 62].

Роман «Страшный Тегеран» был переведен на русский, турецкий и азербайджанский языки. Русский перевод первой книги был сделан В.Г.Тардовым в 1934 г., а второй – в 1936 г. в Ташкенте. «Этой книге было суждено стать самым переиздаваемым персидским романом в Советском Союзе... – отмечает Евгения Никитенко, доцент Института классического Востока и античности. – Все издания “Страшного Тегерана” выходили в столицах советских республик с преимущественно мусульманским населением: в Баку, Ашхабаде, Ташкенте, а также в Душанбе (уже после распада СССР)» (см. [6, с. 9–10]). У писателя есть другие известные произведения – роман «Гол-э пажмордэ» («Увядший цветок», 1929 г.), «Рашк-э порбах» («Драгоценная ревность», 1930 г.), но в них социальная тематика не выведена на первый план.

СЮЖЕТНАЯ ЛИНИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА

Действие романа происходит на фоне исторических событий, сопровождавших государственный переворот 21 февраля 1921 г. и падение «Черного кабинета» (90-дневное правительство Сейеда Зиауддина Табатабаи).

Первый том романа рассказывает о любви Фарроха и Махин. Фаррох, главный герой, – молодой аристократ, чья семья потеряла свое богатство и положение с приходом конституционного строя. Он давно был влюблен в свою двоюродную сестру Махин. Однако её родители категорически против их брака. Отец Махин, Ф.Аль-Салтане ради укрепления своего социального положения планирует отдать дочь за Сиаваша-Мирзу, развязного сына одного из влиятельных помещиков Тегерана. По ходу повествования автор переносит читателя в один из публичных домов Тегерана и рассказывает о тяжелой судьбе работающих в нём женщин. Так читатель постепенно погружается в их мир. Одна – дочь мясника, другая – дочь продавца тканей; они рассказывают, как попали в ловушку и были вынуждены пойти в публичный дом.

Однажды ночью Фаррох, погруженный в свои мысли, сам того не ведая, спасает своего соперника, Сиаваша-Мирзу, от неминуемой гибели. Тогда же он помогает проститутке Эффат выбраться из тяжелого положения, в котором она оказалась, и вернуться домой. Отец Махин отправляет её в город Кум вместе с её матерью, чтобы спрятать дочь от Фарроха. Узнав об этом, Фаррох находит Махин на полпути и отвозит её в деревню Эвин, где они проводят вместе ночь. Однако их счастье длилось недолго. На рассвете приезжает отец Махин, насильно возвращает её домой и быстро устраивает её свадьбу с Сиавашем-Мирзой.

В первую брачную ночь Махин внезапно теряет сознание, и врач после осмотра объявляет, что невеста беременна. Беременна она от Фарроха. Отец в бешенстве; он с помощью влиятельных друзей строит коварный план мести. По его приказу правительственные агенты арестовывают Фарроха как мятежника и увозят его в далекое место – Калат. Махин умирает, родив сына. Но за несколько мгновений до смерти она просит родителей относиться к ребенку и Фарроху с любовью и уважением. Первый том заканчивается смертью Махин.

Второй том книги под названием «Память о единственной ночи» на самом деле изображает другую ужасную сторону «страшной столицы – Тегерана». История начинается с Фарроха, который убегает от правительственных агентов с помощью жителей одной деревни, у которых затем работает батраком. Через некоторое время хозяин поселка, видя его успехи, нанимает его бригадиром. Его хозяин, недавно ставший главой иранского посольства в Ашхабаде, забирает Фарроха с собой в Россию, где в это время гремит революция. В Бадкубе Фаррох знакомится с высокопоставленным членом комитета, состоящего из живущих в России иранцев.

Члены этого комитета – иранские социалисты, которые пытаются создать в Иране революционные условия, как в России. Фаррох присоединяется к ним и возвращается в Иран через Анзали. Он сопровождает революционеров, когда те занимают северные города Ирана. Однако между радикальным и умеренным крылом партии возникают разногласия, что приводит к убийству одного из близких друзей Фарроха. Тогда он покидает партию и вступает в Персидскую казачью дивизию, отправившуюся в северный регион, чтобы дать отпор повстанцам. Скоро Фаррох благодаря своим достоинствам и заслугам достигает успеха и становится одним из видных деятелей в этом отряде.

В Казвине он просит Резу-хана поручить ему арестовать некоторых правительственных чиновников после взятия Тегерана. Когда в Тегеране происходит переворот Сейеда Зии, Фаррох первым делом отправился к отцу Махин в форме казака и отправляет его в тюрьму. Одна из служанок в доме отца Махин сообщает ему, что у него есть сын. Фаррох мстит всем своим врагам и поручает Эффат заботиться о его ребенке. Через некоторое время он привязывается к Эффат. После падения правительства Сейеда Зии и освобождения заключенных Фаррох начинает мирную жизнь вместе с Эффат и своим сыном. На этом роман и заканчивается.

Само название романа дает читателю общее представление об основной теме произведения. Прилагательное «страшный» рядом с названием города-столицы указывает, что автор судит жестокое общество и светские пороки, мастерски создавая картину столичного общества того времени. В этом романе Тегеран является символом всего Ирана, Фаррох представляет собой интеллигенцию, а Махин символизирует родину (мАхИн и мИхАн – по-персидски Махин – имя женское, и Михан значит «Родина»). Судя по всему, сходство двух имен – Махин и Михан – не случайны, а любовь Фарроха к ним обеим также говорит об их взаимосвязи. Смерть Махин – «метафора краха революции. Фаррох одновременно сгорает в огне любви и к Махин, и к Родине, которые полны надежд на изменения, полны боли и страданий» [7, р. 42].

Как указывает Кристоф Балаи, французский переводчик и исследователь иранской литературы, «в этом романе, написанном в стиле “рассказ в рассказе”, мы сталкиваемся с тем, что тот, от чьего лица ведется повествование, зависит от времени и места действия, то есть с множеством повествователей» [8, р. 45]. Например, в ночь, когда обитатели публичного дома собираются и рассказывают о своей судьбе, повествование ведется от первого лица: «Взяв с килима новую папиросу и затянувшись несколько раз, Эшреф начала: – Отец мой – что уж от вас скрывать – был просто мясник. А мать – сестра нашей хозяйки Нахид-ханум – занималась тем, что, сидя дома, сучила хлопковую пряжу...»² [4, р. 52]. Однако больше всего автор говорит от третьего лица, от имени всеведущего рассказчика, что свидетельствует о значимости для автора вопроса революции в Тегеране.

В романе автор постоянно обращается к читателям и ведет с ними беседы, порой высказывает свое мнение о происходящих событиях и наставляет читателя, как ему следует мыслить и судить о людях. По всей видимости, осознание автором присутствия читателя, как и в первых произведениях Алламе Деходы и первых рассказах Мохаммада-Али Джамалзаде, уходит корнями в русскую литературную традицию. Как в пушкинском «Евгении Онегине» или в «Мертвых душах» Гоголя, в произведениях Тургенева и Салтыкова-Щедрина, читатель непосредственно присутствует в романе «Страшный Тегеран», так как читатель-адресат – это современная автору публика. Таких фраз в романе много: «В день, когда начинается наш рассказ...», «Прежде чем уважаемые читатели узнают...», «Если читатели отнеслись внимательно к тому, что нами было сказано ранее...», «Мы оставили Фарроха в тот момент, когда...» и т.п.

Авторы художественного произведения для создания образа героя используют разные средства, основными из которых являются: «1) явное представление персонажа с помощью прямого описания и словесно-художественного портрета (прямая характеристика); 2) представление персонажа через его речь, действия, психологический портрет и т.п. с небольшим описанием или без него (косвенная характеристика); 3) представление внутреннего мира персонажа без всякой интерпретации и психологической детализации» [12, pp. 87–92]. В романе «Страшный Тегеран» персонажи представляются главным образом посредством прямой характеристики – самого простого и основного способа создания литературного образа. Герои романа делятся на две группы: к первой группе относятся знатные люди, их единственная цель – получить больше власти и богатства и предотвратить социальные преобразования; ко второй группе относится масса людей, бедных и несчастных, жалующихся на тяготы жизни. Эти люди – в обеих группах – просты и одномерны, их прошлое и будущее можно определить по их бедности или богатству.

Такие люди как Ф.Аль-Салтане, принц К. и его сын Сиаваш-мирза и Али Ашраф-хан – муж Эффат, которых автор представляет как часть богатого сословия, являются абсолютными злодеями; а такие люди, как Фаррох, Джавад – слуга Фарроха, Эффат и Махин, – люди терпеливые, нравственно поря-

² Перевод всех приведенных фраз из романа с персидского на русский в тексте был взят из перевода В.Г.Тардова: «Страшный Тегеран». Ашхабад. Туркменское Государственное издательство. 1961 г. (прим. авт.).

дочные и сострадательные, они абсолютно добры. По ходу действия романа мы видим, что автор явно на стороне второй группы. Автор, еще не отошедший от иранской классицистической традиции, изображает персонажей либо абсолютно отрицательными, либо абсолютно положительными, хотя они, в отличие от героев сказок, всё же реалистичны, они отражают дух места и времени.

В романе «Страшный Тегеран» есть также два образа людей из разных социальных слоев, принадлежащих к литературным типам в социальных романах того времени: образ падшей женщины и образ чиновников. Наряду с этими литературными типами изображаются и представители других слоев общества – купцы, духовные лица, аристократы, интеллигенты и т.д.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В РОМАНЕ «СТРАШНЫЙ ТЕГЕРАН»

В иранском обществе того времени наблюдаются различные социальные проблемы, такие как патриархальный уклад жизни, проституция, власть мужчин, насилие в отношении женщин и их использование как средства построения карьеры и получения высокого социального статуса для мужчин, отсутствие идентичности у женщины, неравенство между женщиной и мужчиной в обществе, неграмотность, принудительный брак и суеверия. В принципе, в социальных романах показаны подлинные картины общества с его недостатками, в них автор, описывая события и действия героев, пытается донести до читателя свое мнение, предлагает пути решения социальных проблем. Как и во всех первых социальных романах в Иране, у автора «Страшного Тегерана» неглубокий подход к социальным проблемам.

В целом всех героев этой истории можно рассматривать как субъектов, подчиняющихся условиям общества. В этой ситуации ни у кого нет своей воли и ничего не ценно, кроме денег, статуса и мимолетных удовольствий. Отец Махин жертвует дочерью ради статуса. Принц К. хочет женить своего сына на Махин из-за денег Ф.Аль-Салтане – отца Махин, и в то же время сын Принца К., Сиаваш-Мирза, думает о развлечениях, которые можно устроить на деньги тестя. Фактически основными жертвами являются женщины.

Большинство мужчин в этом романе погрязли в коррупции и разврате. Например, муж Эффат использует её как средство для построения карьеры. В тексте романа в неожиданной беседе между Фаррохом и Сиавашем-Мирзой читаем: «Не обнаруживая ничем своего волнения, он (*Фаррох*) спросил: – Вы не сказали еще, с кем вы собираетесь вступить в брак? Сиавуш спокойно ответил: – С дочерью господина Ф...эс-сальтанэ. Отец говорит, что после этого брака наш огромный капитал удвоится. Тогда мне будет на что повеселиться» [4, р. 108].

Автор романа весьма полно представил различные группы иранского общества того времени, такие как горожане, столичная элита, молодые аристократы, рыночные торговцы и ремесленники, муллы-святоши, чиновники, женщины – обитательницы публичных домов, молодые интеллектуалы, солдаты, бедняки, слуги и др. В целом общество, состоящее из этих слоев, устроено так, что человеческие ценности забываются, из-за чего распространяется тьма невежества. Очень символично такое описание автора: «Каждый раз, когда он (*Фаррох*) оглядывался на город с вершины холма, он видел, как огни домов гаснут один за другим, и с каждым мгновением Тегеран все глубже погружался во тьму» [4, р. 95].

В конце этого двухтомного романа Фаррох, разочаровавшись в свободе, равенстве и реформах, говорил себе: «Что касается меня, то, если я сумею воспитать моего сына и уберечь его от разложения в этой среде, если не допущу его превращения в такого же равнодушного к родине лентяя, как его современники, – я исполню свой долг, насколько это в моих силах» [4, р. 331]. Так что главный герой романа и сам автор не предлагают решения существующих в обществе проблем.

Главной темой в романе стали социальные права и свободы женщин. В традиционном иранском обществе, как и в других странах, женщины считались чем-то второсортным; однако, осознав свое положение и познакомившись с идеями, привнесенными с Запада, они стали выражать недовольство сложившейся ситуацией. Эта неудовлетворенность проявилась в литературном творчестве писателей того периода. Примерно в одно время с конституционной революцией передовые иранские писатели, вдохновляясь западноевропейской литературой, в своем творчестве стали «рассматривать женщину как социальное явление, а её образ стал входить в литературу. Особенно авангардисты и вольнодумцы обращали внимание на её бедность, несчастье и несвободу, на несправедливость в отношении женщины и на её семейные и социальные лишения» [10, р. 28]. Именно в то время М.Каземи начал писать о некоторых общественных проблемах в своем романе-фельетоне «Страшный Тегеран».

В описываемом обществе царит безнравственность, а её главными жертвами становятся женщины. По словам Мирабедини: «В социальных романах женщина изображается жертвой суеверного и отсталого общества, вынужденной отказаться от своей любви и смириться с нежелательным браком и унижительной традицией многоженства и односторонних разводов. Описывая положение девушек, соблазненных похотливыми богатыми мужчинами, авторы проявляют озабоченность судьбами женщин и протестуют против социальной несправедливости и распространенности среди женщин неграмотности, невежества и суеверий» [11, р. 55].

Автор романа, изображая жалкое положение женщин в патриархальном столичном обществе того времени, стремится точно передать свою мысль о низком социальном статусе женщины как в личной, так и в общественной жизни. Необыкновенно трагическая тональность описания жизни падших женщин вызывает глубокое сочувствие читателя. Махин, в отличие от других женщин в романе, таких как Ашраф, Ахтар, Агдас и Эффат, является символом настойчивой и непокорной женщины, она много читает.

Образ Махин – намек на свободу и пробуждение женщин её времени. Она не приемлет безграничной власти мужчин в доме и обществе и выступает против решения отца. Как известно, «личность относится к набору моделей поведения, которые придают человеку индивидуальность и, следовательно, идентичность. Сочиняя увлекательную и идеальную историю, автор должен создать условия, чтобы читатели могли понять и оценить тип и личность персонажей на основе их действий по отношению к событиям и явлениям» [12, р. 108]. Глубокое невежество женщин приводит их к продажности и проституции, а неграмотность и суеверия, с одной стороны, и давление законов патриархального общества – с другой, мешают женщинам добиться своих прав и свобод.

В романе Мошфека также поднимается вопрос о браках по расчету, что либо приводит женщину в публичный дом (судьба Эффат), либо ведет её к смерти (судьба Махин). Однако взгляд Махин на брак отличается от традиционного. Она не признает распространенного в традиционном и патриархальном обществе порядка заключения брака по прихоти отца и думает только о мужчине, которого любит, хочет проводить с ним время. В отличие от своего отца, который думает только о деньгах и имуществе, Махин думает о любви и говорит ему в ответ: «Папа, оттого что Фаррох небогат, сердце мое от него не оторвется. Если другие ваши доводы более важны, тогда скажите. Может быть, они будут более убедительны» [4, р. 17]. В беседе между отцом и дочерью отчетливо видна пропасть между их мировоззрениями. Она еще «спокойно, не придавая значения гневу отца, ответила: – Нет, я всегда помню, что должна относиться к вам с уважением. Но если вы будете говорить мне вещи, которые противны моим убеждениям, то будете только напрасно тратить время: я их слушать не стану» [4, р. 16]. Становится понятным, что типическому образу отца-самодура противопоставляется своевольная дочь, символизирующая Родину-мать. В образе отца находят отражение те препятствия, которые отнимают у дочери свободу и право выбора. Мать Махин – типичный пример отсталой, стремящейся к роскоши женщины, удовлетворенной существующим положением, из-за чего она не приемлет идеи о женских свободах и пр. Интеллектуальное столкновение Махин и её родителей означает противостояние между необразованным и традиционным обществом и просвещенной и образованной средой. В болезненном переплетении любви и плена, свободы и традиции, судьба Махин – смерть.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, можно резюмировать, что в рамках традиции социальных романов М.Каземи дает серьезную критику проблем, связанных с женщиной и её подневольным состоянием, бедностью и унижением в патриархальной и беспощадной столичной среде. Читая роман, мы приходим к выводу, что политические и социальные преобразования в Иране во время конституционной революции и после неё изменили отношение общества к некоторым вопросам. Одним из них было положение женщины в обществе, её права и свободы. Все социальные проблемы, поднятые в этом романе, так или иначе связаны с женщинами и их положением в обществе того времени. Анализируя социальную проблематику в романе «Страшный Тегеран», мы приходим к выводу, что в обществе того времени доминировали патриархальные взгляды, поэтому женщины никогда не занимали в нём достойного и законного места. Несмотря на это, мы видим, что социальная, политическая и культурная система, сложившаяся в восточном по сути иранском обществе, привела к нарушению традиций женщинами (образ Махин) и в конечном итоге – к неудаче мужчин в вопросе доминирования над женщинами.

Перед нами множество персонажей, каждый из которых представляет определенный слой общества, и каждый из них на своем месте помогает автору показать социальные проблемы. Критическое отношение автора к таким социальным проблемам, как патриархат, проституция, власть мужчин, насилие в отношении женщин, неравенство женщин и мужчин, неграмотность, суеверия и др. отражается в судьбах героев романа. Исходя из последних слов главного героя романа, Фарроха, можно сделать вывод, что Мошфек, один из первых авторов, писавших социальные романы, не предлагает решения этих проблем, он лишь изображает реальное «страшное» лицо общества своего времени.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. گلدمن، لوسین، آدورنو، تئودور و دیگران (1376)، جامعه، فرهنگ، ادبیات، تهران: نشر چشمه (Goldman, L., Adorno, T. et al. 1997. Society, Culture, Literature. Tehran. Cheshme). (In Pers.)
2. قائمی فرزاد ادبیات پلید شهری و داستان معاصر فارسی // مجله ادبیات فارسی دانشگاه آزاد مشهد شماره 13. 1386. صص 122-134. (Ghaemi, Farzad. 2007. Urban filthy literature and contemporary Persian fiction. *Journal of Persian Literature*. Azad University of Mashhad. Iss. XIII. Pp. 122–134). (In Pers.)
3. چشمه (Mirabedini, Hassan. 2002. Fiction Literature. Tehran. Cheshme). (In Pers.)
4. مشفق کاظمی، مرتضی (1390)، تهران مخوف، تهران: امید فردا (Mushfeq Kazemi, M. 2011. The Terrible Tehran (Tehran-e Makhouf). Tehran. Omid-e Farda). (In Pers.)
5. بهارلو، محمد (1376)، رمان به عنوان انتقاد اجتماعی، دنیای سخن، شماره 75، صص. 62 تا 65. (Baharlu, Mohammad. 1997. The novel as social criticism. *Donya-ye Sokhan*. Iss. 75. Pp. 62–65). (In Pers.)
6. Никитенко Е.Л. 2020. Персидская проза XX–XXI веков в русских переводах. М.: Изд. дом ВШЭ. (Nikitenko E.L. 2020. Persian prose of the XX–XXI centuries in Russian translations. Moscow. (In Russ.))
7. عسگری، اکرم، پاکرو، فاطمه، اردستانی رستمی، حمیدرضا، (1402)، تحلیل سبک رمان پاورقی عامه پسند دهه 1320 تا 1332، با نگاهی به تهران مخوف از مشفق کاظمی و ده نفر قزلباش از حسین مسرور، مجله سبک شناسی نظم و نثر فارسی (بهار ادب)، دوره 16، پیاپی 85، صص 35-50 (Asgari A., Pakrou F., Ardestani Rostami H. 2023. Analysis of the style of the popular footnote novel of the 1320s to 1332s, with a look at The Terrible Tehran by Mushfiq Kazemi and Ten People of Ghazalbash by Hossein Masrou. *Journal of Prose and Prose Stylogogy Farsi (Bahar-e Adeb)*. Vol. XVI. № 85. Pp. 35–50). (In Pers.)
8. بالایی، کریستف (1377)، پیدایش رمان فارسی، ترجمه مهوش قدیمی و نسرين دخت خطاط، تهران: معین و انجمن ایرانشناسی فرانسه (Balace, Christoph. 1996. The Genesis of the Persian Novel. Trans. by Mahvash Ghadimi and Nasrindokht Katat. Tehran. Moein and French Iranian Society). (In Pers.)
9. میرصادقی، جمال (1380)، عناصر داستان، تهران: انتشارات سخن، چاپ چهارم (Mirsadeghi, Jamal. 2001. Story Elements. 4th edition. Tehran. Sokhan). (In Pers.)
10. مسکوب، شاهرخ (1373)، رمان حقیقی، تهران: پژوهش فروزان روز (Moskoub, Shahrokh. 1994. True Novel. Tehran. Pajouhesh-e Forouzan Rouz). (In Pers.)
11. میرعابدینی، حسن (1380)، صد سال داستان نویسی ایران، تهران: چشمه (Mirabedini, Hassan. 2001. One Hundred Years of Story Writing in Iran. Tehran. Cheshme). (In Pers.)
12. خسروی، ابوتراب (1392)، رود راوی، چاپ چهارم، تهران: چشمه (Khosravi, Abu Torab. 2012. The narrator's river. 4th edition, Tehran: Cheshme). (In Pers.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Махназ Норузи, кандидат филологических наук, старший преподаватель, заведующая кафедрой русского языка и литературы, государственный университет им. Алламе Табатабаи, Тегеран, Иран.

Mahnaz Norouzi, PhD (Philology), Assistant Professor, Head, Department of Russian language and Literature, Allameh Tabataba'i State University, Tehran, Iran.

Поступила в редакцию
(Received) 21.12.2023

Доработана после рецензирования
(Received) 23.01.2024

Принята к публикации
(Accepted) 28.01.2024

DOI: 10.31857/S032150750030062-0

Прекрасная Индонезия: история и культура в литературных портретах

© Астафьева Е.М.^а, 2024

^а Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8091-407X; katy-ast@yandex.ru

Рецензия на книгу: **Погадаев В.А. История Индонезии в лицах** (М., ИСАА МГУ, 2023). 72 с., илл. ISBN 978-5-907620-22-3

Ключевые слова: В.Погадаев, Индонезия, история, культура, Сингасари Раджаса, Гаджа Мада, Султан Агунг, Утунг Сурапати, Теуку Умар, Раден Салех

Для цитирования: Астафьева Е.М. Прекрасная Индонезия: история и культура в литературных портретах. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 2. С. 79–81. DOI: 10.31857/S032150750030062-0

Beautiful Indonesia: History and Culture in Literary Portraits

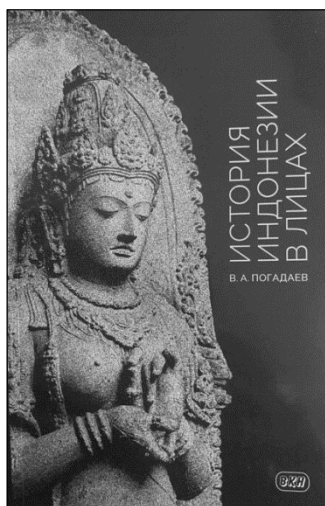
© Ekaterina M. Astafieva^а, 2024

^а Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-8091-407X; katy-ast@yandex.ru

Review of the book: **Pogadaev V.A. History of Indonesia in Faces** (Moscow, 2023). 72 p., ill. (In Russ.). ISBN 978-5-907620-22-3

Keywords: V. Pogadaev, Indonesia, history, culture, Singasari Rajasa, Gajah Mada, Sultan Agung, Utung Surapati, Teuku Umar, Raden Saleh

For citation: Astafieva E.M. Beautiful Indonesia: History and Culture in Literary Portraits. *Asia and Africa today*. 2024, № 2. Pp. 79–81. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030062-0

Рецензируемая книга – «**История Индонезии в лицах**» (М., 2023) – написана к.и.н., профессором, переводчиком, журналистом и одним из крупнейших специалистов в сфере индонезийских и малайзийских исследований – **Виктором Александровичем Погадаевым**. В ней собраны эссе о шести исторических деятелях Индонезии.

Глава I посвящена Раджасе (1182–1227), основателю династии Маджапахита, правителю яванского государства Сингасари, которое было крупнейшей империей средневековой Индонезии. Автор начинает повествование с увлекательной легенды о происхождении Суварнабхуми, как в те далекие времена называлась Юго-Восточная Азия, и вводит читателя в удивительный мир рассказов о Золотой земле. Мы узнаем о происхождении названия яванского царства Сингасари, которое появилось «подобно броску сильного льва и погибло, как втоптаный в грязь цветок» (с. 7).

Попадая в покои правителя Сингасари, мы ощущаем запахи и звуки, окружавшие его, проникаемся тревогой, обуревающей Раджасу. Автор рассказывает нам историю рождения и возвышения Раджасы, полную трагических моментов, удивительных встреч и происшествий, изменивших судьбу простого мальчика по имени Кен Ангрок. Путь Кена Ангрока от правителя Тумапеле до основателя нового государства Сингасари и трагическое окончание жизни Раджасы увлекает своим детективным сюжетом.

Глава II посвящена Гадже Маде (ок. 1300–1364) – первому министру империи Маджапахит, собиравшему яванских земель. Читатель попадает в яванское государство Маджапахит в период правления Виджая, который принял тронное имя Кертараджаса, и его преемника Джаянагары, сотрясаемое войнами, волнениями и мятежами.

Именно в это время в 1300 г. в простой крестьянской семье родился мальчик, который вошел в историю под именем Гаджа Мада, что в переводе означает «Разъяренный слон». Мы узнаем историю его жизни, которую он посвятил укреплению государства и власти монарха. Повествование от первого лица дает возможность проникнуть в мысли и переживания героя. Несмотря на установленную Гаджой Мадой совершенную систему управления и принятие нового кодекса законов, после его смерти империя Маджапахит «стремительно стала клониться к закату» (с. 28).

Глава III повествует о Султানে Агунге (1591–1645), который в 1613 г. стал правителем яванского княжества Матарам. Мы узнаем о его победах и расширении Матарама, о начале голландской колониальной экспансии и коварстве голландцев, о неоднократных попытках Султана Агунга захватить Батавию – форпост голландской Ост-Индской компании. Автор погружает нас в думы правителя, вероятно, сожалеющего, что нужно иногда быть жестоким, но он должен быть таким, «чтобы исполнить свою миссию законного претендента на власть над всей Явой, стать воплощением единства...» (с. 37). И сегодня, как указывает автор, в честь Султана Агунга слагают гимны и песни.

Глава IV переносит нас в события рубежа XVII–XVIII вв. и знакомит с предводителем антиголландского движения на Яве Утунгом Сурапати (1660–1706). Мы будто бы становимся гостями на свадебной церемонии, так искусно описанной автором, узнаем удивительную историю жизни Сурапати, поклявшегося «отдать себя борьбе с иноземными захватчиками» (с. 47). Стречнем повествования стала история любви Сурапати и Раден Гусик Кусумы. Индонезийцы чтят своего героя, и цветы дерева *танджунг*, такие, как когда-то Сурапати подарил своей возлюбленной, окружают его памятник в центре современной Джакарты.

Глава V посвящена герою антиколониальной войны в Аче – Теуку Умару (1854–1899). Как отмечает автор, это «одна из самых героических страниц борьбы народа Индонезии против голландских колонизаторов» (с. 53), охватывающая 40 лет – с 1873 по 1913 г. Теуку Умар рано научился владеть оружием и стал свободным воином. Своей храбростью и умом он добился назначения на должность старосты деревни Дарат, которая после начала войны с голландцами стала одним из центров сопротивления Аче, а Теуку Умар стал мастером партизанской войны. Так на Западе Аче возникла «страна Умара», управление которой постепенно перешло к его высокородной жене Чут Ньяк Дин. Пойдя на соглашение с голландцами в 1893 г., Умар преследовал свои цели – освобождение собственных владений и захват земель саманистов. Однако уже через два с небольшим года он вновь повернул свое оружие против колонизаторов. Теуку Умар был убит голландцами, устроившими засаду на его отряд. А его дело продолжила Чут Ньяк Дин – его жена, которая еще в течение шести лет «вела партизанскую войну, пока её не пленили голландцы» (с. 60). В 1973 г. Теуку Умару было присвоено звание Национального героя Индонезии, его имя носит она из центральных улиц Джакарты.

В **Главе VI** автор знакомит нас с Раденом Салехом (1807–1880) – основоположником современной индонезийской живописи. Мы переносимся на великосветский бал в Вену 1843 г., где гости живо обсуждают «смуглого иноземца в экзотическом костюме» (с. 62). Мы узнаем, как природный талант и упорство Радена Салеха привели его в Голландию, где он учился у известнейших в ту пору голландских художников. Он провел в Европе более 20 лет и не только прекрасно овладел пейзажной и портретной живописью, но и увлекся анимализмом. Он путешествует по Европе, его картины выставляются на вернисажах. В 1851 г. Раден Салех возвращается на родину и в 1857 г. пишет «Пленение Дипонегоро» – «революционную и антиколониальную картину» (с. 67), по словам журналиста-искусствоведа Алви Шахаба. На родине Раден Салех занимался просветительством, археологическими раскопками, поиском старых рукописных книг, в частности, в 1865 г. им была найдена эпитафия времен султана Агунга.

За свою жизнь Раден Салех написал более 80 картин, и именно он считается основоположником современной индонезийской живописи, несмотря на то, что в самой Индонезии отношение к нему неоднозначно – есть критики его творчества, обвиняющие художника в прославлении колонизаторов. По указанию президента Сукарно – «большого почитателя и знатока искусства» (с. 68), вокруг могилы Радена Салеха были возведены стелы с барельефами некоторых его картин.

С удивительным мастерством художника слова Виктор Александрович вплетает в канву повествования описание религиозной жизни индонезийцев, их самобытных традиций и обрядов, системы государственного управления в различные исторические периоды; мы присутствуем на представлении сакрального театра *ваянг*, буквально слышим звуки *гамелана* (индонезийский оркестр) и звон священного кинжала *криса*, который рассекает воздух и вонзается в тело врага.

Безусловной находкой автора можно считать включение в повествование кратких энциклопедических статей: о *крисе* – сакральном оружии Явы (с. 11); о синкретическом яванском мистицизме (с. 38–39), сочетающем индуистско-буддийские мусульманские элементы; о столице Маджапахита во времена Гаджа Мада (с. 27–28); о Боргорском ботаническом саде – крупнейшем в мире арборетуме и научно-исследовательском центре, в котором работали «светила европейской науки, включая российских зоологов и ботаников» (с. 64); о пиратах Южных морей (с. 34–36); о Мухаммаде Самане (1836–1891) (с. 56) и Дипонегоро (1785–1855) (с. 68–69) – руководителе антиколониального восстания 1825–1830 гг., получившего название Яванской войны.

Отдельного упоминания заслуживает «Обращение султана Аче за помощью к России»: неоднократно – в 1873, 1879 и 1904 гг. султан Аче обращался с просьбой «о принятии страны в подданство России», однако Министерство иностранных дел России посчитало это неприемлемым, поскольку «могло бы вызвать нежелательные осложнения с Голландией» (с. 60–61). История не имеет сослагательного наклонения, говорить о том, что было бы, приди тогда Российская империя на помощь ачехцам, мы не будем, но скажем о том, что в 1962 г. помощь молодой Республике Индонезия в освобождении западной Новой Гвинеи от голландских колонизаторов оказал Советский Союз.

Книга представляет собой увлекательно написанное произведение о малоизвестных в нашей стране персонажах и событиях и будет интересна как специалистам-индонезиеведам, так и неспециалистам, интересующимся историей прекрасной страны Индонезии.

* * *

Презентация книги «**История Индонезии в лицах**» прошла в сентябре 2023 г. в Центре восточной литературы Российской государственной библиотеки (ЦВЛ РГБ) при поддержке посольства Республики Индонезия в России, ИСАА МГУ и научного общества «Нусантара».

С приветственным словом к гостям обратилась заведующая ЦВЛ РГБ М.В.Меланьина. Она рассказала о совместных мероприятиях, проводимых в ЦВЛ, посвященных Индонезии, в частности, одном из самых ярких событий весны 2023 г. – Вечере индонезийского джаза. Временный поверенный в делах посольства Индонезии в России Берлиан Хелми в своем выступлении выразил благодарность автору книги за его вклад в укрепление отношений между Индонезией и Россией. Гости мероприятия заслушали выступления рецензентов книги – с.н.с. ИВ РАН Е.М.Астафьеву и члена Союза журналистов России Т.И.Фирсову, которая отметила, что «для любого исследователя путь взаимного познания и духовного обогащения культур нелегок и тернист. Но этот путь, по счастью, – улица с двусторонним движением. Чем больше узнаешь сам, тем больше делишься с другими. И наоборот»¹.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Астафьева Екатерина Михайловна, кандидат исторически наук, старший научный сотрудник, Центр Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Ekaterina M. Astafieva, PhD (History), Senior Researcher, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 10.12.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 09.01.2024

Принята к публикации
(Accepted) 28.01.2024

¹ См. <https://www.rsl.ru/ru/all-news/istoriya-indonezii-v-liczax> (accessed 10.10.2023)